

ISSN 0132-1366

НПО «Издательство «Наука» РАН
Редакция журнала «Славянское ведение»
119334, Москва, Ленинский просп., 32А
тел. 938-01-20
e-mail: furslav@rambler.ru

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО · · ВЕДЕНИЕ

2006

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

2006

ИЮЛЬ

АВГУСТ

Содержание

СТАТЬИ

- Молдован А.М.* (Москва). Славистические исследования в России (К итогам программы
Отделения историко-филологических наук РАН) 3

* * *

- Серационова Е.П.* (Москва). Лига Т. Обера и деятельность ее русской секции на Балка-
нах 16
- Косик В.И.* (Москва). Без отечества: быт(ие) русских в югославской провинции (от вре-
мени короля Александра до власти маршала Тито) 32
- Тимофеев А.Ю.* (Белград). Положение русской эмиграции в Югославии в 1941 году 44
- Покивайлова Т.А.* (Москва). Виктор Богомолец – агент румынских секретных служб ... 57
- Едемский А.Б.* (Москва). Материалы и документы о дискуссиях в среде русской эмигра-
ции вокруг “движения генерала А.А. Власова” в начальный период советско-амери-
канского противостояния 1946–1950 годов 66

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

- Алексеев Н.А.* (Москва). Гальковский Николай Михайлович 81

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Ивонин Ю.Е., Артеменков М.Н.* В.Л. Керов. Французская колонизация Мадагаскара и
граф Бенёвский 88
- Косик В.И.* В.М. Хевролина. Российский дипломат граф Николай Павлович Игна-
тьев 90

<i>Костюшко И.И.</i> И.С. Яжборовская, В.С. Парсаданова. Россия и Польша. Синдром войны 1920 года	96
<i>Косик В.И.</i> Ц. Кьосева. Руската емиграция в България.....	98
<i>Сумникова Т.А.</i> Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова	101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Досталь М.Ю.</i> Международная научная конференция “Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии”	107
В диссертационных советах Института славяноведения РАН.....	112

ЮБИЛЕИ

К юбилею Людмилы Эдуардовны Калнынь	116
К юбилею Лидии Егоровны Семеновой.....	118

НЕКРОЛОГ

<i>Иванов Вяч.Вс.</i> Памяти великого слависта: Владимир Николаевич Топоров (1928–2005)	120
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (и.о. главного редактора),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.В. Болдов (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
 E-mail: jurslav@rambler.ru

© 2006 г. А. М. МОЛДОВАН

СЛАВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ

(К итогам программы Отделения историко-филологических наук РАН)

Происходящие в современном мире общественно-политические изменения привели к заметному снижению интереса к фундаментальной проблематике славистики в зарубежных университетах: сокращается численность славистических кафедр, изменяют профиль деятельности коллеги, диалог с которыми был важной частью нашей работы. Бессмысленно сердиться на то, что история не оправдала наших ожиданий и падение “железного занавеса” принесло не увеличение, а сокращение спроса на славистические исследования. И, к сожалению, не видно оснований надеяться на изменение положения к лучшему, как бы нам этого ни хотелось.

Даже в некоторых славянских странах уменьшается интерес к научному изучению других славянских языков и к общеславянской проблематике, так что славянская филология в них постепенно вытесняется проблемами местного славянского языка в его современном состоянии. Эти исследования имеют очевидные достижения, коррелирующие с аналогичными результатами в исследовании неславянских языков, которые эмансипировали лингвистику от традиционной филологии. К лингвистике обратились за помощью специалисты из самых разных областей знания, таких, как логика, социология, психология, антропология, этнология и др. Особенно востребована она сейчас в связи с развитием компьютерных технологий: лингвистика необходима для решения проблем общения с компьютером на естественном языке, создания моделей машинного перевода и многих других прикладных задач. Но такой подход, к сожалению, сокращает поле славистики, которая не может существовать как механическая совокупность наук об отдельных славянских языках и литературах. Остается уповать на то, что это временное явление, потому что такая методологическая ограниченность рано или поздно отразится на качестве изучения самих национальных языков и культур.

На этом фоне особенно заметна возросшая интенсивность славистических исследований в России. Снятие идеологических запретов привело к существенному расширению их тематики – прежде всего за счет той ее части, которая связана с религиозной культурой славян и становлением их национального самосо-

Молдован Александр Михайлович – чл.-корр. РАН, директор ИРЯ РАН, координатор программы фундаментальных исследований ОИФН РАН “История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте” (2003–2005 гг.).

знания. О том, что славистические проблемы в России сегодня вызывают даже больший интерес, чем прежде, свидетельствует не только сохранение старых периодических изданий по славистике (таких, как журналы “Славяноведение”, “Русская литература”, “Известия Отделения литературы и языка РАН”, отчасти “Вопросы языкознания”, “Филология”, ежегодники “Труды Отдела древнерусской литературы”, “Славянское и балканское языкознание”, “Этимология”, “Общеславянский лингвистический атлас”, серия “Славянский и балканский фольклор” и др.), но и появление множества новых (журналы “Русский язык в научном освещении”, “Philologica”, “Вопросы ономастики”, “Новое литературное обозрение”, “Сибирский филологический журнал”, “Древняя Русь. Вопросы медиевистики”, периодические издания “Славянский альманах”, “Славянский вестник”, “Славяне и их соседи”, “Русский язык сегодня”, “Украина и Белоруссия: история и культура”, “Лингвистическое источниковедение”, “Исследования по славянской диалектологии”, “Ономастика и диалектная лексика” и др.), возрождение дореволюционных славистических журналов, таких, как “Живая старина”, “Отечественные записки”, “Русский филологический вестник” и др. Следует упомянуть также о большом количестве разнообразных сайтов и интернет-порталов по славистике, в частности, посвященных русскому языку, литературе и фольклору.

Достижения российской славистики проявляются не только в необыкновенно возросшем количестве публикаций, но и в повысившемся качестве работ. Такие нередкие в трудах советского периода черты, как идеологическая предвзятость и незнание зарубежных работ по теме сегодня стали почти невозможными. В несколько раз возросло количество посвященных славистической проблематике конференций, симпозиумов, “круглых столов” – в том числе международных.

Общей чертой российской славистики последнего десятилетия является также повысившаяся по сравнению с предшествующим периодом требовательность к полноте привлекаемого материала. Большим стимулом послужило применение компьютеров, обеспечивших исследователей возможностью автоматической обработки больших массивов источников. Поэтому бурно стали развиваться те области филологии, которые особенно нуждались в таком подспорье, – в первую очередь языкознание, словарная работа.

Институционально славистика продолжает развиваться прежде всего в гуманитарных институтах Российской академии наук (Институт славяноведения, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Институт мировой литературы, Институт лингвистических исследований, Институт филологии Сибирского отделения РАН, Институт всеобщей истории, Институт российской истории, Институт археологии, Институт истории материальной культуры и др.), а также на славистических кафедрах университетов. После распада СССР, наряду с традиционными славистическими дисциплинами (болгаристика, полонистика, богемистика, сербистика, кроатистика и т.п.) в российских университетах стали преподаваться украинистика и белорусистика, а в Институте славяноведения РАН были созданы соответствующие подразделения, вошедшие впоследствии в состав Отдела восточного славянства. Значительный объем славистических знаний традиционно осваивается в русле преподавания и изучения истории русского языка, так что специалистов, прямо или косвенно причастных к славистике, в России по-прежнему много.

Фундаментальные исследования по славистике поддерживаются Российским гуманитарным научным фондом, Российским фондом фундаментальных исследований, рядом зарубежных фондов.

Специальную поддержку славистические исследования получили в 2003–2005 гг. в рамках программы Отделения историко-филологических наук РАН “История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте”. Эта программа отразила основные тенденции и аспекты славистических исследований, ведущихся в нашей стране историками, археологами, лингвистами и литературоведами. Она придала их решению комплексный интердисциплинарный характер, обеспечив коллективную разработку научных проектов. При этом особое внимание было уделено типологическим аспектам рассмотрения событий и явлений, помещающим исследование в мировой социокультурный контекст.

Программа была задумана с целью показать значение славяноведения в современной науке, общественной и политической жизни. Славянские народы, проживающие на огромном пространстве евразийского континента и составляющие примерно половину населения Европы, образуют этническую и языковую общность, периодически выступавшую и как общность культурная. Комплексный характер славистики проявляется во всех ее направлениях, особенно при исследовании этногенеза славян, происхождения славянской письменности, культуры и народной словесности. Так, лингвистический анализ славянских текстов создает условия для освещения истории славян, истории и типологии славянских литератур, изучения славянской культуры и историко-археологических данных. В свою очередь археологические материалы (например данные дендрохронологии) могут стать основанием для лингвистических построений, в частности глоттохронологии.

Методология изучения проблем славяноведения определяется материалом конкретного исследования и зависит от исторического этапа или изучаемой области славянского мира, от аспекта наблюдения. Но важнейшим остается сравнительно-исторический метод, обращенный к происхождению, истории, взаимодействию славянских языков, литератур, культуры.

Программа позволила поддержать проведение археологических экспедиций на территории Северной Руси, в ходе которых изучено формирование древнерусских поселенческих и хозяйственных структур, характерных черт древнерусского города и механизма его связей с округой. В исследованиях, выполненных по проектам “Этнокультурные трансформации в лесостепной и степной зоне Восточной Европы в период Великого переселения народов” (А.М. Обломский, ИА РАН)¹ и “Этапы славянского заселения Северо-Запада Русской равнины” (Н.В. Лопатин, ИА РАН), были рассмотрены миграции населения и связанная с ними смена культур на огромной территории от Прибалтики до Дона. Выявлены и районы, которые миграции не затрагивали. Введен в научный оборот богатый материал, характеризующий отношения кочевников с земледельческим населением. Эти работы позволяют представить исторические условия, в которых происходило расселение славян по территории Восточной Европы.

Проект “Северная Русь и народы Балтики” (Е.Н. Носов, ИИМК РАН) связан с более поздним этапом развития Руси: периодом зарождения государства.

¹ В скобках указываются фамилия руководителя проекта и научное учреждение, в рамках которого он выполнен.

Особое значение имело исследование оборонительных и гидротехнических сооружений Рюрикова городища, разрушенных уже в конце IX в., – древнейших сооружений такого типа на всей восточнославянской территории. Участники проекта ввели в оборот богатый материал, характеризующий существовавшие в тот период разнообразные связи Севера Руси и стран Балтии. Предложена научная реконструкция процесса формирования протогородских центров на Севере Руси в сопоставлении с аналогичными процессами на территории Скандинавии, что позволяет понять специфику древнерусского развития.

В работах, выполненных по проекту “Археология севернорусской деревни X–XIII вв.” (чл.-корр. Н.А. Макаров, ИА РАН), на основе новых методов комплексного исследования поселений удалось показать сравнительно высокий уровень благосостояния сельского населения и сложную организацию сельской экономики, что опровергает существовавшие ранее представления о его бедной и примитивной жизни. Применение в этих работах методов исследования, которые активно используются археологами соседних европейских стран, открывает перспективы для широких сравнительно-исторических сопоставлений.

В рамках проекта “Города и поселенческие структуры Рязанской земли” (А.В. Чернецов, ИА РАН) была разработана модель заселения и исторического развития Рязанской земли. В дальнейшем она может получить применение в построении аналогичных моделей заселения и развития других древнерусских земель и их сопоставительного изучения.

Комплексное археологическое и историко-ландшафтное исследование с привлечением письменных свидетельств, картографических материалов и опросов населения выполнено по теме “Домен московских князей (1273–1505 гг.)” (С.З. Чернов, ИА РАН). Такой метод исследования способствовал воссозданию истории хозяйственного освоения территории в тесной связи с эволюцией социальных отношений и институтов управления.

Исследование наиболее мелких фракций московских монет, выполненное по проекту “Русские деньги и денежные системы последней трети XIV–XV вв.” (П.Г. Гайдуков, ИА РАН), позволило представить полную картину денежного обращения на территории Великого княжества Московского. На основе новых более совершенных методов исследования проведена новая каталогизация раннего монетного чекана Москвы и других политических центров Северо-Восточной Руси.

Акад. В.Л. Янин, акад. А.А. Зализняком и А.А. Гиппиусом (ИСл РАН) издан очередной том серии “Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1997–2000 годов”. Опубликованные тексты относятся к XI–XII вв. и представляют для истории русского языка и письменности исключительную ценность. В научный оборот впервые одновременно вводится такое количество оригинальных древнерусских текстов домонгольского времени. За счет публикуемых документов массив домонгольских берестяных грамот увеличился на 45% и составил более половины от их общего числа, тогда как количество грамот XI в. выросло почти вдвое. Особую ценность публикуемым материалам придает тот факт, что они представляют собой не рядовую письменную продукцию обычных городских усадеб, а комплекс документов, связанных с деятельностью административного центра общеновгородского значения. Материал опубликованных грамот позволил существенно уточнить датировку ряда фонетических и морфологических процессов в древнерусском языке, в том числе падение редуцированных, изменения в произношении “ять”, изменения в системе именного, адъективного и местоименного склонений и т.д. Получен новый лексический

материал, включающий ряд слов, вообще не засвидетельствованных в других древнерусских источниках или отраженных очень слабо. Существенно пополнен и известный науке фонд дохристианских славянских личных имен.

В томе опубликовано исследование А.А. Зализняка, посвященное древнерусским надписям, в котором методика изучения берестяных грамот впервые распространена на эпиграфический материал. Результатом этого стали пересмотр и уточнения текста и датировки нескольких десятков новгородских и киевских граффити. В ряде случаев эти новые интерпретации решительным образом меняют смысл текста, открывая в нем источник новой лингвистической, литературной и исторической информации. Так, надпись № 199 из Новгородского Софийского собора, в которой ранее усматривалась загадка о колоколе, в новом прочтении представляет собой обращение к бесу, сатане, которому приданы внешние черты языческого идола. В надписи № 149 из Софии Киевской обнаружился автограф касога Дедильца из Тмуторокани, совершающего паломничество к киевским святыням, что представляет значительный историко-культурный интерес. Существенно новое прочтение предложено также для надписи о положении раки Всеволода в 1093 г., сделанной дружинником Дмитрием.

Специалистами по славянской истории эпохи Средневековья и Нового времени выполнены два важных проекта. По теме “Древняя Русь в пространстве Средневековья” (акад. Г.Г. Литаврин, ИВИ РАН) осуществлен ряд работ, раскрывающих характер взаимодействия Руси с другими регионами Европы и Азии в эпоху раннего Средневековья и воссоздающих “образ Руси” в сознании ее европейских и азиатских соседей. В исследовании, выполненном по проекту “Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья” (чл.-корр. Б.Н. Флоря, ИСЛ РАН), показано своеобразие общественной мысли славянских народов этой эпохи, связанное с особенностями сложившегося здесь общественного строя, не имеющего точных аналогов в других регионах Европы.

Участниками проекта “Южнославянские и балканские народы в международной жизни конца XVIII – начала XX века. Исторические портреты” (И.И. Лещиловская, ИСЛ РАН) подготовлена монография в двух томах, которая включает около 40 глав-очерков, посвященных выдающимся историческим персонажам, оставившим заметный след в национальном возрождении своих народов и в истории своих стран.

Выполнена работа над монографией “Россия и Украина в европейской системе международных отношений второй половины XVII века” (Г.А. Санин, ИРИ РАН).

История славянства в XX в., в которой Россия, несомненно, играет ведущую роль и в политическом, и в культурном, и в литературном отношении, ставит те же проблемы межславянского взаимодействия в новых аспектах. И как и в предшествовавшие эпохи, проблемы межславянского взаимодействия в разных областях истории и культуры переплетаются с проблемами позиционирования славянских народов в общеевропейской истории и культуре. И здесь наряду с политической историей находит приложение весь комплекс гуманитарных дисциплин.

В рамках работы над проектом “Этнические процессы в славянском мире после 1991 г.” (М.Ю. Мартынова, ИЭА РАН) подготовлена книга “Этнические процессы в славянском мире в постсоциалистический период”, в которой рассмотрены этнокультурные аспекты трансформационных процессов на постсоветском и постъюгославском пространствах. Этим коллективом также опубликована монография “Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование”.

По проекту “Восточная Европа в системе международных отношений в первой половине XX века” (чл.-корр. В.К. Волков, ИСл РАН) подготовлен к печати сборник публикаций “Парижская мирная конференция 1919–1920 гг. и мирное урегулирование в Центральной и Юго-Восточной Европе”.

В результате реализации проекта “Государственная самостоятельность Украины и Белоруссии и основные тенденции освещения прошлого восточного славянства мировой наукой” (Л.Е. Горизонтов, ИСл РАН) сделан важный шаг в разработке современной историографии Украины и Белоруссии и установлении конструктивного диалога с учеными этих стран. Готовятся к печати материалы проведенной в рамках проекта совместно с РГГУ крупной международной конференции.

Результатом работы по проекту “История революций в славянских странах: конец 1980 – начало 1990-х годов XX века” (Ю.С. Новопащин, ИСл РАН) стала подготовленная одноименная коллективная монография.

В рамках проекта “Историческое значение социальных и социокультурных перемен в Центральной и Восточной Европе после 1989 г.” (Н.В. Коровицына, ИСл РАН) создана научно-организационная основа нового международного журнала по социальным и гуманитарным наукам “Восточноевропейские исследования”. В 2005 г. изданы первые два выпуска журнала.

В последние десятилетия активно разрабатываются проблемы славянской культуры в истории мировой цивилизации. Это направление связано с изучением слова и текста (языка и языковых “продуктов”) и стоящих за ними мировоззренческих и антропологических (когнитивных) категорий (миф, *sacrum – profanum*, время, пространство, человек и т.д.) с особым вниманием к древнейшим пластам славянской устной и книжной культуры (дохристианские древности, библейская традиция, древнерусская письменность, древнеславянские памятники).

В ИИМК РАН под руководством А.Е. Мусина подготовлен и сдан в печать коллективный труд “Христианская иконографии Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси”. В нем определено место памятников восточного славянства VII–XV вв. как неотъемлемой части европейской христианской иконографии, выявлены тенденции и механизмы рецепции местными культурами культового искусства западноевропейского и византийского круга. Издана монография А.Е. Мусина “*Milites Christi* Древней Руси. Военная культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета” (2005).

По проекту “Славяне, скандинавы и финно-угры: контактные зоны и взаимодействие культур в эпоху Средневековья” (А.Н. Кирпичников, ИИМК РАН) подготовлен и сдан в печать одноименный сборник статей, который содержит сведения о вновь открытых уникальных памятниках археологии (Шкурина Горка, Искоростень, Нангуниеме), о результатах новейших исследований хрестоматийных памятников археологии (Ладога, Рюриково городище, Тимерево), а также аналитические работы, подводящие итоги многолетним исследованиям древностей Финляндии и Северо-Запада России.

При финансовой поддержке по программе подготовлена к изданию монография “Керамика Востока и Византии на Руси (IX–XVII вв.)” (В.Ю. Коваль, ИА РАН); по теме “Древнерусский костюм в контексте североευропейских древностей (по материалам Рюрикова городища под Новгородом)” (Н.В. Хвоцинская, ИИМК РАН) выполнены фотографии вещей, хранящихся в Новгородском государственном музее-заповеднике, зарисовано 226 отдельных предметов, осуществлена компоновка таблиц к монографии, посвященной ювелирным украшениям.

Важной задачей палеорусистики является изучение и издание церковнославянских текстов древнерусского периода, а также создание их электронных версий и словарей. В рамках программы были подготовлены и изданы важнейшие тексты, работа над которыми требовала тщательного и большого труда. К их числу относится издание “Ильиной книги” – одного из важнейших восточнославянских письменных памятников XI–XII вв. (В.Б. Крысько, ИРЯ РАН); подготовлены к публикации “Послания Иоанна митрополита русского к папе Клименту”, “Чудеса Николая Мирликийского” и “Пчела” (Г.С. Баранкова, ИРЯ РАН). Благодаря исследованиям А.А. Пичхадзе, были определены признаки для группировки переведенных с греческого древнеславянских текстов, содержащих восточнославянские элементы в лексике. На этой основе в древнерусской письменности удалось выделить две переводческие традиции.

Большая работа осуществлена по проекту “Памятники русской книжности XVI–XX вв. на востоке России и их роль в сохранении национальных культурных традиций” (акад. Н.Н. Покровский, ИИ СО РАН). Завершена серия крупных исследований новых памятников сибирской старообрядческой книжной традиции. Изданы также монография Т.В. Панич «Книга “Щит веры”», исследующая памятник русской полемической литературы конца XVII в., сборник “Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.”. Завершена работа над коллективным трудом “Духовная литература староверов востока России 18–20 вв.” (отв. ред. Н.Н. Покровский). Сданы в печать монография А.И. Мальцева “Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – нач. XIX вв. (проблема взаимоотношений)” и “Степенная книга царского родословия”, подготовленная к печати Н.Н. Покровским и О.Д. Журавель при участии исследователей из Москвы и Санкт-Петербурга. На основе найденного в Сибири древнейшего списка первого нелетописного курса отечественной истории (1563 г.) подготовлено двухтомное издание, проанализированы принципы работы над текстом Максима Грека, введены в научный оборот и изучены сотни памятников народной старообрядческой литературы, а также тексты сибирской мемуаристики.

Коллектив под руководством А.А. Алексеева (ИРЛИ РАН) работал над проектом, имеющим большое значение для славистики и библеистики, для русской культурной и религиозной истории – компьютерным изданием славянской версии Пятикнижия по списку Геннадиевской Библии 1499 г.

Следует, наконец, отметить два проекта, связанных с изучением и подготовкой к изданию важных памятников древнерусской духовной культуры – “Житие Евфросинии Полоцкой” (Б.М. Клосс, ИРИ РАН), в ходе работы над которым подготовлено исследование и публикация одного из немногих произведений средневековой литературы, созданных на территории современной Белоруссии, и “Проблемы духовного просвещения и православной культуры в России XVI–XVII вв.” (Н.В. Сеницына, ИРИ РАН), в ходе работы над которым была завершена подготовка к изданию собрания сочинений Максима Грека – крупнейшего представителя духовной культуры не только древнерусского, но и всего восточнохристианского мира позднего Средневековья.

В последние десятилетия в славистике активно развиваются филологические направления культурологии. По теме “Лубочная библия в народной культуре XVII–XIX вв.” (А.А. Плетнева, ИРЯ РАН) завершена работа над каталогом ветхозаветных сюжетов, представленных в лубочной традиции, и проведено их сравнение со стандартным библейским текстом и различными небиблейскими источниками (в ряде случаев лубки ориентировались на апокрифическую тра-

дицию, восходящую, как удалось выяснить, к талмудическим текстам). Подготовлена книга, в которой тексты лубочных листов воспроизводятся параллельно с церковнославянским текстом Библии, а в комментариях объясняются смысловые расхождения лубочного текста со стандартным библейским и анализируются наиболее значимые языковые особенности.

Автор работы “Язык, мирозерцание и духовная жизнь человека в русской религиозной мысли” В.И. Постовалова (ИЯ РАН) представила в подготовленной монографии и цикле статей результаты изучения русского религиозно-философского дискурса и его важнейших концептов: языка и человека, имени, молитвы, “умного делания” и др., философских концепций языка и познания, а также антропологических воззрений русских религиозных мыслителей XIX–XX вв. (П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева).

По теме “Миф Европы в польской и русской литературе и искусстве” (В.А. Хорев, ИСл РАН) издан сборник статей: “Миф Европы в литературе и культуре Польши и России”, собранный по материалам российско-польской конференции (Москва, май 2003 г.); сдан в печать сборник “Творчество В. Гомбровича и европейская культура”. В этих работах показана этноконфессиональная, идеологическая и художественная специфика восприятия Европы в польской и русской культурах, определены важнейшие отличия в способах конструирования мифа Европы на протяжении XVII–XX вв., установлено его влияние на: а) самописание культур, б) их идеалы и образцы – от общественного устройства до художественного творчества, в) тип взаимодействия личности и нации, общества и индивида, выраженный в национальной идеологии.

Большое теоретическое значение имеют тематические сборники, подготовленные по проекту “Категории славянской культуры” (Л.А. Софронова, ИСл РАН). В сборнике “Оппозиция сакральное/светское в славянской культуре” на материале литературы, искусства и художественной жизни славянских народов исследуются явления взаимодействия сакрального и светского и возникновения сакрализованных форм культуры. Сборник “Телесный код в славянских культурах” составлен по материалам международной конференции и посвящен категории телесности в традиционной славянской культуре, литературе славянских народов, а также в изобразительном искусстве и театре. Сдан в печать сборник “Ландшафт культуры. Славянский мир”.

По теме “Индивид и социум в народной культуре: лексикографический аспект” (С.Е. Никитина, ИЯ РАН) на материале фольклорных текстов разных жанров (причитания, духовные стихи) конфессиональных групп (православных, молокан, духоборов, старообрядцев) изучены ключевые слова и концепты соответствующей конфессиональной картины мира и отдельных жанров конфессиональной культуры в форме тезаурусного представления, разработанного С.Е. Никитиной. Подготовлена монография С.Е. Никитиной и Е.Ю. Кукушкиной “Человек в фольклорном социуме”, в которой дается семантическое описание лексики, связанной с социальным статусом человека в фольклорных текстах.

Относящаяся к обширной области славянской мифологии и фольклора проблема фольклорной текстологии изучалась на материале текстов разных славянских традиций и жанров в рамках проекта “Сравнительное изучение мифологии и фольклора славянских народов” (Л.Н. Виноградова, ИСл РАН). Подготовлен очередной сборник статей в серии “Семантика и прагматика фольклорного текста”, в котором на широком общеславянском материале исследуются в сравнительном аспекте вопросы функциональной и семантической

специфики текстов разных жанров. Издан в русском переводе сборник работ известного польского исследователя фольклора и духовной культуры Е. Барминского, которому принадлежит разработка таких существенных культурологических понятий, как стереотип, профилирование и др. Проведены две конференции памяти Н.И. Толстого (ежегодные “Толстовские чтения”), посвященные теоретическим вопросам изучения языка культуры (ареальным методам, методам реконструкции культурной семантики лексики и фразеологии). Продолжалась полевая работа в Болгарии, Сербии, на Украине и в России.

По теме “Межъязыковое влияние в истории славянских литературных языков и диалектов: социокультурный аспект” (Т.И. Вендина, ИСл РАН) проведено три “круглых стола” и подготовлен одноименный сборник статей.

Продуктивной была работа по теме “Этнокультурные традиции русского народа в XIX – начале XXI в. и их значение в истории мировой цивилизации” (Х.В. Поплавская, ИЭА РАН). Подготовлены к публикации пять монографий: Воронина Т.А. “Культура питания населения Русского Севера в XIX веке: будни и праздники”; Кириченко О.В. “Православное подвижничество в России XVIII–XX веков (социально-сословный аспект)”; Кремлева И.А. “Похоронно-поминальные обычаи и обряды русского сельского населения в XIX – начале XXI в.”; Липинская В.А. “Из истории народной медицины XVIII в. Травник с лечебником: Публикация источника”; Поплавская Х.В. “Онисим Васильевич Симоченков. Воспоминания. Путешествие на Восток по святым местам с 3 августа 1857 г. по 1 апреля 1858 г.” Опубликованы источники по теме: Тульцева Л.А. “Русский аграрно-праздничный календарь. Зимний цикл”; Шляхтина Н.В. “Дом как среда проявления религиозности (по материалам православных семей конца XIX – начала XX веков)”.

Новые важные результаты получены по проектам, посвященным теории, типологии и сравнительно-историческому изучению славянских языков. При этом новизна в исследованиях филологов во многом связана с интерпретацией исторических фактов. Выдающимся событием в отечественной науке стало издание в 2004 г. акад. А.А. Зализняком (ИСл РАН) монографии “Слово о полку Игореве: Взгляд лингвиста”. Проблема подлинности “Слова” впервые детально рассмотрена в ее наиболее важном, лингвистическом аспекте, при этом приведены факты, имеющие неоспоримое доказательное значение. Лингвистическое исследование “Слова” на фоне показаний древнерусских источников XI–XV вв. обнаружило полное соответствие языковых характеристик этого памятника раннедревнерусскому узусу, выступающему во внешней “оболочке” списка XV в. Тем самым была продемонстрирована лингвистическая несостоятельность попыток объявить “Слово” фальсификацией XVIII в.

Чл.-корр. В.А. Дыбо (ИСл РАН) подготовил и сдал в печать 2-й том исследования “Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис”. Значительным достижением в области истории славянских языков является тезис о “промежуточной” зоне между индоевропейской и балто-славянской акцентными системами, существование которой В.А. Дыбо относит не к эпохе общности полей погребальных урн, как предполагалось ранее, а к периоду общности шнуровой керамики (приблизительно 2200 г. до н.э.).

Принципиально новым в филологии является исследование имянаречения у древнерусских князей и скандинавских конунгов, проведенное А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенским (ИСл РАН), показавшее, что имянаречение и выбор христианского / нехристианского имени в эту эпоху было системообразующим и расшифровывалось однозначно.

Среди созданных за последнее время больших коллективных трудов, содержащих глубокие лингвотеретические обобщения, нужно прежде всего назвать проект акад. Ю.Д. Апресяна (ИРЯ РАН), под руководством которого подготовлена к изданию коллективная монография “Языковая картина мира и системная лексикография” (60 а.л.), в которой излагаются основные принципы, понятия и правила интегрального описания языка.

Новые данные о славянских языках собраны и приведены в фундаментальных изданиях серии “Языки мира” (А.А. Кибрик, ИЯ РАН). В этой серии были подготовлены тома по балтийским и славянским языкам, начиная с глубокой древности и вплоть до современных контактов, что дало возможность реинтерпретировать традиционную трактовку их связей. Том “Славянские языки” издан в 2005 г.

Опубликован проект «Русский идеографический словарь. “Мир человека и человек в окружающем его мире”» (акад. Н.Ю. Шведова, ИРЯ РАН), отражающий многолетние исследования соотношения концептуального и языкового аспектов в антропоцентрике.

В области создания коллективных трудов словарно-энциклопедического плана наиболее крупной работой является завершение работы над 4-м томом словаря “Славянские древности” (С.М. Толстая, ИСл РАН). Продолжалась работа над завершающим 5-м томом словаря. Уникальность этого издания в том, что оно позволяет сквозь призму календарной и обрядовой лексики и терминологии, лексики, связанной с мироустройством, культурой, мифологическими представлениями, фразеологии, дать комплексное описание языковой картины мира славянских народов. Завершена работа над сборником “Московская этнолингвистика”.

Тематически к этой работе примыкает коллективное исследование “Культурные диалекты Южной Славии” (А.А. Плотникова, ИСл РАН), авторы которого осуществили большую полевую работу в регионах Сербии и Болгарии. По этой теме в 2004 г. была опубликована фундаментальная монография А.А. Плотниковой “Этнолингвистическая география Южной Славии”.

Большая работа проделана по проекту “Унифицированного словника для русско-иноязычных словарей” (Л.П. Крысин, ИРЯ РАН), на основе которого был выработан единый формат описания слова и разработано около 6 000 словарных статей.

Значимый результат получен по проекту З.М. Петровой (ИЛИ РАН) по созданию электронной версии “Словаря русского языка XVIII века”, в рамках которого разработаны принципы электронной модели словарной статьи и создан полный электронный вариант “Указателя” источников словаря.

Новые данные в области исследования проблем типологии языков, языковых союзов и языковых контактов отражены в подготовленной к печати коллективной монографии “Типология грамматических систем славянского пространства” (чл.-корр. Т.М. Николаева, ИСл РАН). Монография состоит из двух тематических блоков: 1) типологическое исследование языковых систем славянского пространства – от описания междометий до типологии порядка слов; 2) типологические исследования грамматической рефлексии славистов-кодификаторов.

Славяно-балтийские культурные и языковые связи изучались в совместном проекте Института славяноведения и Института лингвистических исследований РАН (Т.В. Цивьян и чл.-корр. Н.Н. Казанский). В рамках этого проекта Ю.В. Откупщиков завершил работу над монографией “Этимология гидронимов бассейна реки Оки”. Ведется большая работа по подготовке компьютерной вер-

сии трудов акад. В.Н. Топорова. Опубликовано ряд работ совместно с учеными Литвы.

В работах по истории славянских литератур и фольклора по этой программе за три года достигнуты ценные результаты, отметим важнейшие из них.

По проекту “История литератур западных и южных славян с IX в. до 1945 г.” (Л.Н. Будагова, ИСл РАН) издан коллективный труд “Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян”, в котором рассмотрен круг вопросов, связанных с отражением и осмыслением событий 1914–1918 гг. в прозе, поэзии, драматургии, мемуарах, письмах, дневниках представителей разных народов, поколений и профессий. Кроме того, в 2005 г. подготовлены к печати коллективные труды: “Россия в глазах славянского мира” “Сербско-русские литературные и культурные связи XIV–XX вв.”, “Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век”; завершена авторская работа над монографиями Л.Н. Будаговой “История чешской литературы конца XIX – первой половины XX в” и Р.Ф. Дорониной “История сербской литературы XVIII – начала XX в.”.

Национальная специфика и художественные достижения славянских литератур Центральной и Юго-Восточной Европы в XX и в начале XXI в. исследованы в рамках проекта “Национальная идентичность славянских литератур в условиях глобализации” (С.А. Шерлаимова, ИСл РАН). В изданных и сданных в печать трудах – “Литературные итоги XX века (Центральная и Юго-Восточная Европа)”, “Постмодернизм в славянских литературах”, “Итоги литературного развития в XX веке в проблемно-типологическом освещении. Центральная и Юго-Восточная Европа”, “Национальная идентичность литератур Центральной и Юго-Восточной Европы в условиях глобализации”, И.Е. Адельгейм «Поэтика “промежутка”: молодая польская проза после 1989 г.» рассмотрен механизм обновления национальной идентичности в условиях глобализации, оказавшийся связанным с постмодернистскими явлениями в литературах Польши, Чехии, Словакии, Болгарии, Македонии, Сербии, Словении, Хорватии.

По проекту “Язык и герменевтика русской поэзии в мировом социокультурном контексте” (М.И. Шапир, ИЯ РАН) изданы и подготовлены к изданию монографии И.А. Пильщикова “Батюшков и литература Италии: Филологические разыскания”, А.Б. Пеньковского “Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики”, М.И. Шапира “Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков”; И.А. Пильщикова «Язык русской элегии “золотого века” в генетическом и типологическом освещении». Разработана методика решения проблемы “стих и язык”, сформулированы принципы новой научной дисциплины – исторической грамматики стихотворной речи. Всесторонне описаны отношения К.Н. Батюшкова с итальянским языком, итальянской литературой и культурой. На пушкинском материале поставлена и проиллюстрирована проблема грамматического и семантического отличия русского языка первой трети XIX в. от современного.

Большая работа выполнена по проекту “Русская литература в мировом социокультурном контексте” (чл.-корр. Е.К. Ромодановская, ИФ СО РАН). Проведено текстологическое исследование “Римских Деяний” по всем доступным спискам. Подготовлен первоначальный вариант монографии «“Римские Деяния” на Руси», включающий все выявленные редакции и варианты, а также историко-теоретические разделы. Опубликовано первый выпуск “Экспериментального словаря сюжетов и мотивов русской литературы” (библейские, мифологические и царские сюжеты); сдан в печать второй выпуск (сюжеты о мировых героях), подготовлен к печати третий выпуск (античные сюжеты).

Проанализированы сюжетные и мотивные сетки отдельных произведений русской литературы в двух выпусках “Материалов к словарю сюжетов и мотивов русской литературы”. Опубликованы монографии: Л.П. Якимова «Мотивная структура романа Леонида Леонова “Пирамида”» (Новосибирск, 2003), М.А. Бологова «Текст и смысл. Стратегии чтения. К.К. Вагинов “Козлиная песнь”. В.В. Набоков “Дар”, М.А. Булгаков “Мастер и Маргарита”» (Новосибирск, 2004); сданы в печать монографии: Е.В. Капинос и Е.Ю. Куликова “Лирические сюжеты в поэзии и прозе XX века”, Т.И. Печерская “Специфика художественной рецепции документального материала: Набоков и Чернышевский”.

По итогам работы над проектом “Русская литература в христианской цивилизации” (В.А. Котельников, ИРЛИ РАН) сдан в издательство сборник “Христианство и русская литература. Сб. 5”, в который вошли статьи о религиозно-культурных традициях христианства в творчестве А. Хомякова, А. Майкова, К. Кавелина, А. Толстого, А. Волынского, И. Шмелева, Вяч. Иванова и других писателей.

Коллективный труд “Концепция мира и человека в творчестве М. Горького” создан в рамках одноименного проекта (Л.А. Спиридонова, ИМЛИ РАН). С привлечением нового архивного материала в нем рассматриваются актуальные проблемы, нашедшие выражение в творчестве М. Горького: концепция личности и ее философское обоснование в контексте истории, противостояние Востока и Запада, их национальная и интернациональная составляющие, судьбы цивилизации и культуры, поиски “срединного” пути исторического развития России, осмысление опыта русской революции в мировоззренческом аспекте. Параллельно издан сборник “Максим Горький и литературные искания XX столетия”; подготовлен коллективный труд “М. Горький и его корреспонденты”.

В ходе работы над проектом “Очерки типологии русского художественного сознания начала XX в.” его автором, В.Б. Черкасским (ИМЛИ РАН), была разработана система классификации русского художественного сознания начала XX в. Выделены новые типологические критерии для изучения русской литературы Серебряного века, что позволяет расширить наши представления о художественном мире отдельных писателей, раскрыть существующие между ними типологические взаимосвязи, по-новому увидеть литературный процесс в целом.

По проекту “Фольклор: поэтика межэтнических связей” (чл.-корр. В.М. Гацак, ИМЛИ РАН) подготовлена 2-я часть коллективной монографии, в которой применяется комплексный подход к материалу: фольклористическое исследование сочетается с привлечением диалектных и иных лингвистических данных, с учетом этно-бытовых, конфессиональных и других особенностей.

В рамках программы оказывалась поддержка в организации не только археологических, но и диалектологических экспедиций. В частности, в соответствии с проектом по изучению диалектной речи старообрядцев (Л.Л. Касаткин, ИРЯ РАН), осуществлены экспедиционные поездки к старообрядцам в Румынию, Эстонию, США и на Украину. Во многих экспедициях по России и Украине участвовал коллектив под руководством С.Л. Николаева (“Историческая лингвогеография восточнославянских языков”, ИСЛ РАН).

В ходе выполнения программы было проведено большое количество конференций и “круглых столов” с участием отечественных и зарубежных ученых.

Разумеется, данная академическая программа далеко не исчерпывает всего разнообразия ведущихся в России славистических исследований. Говоря о состоянии славистики в России, нужно отметить неослабевающий интерес к этимологии и истории русского и других славянских языков, к старославянскому и цер-

ковнославянскому языкам как языкам славянской письменности. Продолжается издание таких известных словарей, как “Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд)” (в 2005 г. издан 32-й вып.) “Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)” (Т. 7, 2004 г.) и “Словарь русского языка XI–VII вв.” (Т. 26, 2002 г.), “Словарь русского языка XVIII в.” (Вып. 14, 2004 г.), “Словарь русских народных говоров” (Вып. 38, 2004 г.), областных диалектных словарей (архангельский, псковский и др.); в Санкт-Петербурге издан 1-й выпуск “Словаря обиходного языка Московской Руси”. Что касается современного русского языка, то здесь нет возможности даже просто перечислить появившиеся за последнее время десятки словарей разных типов и назначения. Важным событием стало создание в России Национального корпуса русского языка (www.ruscorgo.ru), который уже достиг объема в 120 млн словоупотреблений и продолжает наращивать объем и совершенствоваться.

В славянских странах, в том числе и в России, сейчас накапливаются электронные издания древнейших славянских текстов, создаются корпуса памятников древней славянской письменности, обеспеченные системой информационного поиска. В частности, в России созданы и представлены в Интернете автоматизированные системы по таким памятникам, как Путятина минея, древнерусская “Пчела”, “Житие Андрея Юродивого”, “Изборник 1076 г.”, “Чудеса” Николая Мирликийского и ряд других. Параллельно продолжается работа в области изучения и традиционных форм издания древних славянских памятников, увенчавшаяся за последние два года такими изданиями, как “История Иудейской войны” Иосифа Флавия, “Сочинения. Книга глаголема Фотиос” митрополита Киевского и всея Руси Фотия, “Житие святителя Николая Мирликийского” и “Святой Георгий Победоносец” в агиографическом своде Андрея Курбского, сочинения Стефана Яворского, Псалтирь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова и др. Готовится ряд новых академических изданий древних памятников.

Определенное оживление наблюдается в России в области ономастики. Выходят ономастические словари (топонимические словари А.К. Матвеева, В.М. Воробьева, Е.М. Пospelова, В.М. Шабалина, словарь этнонимов Р.А. Агеевой, антропонимические словари И.М. Ганьжиной, А.В. Суперанской, Ю.И. Чайкиной, словарь хронимов С.М. Толстой и др.); с 2004 г. издается журнал “Вопросы ономастики”; в 2005 г. в Екатеринбурге состоялась весьма продуктивная международная конференция “Ономастика в кругу гуманитарных наук”.

Динамичная работа идет в области славянской фольклористики. Действуют многочисленные центры исследования фольклора в Москве, Архангельске, Иркутске, Новосибирске и особенно в Омске. В феврале 2006 г. Российским государственным центром русского фольклора в Москве был проведен Первый всероссийский конгресс фольклористов России. В серии “Памятники фольклора” изданы тома, посвященные русскому и белорусскому фольклору. Фольклористика развивается не только как филологическая, но и как музыковедческая дисциплина.

В настоящее время Национальный комитет славистов Российской Федерации совместно с Международным комитетом славистов готовится к проведению XIV съезда славистов (2008 г., Охрид, Македония). Хочется надеяться, что съезд, отражающий позитивные тенденции в мировой славистике, позволит достойно представить достижения российских ученых.

© 2006 г. *Е. П. СЕРАПИОНОВА*

ЛИГА Т. ОБЕРА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕЕ РУССКОЙ СЕКЦИИ НА БАЛКАНАХ

Первый (Учредительный) конгресс Коммунистического интернационала состоялся в начале марта 1919 г. в Москве. На нем были созданы Исполнительный комитет (ИККИ) из представителей компартий различных стран и руководящее Бюро. В 1919–1920 гг. постепенно сформировались центральный и региональные аппараты III Интернационала, в том числе Управление делами ИККИ, Петроградское бюро, журнал “Коммунистический Интернационал”, Отдел международной пропаганды, Восточный отдел, бюро переводчиков, библиотека. Возникли заграничные отделения и бюро ИККИ в Венгрии, Баварии, Киеве, Стокгольме, Осло, Амстердаме, Вене, Софии. В январе 1920 г. на III конференции Балканской социалистической федерации (БСФ) в Софии было решено преобразовать ее в коммунистическую (БКФ). БКФ стала действовать под руководством ИККИ [1. С. 7–14].

Целью Коммунистического Интернационала, записанной в его уставе, принятом на втором конгрессе в августе 1920 г., являлась “борьба всеми средствами, также и с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии и создание Международной советской республики, как переходной ступени к полному уничтожению государства” [1. С. 19]. В том же году образовалась Военная школа ИККИ. До 1924 г. прошло пять конгрессов Коминтерна. Год от года рос аппарат, расширялась деятельность КИ. Эта растущая активность объединившихся коммунистов по всему миру не могла не вызвать опасений у их противников и желания противостоять деятельности по распространению коммунистических утопий.

Международная Лига борьбы против III Интернационала возникла по инициативе женевского адвоката Теодора Обера в 1924 г. Еще в 1918 г. Т. Обер выступил против большевистского движения, инспирированного советской миссией в Швейцарии во главе с А. Балабановой, в результате чего миссия была выслана из страны. В 1920 г. в Женеве состоялся секретный антикоммунистический съезд, в котором приняли участие, кроме представителей организаций, примкнувших к Оберу, члены правительств или чины министерств внутренних дел ряда европейских государств. На съезде поднимался вопрос о своевременности начала организованной борьбы против большевизма и предлагался широ-

Серапионова Елена Павловна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

кий план. Там установились контакты между активистами антибольшевистских сил, но, принимая во внимание, что международный характер опасности большевизма еще не осознавался широкими массами, было решено, что время общих выступлений пока не настало.

Особо известен Обер стал в связи с громким процессом над убийцами советского дипломата В.В. Воровского капитаном Конради и его помощником ротмистром Полуниным. Процесс длился около полугода. Благодаря блестящей речи Обера на Лозанском судебном процессе, обвиняемым 16 ноября 1923 г. был вынесен оправдательный приговор. Обер собрал внушительный материал о преступлениях большевиков в России и проникся сознанием необходимости борьбы против распространения коммунистических идей. Современники отмечали, что Обер был умным, энергичным, весьма практичным и деловым человеком, способным от слов немедленно переходить к делу [2. Д. 1. Л. 196].

13 марта 1924 г. он созвал первое заседание организационного бюро, а 23–24 июня того же года в Париже состоялась международная конференция лиц, сочувствовавших учреждению Лиги борьбы с Коммунистическим интернационалом, на которой и было оформлено создание этой организации. В конференции участвовали свыше 30 представителей патриотических, гражданских и фашистских организаций ряда европейских стран и США, а также русских эмигрантов. Высшим органом Лиги стал периодически (1–2 раза в год) собираемый Международный совет, в котором каждая страна располагала одним голосом. Непрерывность работы Лиги обеспечивало Постоянное бюро, расположившееся в Женеве (ПБ), председателем которого был избран Т. Обер. В состав Международного совета временно были избраны: от Франции – Лармер, председатель Международного союза владельцев зданий, от Бельгии – майор Спильтуар, председатель Антверпенской гражданской лиги, от Голландии – Вап, председатель Нидерландского гражданского союза, от Англии – генерал Прескотт-Дэси, председатель Британской патриотической лиги, от Норвегии – майор Фугнер, председатель Норвежского гражданского союза, от Финляндии – Лоувил, от Королевства сербов, хорватов и словенцев (в то время официальное название Югославии) – Ефтич, от Швейцарии – Обер, от русской группы – генерал Гурко [2. Д. 1. Л. 309].

Первые месяцы существования ПБ были посвящены созданию международного аппарата, способного обеспечить работу Лиги. Вскоре выяснилось, что одних речей, собраний и деклараций мало и надо создать организацию, которая работала бы постоянно, вне зависимости от курса правительств и настроений общественности. Для этого надлежало: 1) в каждой стране создать антибольшевистский центр; 2) образовать международный центр информации и пропаганды для организации связи и обслуживания национальных центров; 3) найти материальные средства для работы. Опыт показал, что гораздо целесообразнее образовывать малочисленные национальные комитеты с целью обеспечить связь со всеми правительственными и общественными силами, которые можно использовать в борьбе с большевиками. Так, стараясь привлечь известного своей антибольшевистской позицией лидера Национально-демократической партии, депутата Национального собрания Чехословацкой республики К. Крамаржу к работе Лиги, член ее Русской секции в Париже А.И. Гучков в своем письме от 21 августа 1924 г. рассказывал Крамаржу о процессе в Лозанне, создании в Женеве Бюро Международного согласия для борьбы с III Интернационалом и состоявшемся в Париже съезде представителей девяти стран. По словам Гучко-

ва, целью Лиги являлась борьба против сил, подрывающих основы современной цивилизации – семью, собственность, отечество. Противником прямо называлась советская власть в Москве. В письме сообщалось о планах координировать работу, периодически созывая международные съезды и публикуя бюллетени о жизни в России и заграничной деятельности Коминтерна. Гучков информировал Крамаржа о намеченной структуре Лиги и возможном составе ее польской секции, созданием которой занимался С. Козицкий и куда хотели привлечь давнего знакомого Крамаржа Р. Дмовского. Переговорами о возможном непосредственном участии в работе Лиги самого чехословацкого политика должен был заниматься П.Б. Струве [З. Карт. 19].

Действительно, основными целями организации Обера являлось противодействовать работе III Интернационала и поставить его сторонников “вне закона”. При этом активные, наступательные методы борьбы, использовавшиеся III Интернационалом, решительно осуждались, тактика Лиги Обера была скорее оборонительной. Основным направлением деятельности признавалась пропаганда посредством печати, однако не исключались и другие способы сопротивления. В одном из документов Лиги отмечалось, что весьма желательным было бы “нахождение путей к установлению связи с антикоммунистически настроенными широкими слоями населения в России и пропаганда в пределах последней международного сотрудничества для низвержения III Интернационала” [2. Д. 1. Л. 281].

Не случайно, что первыми на начинание Обера откликнулись русские эмигранты. Генерал П.Н. Врангель и русские беженцы от лица Русской Армии предоставили первоначальные средства для организации в размере 20 тыс. франков [2. Д. 1. Л. 1а, 275]. Самое первое пожертвование составило 200 швейцарских франков [2. Д. 1. Л. 1а]. По предварительным подсчетам, для обеспечения работы центрального органа был необходим капитал в 2 млн золотых франков (на проценты от которого он мог бы непрерывно функционировать), национальные же организации должны были работать на местные средства. К январю 1925 г. в большинстве европейских стран возникли антибольшевистские центры, в США и других странах переговоры об их образовании близились к концу. Так как Коминтерн проводил атеистическую пропаганду, Обер создал комитет из представителей христианских церквей для связи и сотрудничества с руководящими национальными антибольшевистскими центрами.

Через шесть месяцев Международное бюро Лиги подвело итоги первого периода работы и подготовило обширный доклад, в первой части которого содержался обзор деятельности Коминтерна по всему миру, а во второй части – анализировались причины успехов III Интернационала и назывались пути противодействия ему, определялись как общая политика Лиги, так и конкретные мероприятия в разных областях. В докладе констатировалось, что большевики являются очень серьезными врагами. В статьях выходившей в Белграде на русском языке газеты “Новое время” большевизм характеризовался как “язва наших дней”, борьба с ним рассматривалась как “крестовый поход XX века”, проводилась параллель между борьбой с большевизмом и с рабством [2. Д. 1. Л. 16].

Лига выпускала антибольшевистские издания (брошюры, воззвания), еженедельно по разным странам рассылался бюллетень на французском языке с точными сведениями о текущей работе III Интернационала и результатах большевистской политики.

К весне 1925 г. сформировалась Русская секция (РС) Международной лиги. Ее политическим кредо стало “Все для национальной России и ради нее”. Враг – большевизм и социализм, союзница – культурная Европа. Это была попытка объединить русскую эмиграцию разных политических направлений на почве антибольшевизма и, вместе с тем, окончательно размежеваться с теми, кто смирился с победой большевиков. Участие русских эмигрантов в борьбе против III Интернационала было естественным, так как многие из них являлись идейными противниками коммунизма и с оружием в руках воевали против большевиков в годы Гражданской войны в России. В призывах содействовать Лиге говорилось о разных возможных формах этой помощи: личное участие, предоставление информации, разоблачающей большевиков (в том числе из личного опыта), пожертвования. Однако Русская секция находилась в совершенно иных условиях по сравнению с другими национальными секциями, так как русские антикоммунисты не имели своей территории, находились в изгнании и их политическая деятельность была крайне затруднена. Секретариат РС не получал материальной поддержки ни от своих национальных представительств, ни от Женевского Постоянного бюро, но обеспечивал свое функционирование, издавал литературу и безвозмездно распространял ее. Изредка члены секретариата РС совершали поездки на Балканы.

В Женеве, как уже отмечалось, функционировало международное Постоянное бюро во главе с Т. Обером, при нем образовалась специальная организация для материального обеспечения его деятельности, планировалось создание центров связи с правительствами, церквями, юношескими и студенческими организациями, в 16 странах появились национальные антибольшевистские организации [4. 11 IV 1925]. Благодаря влиянию кардинала Мерсье достаточно быстро, к сентябрю 1924 г., возник центр в Бельгии, некоторые сложности существовали с созданием аппарата в Эстонии, Латвии и Польше, непростым оказалось формирование центра в Германии [2. Д. 1. Л. 276]. Антикоминтерновская организация в какой-то степени копировала организационное устройство III Коминтерна, надеясь по его примеру в дальнейшем объединять организации отдельных стран по определенным географическим зонам и европейским секторам. В первую очередь принимались меры для установления более тесной и непосредственной связи и сотрудничества на Балканах [2. Д. 1. Л. 245].

Одним из основных направлений работы национальных центров стал сбор средств на работу всей организации. Минимальный взнос “члена-соревнователя” (т.е. желающего содействовать Лиге) равнялся 1 швейцарскому франку в год, что не было обременительным даже для малоимущих. В то же время расчет делался на привлечение как можно большего числа “соревнователей”. В призывах подчеркивалось, что все русские взносы пойдут исключительно на борьбу с большевиками, так как содержание аппарата Лиги обеспечено из иностранных источников [4. 11 IV 1925]. Сведения о собранных пожертвованиях печатались в газетах. Деньги затем переводились в Женеву Оберу, часть из них расходовалась на местные нужды организации. Каждой группе РС ставилась задача выяснить, как, какими способами, при помощи каких денежных средств и кем осуществляется работа III Интернационала в пределах данной страны и каковы наилучшие и практически осуществимые способы воспрепятствования и, по возможности, прекращения этой работы. Русские представители при ПБ ежемесячно ожидали присылки в Женеву 1 и 15 числа сводок данных о работе III Интернационала в пределах страны и вырезок местной прессы по этому во-

просу. Сообщения просили посылать точные и краткие, желательно на французском и немецком языках. Рекомендовалось создавать антибольшевистские пресс-бюро, которые бы концентрировали сведения о деятельности III Интернационала и поддерживали связь с местной прессой. Специфика каждого государства предполагала достаточно широкую автономию работы отдельных организаций РС. Русской секции ставилась задача через наработанные эмигрантские связи привлечь к работе Лиги влиятельных иностранцев и иностранные патриотические группировки. Все сведения о лицах и организациях, которые желательно и полезно привлечь к сотрудничеству, надо было направлять в Женеву. Особо ценным считалось заинтересовать деятельностью Лиги членов парламента, руководителей печатных органов, представителей экономических кругов, патриотических и военных организаций.

На Балканах, и в частности в Болгарии, Коминтерн действовал очень активно. Болгария была сильно разорена чередой войн, которые вела с 1912 г. Ее поражение в Первой мировой войне и достаточно тяжелые условия Нейиского мирного договора, согласно которому страна обязывалась платить большие репарации, привели к плачевному экономическому положению. Недостаток посевных площадей и денег у правительства, а также избыток рабочих рук определяли ситуацию в стране. Массовое недовольство социальным положением создавало благоприятную среду для коммунистической пропаганды. Кроме того, с 1924 г. во внешней политике Коминтерна произошла переориентация – от деятельности в индустриальных странах (Англии, Германии) к активности в аграрных (на Балканах, в Румынии, на юге Италии), через которые предполагалось атаковать индустриальный центр Европы [5. 7 III 1930].

На Балканах, в Королевстве СХС и Болгарии после победы большевиков в Гражданской войне в России нашли приют несколько десятков тысяч русских эмигрантов, в основном эвакуированные с юга России части врангелевской армии. В Софии в июне 1924 г. одним из первых, наряду с Парижским и Белградским комитетами, возник комитет Русской секции Лиги. Правда, до 1926 г. единственным представителем организации Обера в Болгарии оставался генерал-лейтенант Иван Александрович Ронжин, который затем ввиду своего отъезда во Францию передал дела капитану Клавдию Александровичу Фоссу, активно включившемуся в работу Лиги. Последний поддерживал постоянную связь с представителем Русской секции в Женеве Юрием Ильичем Лодыженским, а затем с его братом Александром Ильичом Лодыженским, сменившим его на этом посту в декабре 1927 г. Тесный контакт был налажен и с секретарем Парижского комитета Русской секции Лиги Аркадием Павловичем Полуниным.

Первым временным председателем Парижского комитета был избран светлейший князь А.П. Ливен. Членами парижской организации состояли: Ф.И. Верисоцкий, А.В. Карташов, Г.Г. Чертков, П.Н. Шатилов, В.И. Гурко, А.И. Гучков, Н.Н. Шебеко, кн. С.Е. Трубецкой, М.В. Бернацкий, Ю.Ф. Семенов, А.П. Полунин, участвовал в ее работе А.В. Станиславский [2. Д. 1. Л. 1; Л. 213–217]. Позднее в 1926 г. в комитет были избраны Н.Н. Чебышев, М.М. Федоров, Е.П. Семенов.

11 июня 1924 г. в Белграде состоялось собрание представителей 44 русских организаций, постановившее приветствовать инициативу Обера предоставить ПБ Лиги всестороннюю помощь, в том числе и путем сбора средств [2. Д. 1. Л. 331]. В начале 1925 г. в Белградский комитет РС входили: В.П. Шмит, А.М. Драгомиров, Н.Н. Львов, В.В. Шульгин, В.А. Лебедев, В.Х. Давац,

В.В. Крейтер. Он имел уже местные отделения в Любляне, Загребе и Скопле¹. Кроме трех вышеназванных комитетов РС в начале 1925 г. имела еще четырех корреспондентов Постоянного бюро: в Праге им являлся Б.Н. Неандер, в Берлине – А.А. Фон-Лампе, в Лондоне – граф Беннигсен, в Копенгагене – С.Н. Потцкий.

Комитет Русской секции в Париже намеревался взять на себя лишь функции координационного органа между русскими организациями в разных странах. Но преимущественно военный состав русских эмигрантов в Королевстве СХС и Болгарии определил отрицательное отношение балканских членов организации к предложенным организационным принципам устройства Русской секции Лиги. Белградский комитет был не согласен с идеей русских парижан и настаивал на том, что необходим не только координационный, но и руководящий центр, которому бы четко подчинялись местные организации в разных странах. В связи с этим в феврале 1925 г. из Белграда в Париж было направлено письмо с критическими замечаниями в отношении принципов структурной организации Русской секции, в котором белградские представители писали, что русские должны занять видное положение в Лиге борьбы с III Интернационалом, Русской секции необходим центральный руководящий и направляющий орган, активный, работоспособный и состоящий в тесной связи с центральным органом Международной лиги [2. Д. 1. Л. 170]. Работу на местах предполагалось вести через легальные группировки (политические партии, союзы и т.п.).

Деятельность Лиги на Балканах осуществлялась с согласия и при активном участии командования Русской армии, самого Главнокомандующего П.Н. Врангеля и его штаба. В ответе на запрос, как относиться армейским чинам и офицерским организациям к Международной Лиге по борьбе с коммунизмом, генерал Кусонский 7 июля 1924 г. писал: “Так как означенная Лига не является учреждением партийным, а преследует по существу те же цели, кои ставит себе и Армия, во имя которых она в свое время проливала кровь, Главнокомандующий не только не встречает препятствий, но и рекомендует всем национально мыслящим русским воинам лично принимать в той или иной форме участие в деятельности Лиги” [2. Д. 1. Л. 305]. Связь Лиги с армией сохранилась и в дальнейшем. Выступая на банкете, устроенном общественными и политическими организациями в честь генерала А.П. Кутепова 12 мая 1929 г., представитель постоянного секретариата РС во Франции В.В. Никитин заявлял: “Русская секция Международной лиги не политическая партия. Мы техническая организация, наше желание – быть полезными тем русским и иностранцам, кто хочет с нами связаться и содействовать общим усилиям против коммунистов” [2. Д. 2. Л. 80].

10 июля 1924 г. в Софии состоялось заседание Объединенного бюро русских общественных организаций в Болгарии, где И.А. Ронжин участвовал как представитель Армии и ознакомил присутствовавших с отчетом об июньской организационной конференции Лиги в Париже. На заседании единогласно постановили выразить Оберу благодарность за почин в организации Лиги и предложить свою помощь в этом деле [2. Д. 2. Л. 301]. Окончательно РС Лиги Обера в Со-

¹ В состав Люблянского отделения входили: проф. Билимович, инж. Шуберский, ген. Гернграсс, в состав Загребского: ген. Адлерберг, ген. Драценко, проф. Пушен, Боярский и Барзов, в Скоплянском отделении состояли: В.И. Тяжелников, ген. Выгран, В.М. Виленски [2. Д. 1. Л. 217].

фии оформилась после визита в Болгарию в сентябре 1924 г. Ю.И. Лодыженского [2. Д. 3. Л. 334].

25 июля 1924 г. командование дало разрешение начать сборы в фонд Обера, но только при условии, что взносы будут добровольными, а их размер не будет фиксирован. Собранные суммы надлежало направлять генерал-лейтенанту Ронжину, которому поручался их сбор [2. Д. 2. Л. 299]. 8 октября 1924 г. генерал обратился с призывом к русскому зарубежью жертвовать на борьбу с Интернационалом хотя бы 1 швейцарский франк в год (что составляло в то время 26 левов), т.е. приблизительно по 2 лева в месяц [4. 8 X 1924]. Первые 100 швейцарских франков из Болгарии он перевел Оберу 15 января 1925 г. [4. 28 I 1925]. В основном жертвователями являлись офицеры, встречались также гражданские лица, священники, представители различных организаций. Газета “Русь” регулярно печатала списки лиц и организаций, пожертвовавших средства на деятельность Лиги [4. 31 VII, 9 X, 21 XI 1924; 12 II, 2, 18 III, 6, 28 IV, 21 VIII 1925 и т.п.]. Но русские эмигранты в основной массе были бедны, сбор средств шел туго, особенно зимой, когда заработки почти отсутствовали. Кроме того, постоянно собирали на другие мероприятия, в 1927 г. эмигранты несли дополнительные расходы на новые нансеновские паспорта. Как считал Фосс, причины малочисленности сборов состояли “в общей инертности, пробудившемся эгоизме, отходе большинства эмиграции от общественной жизни и заботе лишь об увеличении насущного заработка” [2. Д. 2. Л. 251], а также в бездеятельности всех существовавших там организаций. По его словам, рассчитывать на систематическую поддержку со стороны болгар не приходилось, она носила лишь случайный характер [2. Д. 2. Л. 252]. Получая информацию из Женевы, Ронжин, а затем и Фосс направляли ее болгарским министрам [2. Д. 1. Л. 175].

К.А. Фосс через связанных посылал в Женеву информацию (нередко зашифрованную) о коммунистическом движении на Балканах, вел работу по привлечению постоянных жертвователей, получал из Швейцарии и распространял в Болгарии пропагандистскую антибольшевистскую литературу, организовал сбор средств в пользу Лиги во всех русских учреждениях в Софии, создал сеть неофициальных сборщиков в ряде болгарских городов, а затем открыл там местные отделения РС.

В сентябре 1926 г. он сообщал в Женеву, что болгарская полиция раскрыла тайную комсомольскую организацию и в ее руки попал документ о планах болгарских коммунистов изменить тактику, проникать в ряды буржуазных организаций молодежи, усилить левые легальные организации, создать большую вооруженную организацию, способную противостоять наемной армии, бороться с националистической идеологией [2. Д. 1. Л. 25].

Нередко Фосс ориентировал русских представителей в Женеве в отношении болгарского внешнеполитического курса, сообщая в 1926 г., что правительство старается достичь добрососедских отношений с Румынией, Турцией и отчасти с Грецией, хорошие отношения существовали с Муссолини, который первый оказал Болгарии поддержку после 9 июня². В экономическом отношении болгары придерживались ориентации на Германию, в политическом – на Англию [2. Д. 2. Л. 401].

² 9 июня 1923 г. в Болгарии на смену левому земледельческому режиму пришло буржуазное правительство “Демократического сговора” Цанкова.

К.А. Фосс поддерживал контакт с болгарскими политиками, симпатизировавшими Лиге. Так, в письме от 17 августа 1926 г. он сообщал Ю.И. Лодыженскому, что по его желанию беседовал с депутатом Тодором Кожухаровым, возглавившим болгарский отдел Лиги, и выяснил, что экономическое положение Болгарии очень тяжелое, расчеты на получение займа от Лиги Наций провалились из-за противодействия соседей Болгарии, безработица в стране достигла 45 тыс. человек, правительство же настроено антибольшевистски. Он передал пожелание Кожухарова “окольными путями” оказать внешнеполитическую поддержку Болгарии, тогда бы она активнее включилась в борьбу против Коминтерна. Он писал: “Пока этого не будет, Болгария особого интереса к Лиге не проявит, так как болгары народ с крайне практичным складом ума. От участия Болгария не отказывается, но и на жертвы в настоящее время идти не может: нужны деньги, а они могут найтись только в крайнем случае” [2. Д. 2. Л. 33–34]. Буквально через неделю Фосс в письме Лодыженскому опять писал: “Если бы удалось оказать давление на задорных соседей (вероятно, имелись в виду Югославия и Греция. – *Е.С.*) при помощи одной из великих держав (хотя бы Англии), Вы бы безусловно привлекли в лице Болгарии одну из самых деятельных сотрудниц, причем ее легко было бы тогда побудить внести 10–15 тыс. левов” [2. Д. 2. Л. 32]. Осенью 1927 г. Фосс сообщал в Женеву, что установил контакт с заменившим Кожухарова болгарским представителем Лиги полковником запаса Петром Трояновым, занимавшим должность инспектора физического воспитания в Министерстве народного просвещения. Вначале Троянов произвел на него впечатление человека энергичного и делового, у которого была масса планов по организации работы, а именно – создать школу пропаганды, перевести на болгарский язык издания Лиги, организовать болгарское антикоммунистическое общество, привлечь болгарских промышленников и печать. Однако время шло, а большинство планов не реализовывалось, поэтому Фосс впоследствии в нем несколько разочаровался. Через два года в его докладе, подготовленном для Лодыженского, говорилось: “Болгарское представительство крайне бездеятельно. Контакт с ним тесный. Содействие оказывает, но самостоятельной деятельности не проявляет” [2. Д. 3. Л. 337].

В 1927 г. экономическое положение в стране оставалось тяжелым, росли безработица и беспорядки, питаемые из-за границы. Недоброжелательность соседей возрастала в связи с деятельностью македонских чет на территории Сербии и Греции, причем оба государства считали, что четы посылают болгары. Активность внутренней македонской революционной организации (ВМРО) не отвечала официальному внешнеполитическому курсу Болгарии, но эта террористическая организация пользовалась поддержкой болгарского генерала Вылкова [6. С. 216–217]. Большевики вновь активизировали свою деятельность на Балканах, сконцентрировав руководство в Константинополе. ИККИ вел непосредственно работу на Балканах и из СССР через Румынию и Варну (Болгарский центр располагался в Евпатории). Особое внимание советской пропаганды на Балканах уделялось македонскому вопросу [2. Д. 3. Л. 333]. В этой связи Фосс писал: “Болгария сейчас является оплотом антибольшевизма на Балканах, а потому ее надо всячески поддерживать” [2. Д. 2. Л. 309об]. Для этого он предлагал добиться заграничных займов, разрешения на призывную армию вместо наемной, поглощавшей около трети госбюджета, и облегчения репараций. Здесь же он предупреждал, что в противном случае Болгарию легко вновь бросить в объ-

ятия сельскохозяйственно-коммунистического режима, так как без помощи извне страна не справится с трудностями, особенно экономического порядка.

Деятельность РС Лиги в Болгарии была затруднена отсутствием финансов, безразличием русских, а также в немалой степени косностью и инертностью болгарской интеллигенции и буржуазии. Русские эмигранты в Болгарии общей численностью около 20 тыс. были разъединены. Однако уже к осени 1924 г. удалось прочесть 56 бесплатных лекций в различных болгарских городах, выпустить пятьдесят три номера газет “Русское эхо”, “Знамя России”, издать несколько книг и брошюр на русском и болгарском языках³.

Болгарский комитет РС проводил работу по трем направлениям: 1) в Болгарии; 2) во всех соседних с Болгарией странах; 3) в “Совдепии”. При этом поддерживалась постоянная связь с Белградом. РС в Болгарии в соответствии с принципиальными установками Лиги в основном занималась легальной пропагандой и агитацией в печати, а также сбором средств. Лишь за один год “Русь” опубликовала 5–6 статей о Международной Лиге Обера, но статьи публиковались за деньги (приблизительно 150 левов за то, чтобы поместили статью [2. Д. 2. Л. 192]). К концу апреля 1928 г. в Болгарии имелось 15 пунктов РС и болгарское представительство Троянова. А в августе того же года Фосс сообщал: “У меня 7 отделов, 12 подотделов и 3 корреспондента” [2. Д. 2. Л. 252 об.]. В одном из писем в Женеву прилагалась и схема связей софийского представительства РС Лиги с национальными центрами за границей и местными отделениями в Болгарии, расположенными в Варне, Елисейне, Мездре, Вратце, Св. Враче, Петриче, Мехоне, Руцуке, Неврокопе, Г. Джумае, Сливене, Габрове, Шумане, Ст. Загоре, В. Тырнове, Пернике, Хаскове, Видине, Бургасе, Мине Кара-Баир и Пловдиве [2. Д. 2. Л. 172, 175]. Местные представительства строились по принципу тайных обществ, в виде полузаконспирированных пятерок для привлечения интереса молодежи, составлявшей основной контингент участников. Центральный комитет РС в составе трех человек (по одному представителю от войсковых, студенческих и общественных организаций) располагался в Софии. Позднее было создано Постоянное представительство в составе четырех нейтральных членов: штабс-капитана Браунера, Я.Н. Ряпнинского, поручика Столяренко и Н.Н. Попова. Сам Фосс оставался в тени и руководил созданным представительством. Ему удалось учредить Комитет друзей Международной Лиги по борьбе с III Интернационалом. Появились и полуконспиративные молодежные ячейки из пяти членов, дисциплинированные, управляемые начальником, друг друга не знавшие, для работы внутри различных общественных организаций и в Советской России. С членами ячеек велись занятия по социологии, политической экономике, истории и социальным вопросам [2. Д. 3. Л. 337]. В Лиге объединялись представители разных политических течений. Международный совет Лиги относился к “активизму” (т.е. борьбе с большевизмом любыми средствами) отрицательно, однако Русская секция воспринимала его сочувственно и сама действовала в этом направлении. Фосс аккуратно сообщал Лодыженскому о настроениях “некоторых кругов” русской эмиграции, считавших, что пора встать на путь активной борьбы с большевиками, т.е. осуществлять террористические

³ А именно: Речь Т. Обера “Что ожидает Болгарию, если коммунисты захватят власть?”, М. Ардыбашев “Знакомство с советской Россией”, “Значение совершившегося в России”, Б. Ивинский “Кто виноват в несчастьи России – русская интеллигенция перед судом совершившихся событий” и др. [2. Д. 1. Л. 272–273].

акты в отношении видных большевистских деятелей и всех учреждений и лиц ГПУ, оправдывая это тем, что именно данная советская верхушка (всего около 60–70 человек) при помощи ГПУ терроризирует все население России, которое в своей массе настроено антибольшевистски [2. Д. 2. Л. 276–277].

Легальную работу он рассматривал как подготовку к более серьезной деятельности, а именно: проникновению в коммунистическую среду за границей в целях противодействия ее активности, а также отправки эмиссаров в Советский Союз для пропаганды, информации и “создания благоприятной почвы для подрыва существующего там строя” [2. Д. 2. Л. 276]. Чтобы осуществить эту программу, предполагалось создать специальные курсы слушателей, приобрести собственный печатный орган, организовать радиопередачи. Но все, как всегда, упиралось в отсутствие финансов. Кроме того, русские профессора, осевшие в Болгарии, возглавить школу под эгидой Лиги отказались. Пришлось соединить программу курсов с сôкольской⁴ и программой студенческого литературного кружка. Что касается радиопередач, то данный вопрос также оказалось сложно решить из-за крайне настороженного отношения к этому болгар, хотя Лига имела опыт организации и соответствующих курсов, и радиопередач в других странах.

В 1928 г. благодаря займам и умелой политике правительства Болгария только-только начала выходить из экономического кризиса, как в апреле на нее обрушилось новое несчастье – землетрясение на юге страны, во время которого было разрушено несколько городов. Естественно, что бедствие больше всего сказывалось на неимущих, среди которых было немало русских. В этой связи Фосс писал Лодыженскому 24 апреля 1928 г.: “Краеугольным камнем в Балканской политике является Болгария, на которую особую ставку делает Совдепия, избравшая ее своей мишенью. Исключительно тяжелое материальное положение ... широко ... используется крайними элементами, поддерживаемыми бессовестными соседями” [2. Д. 2. Л. 274]. Далее он продолжал: “Наш долг приложить все усилия и старания, чтобы не лишиться столь сильного, в смысле антибольшевистской борьбы, члена нашей организации, каковой в настоящее время является Болгария, героически переносящая все испытания во внутренней жизни” [2. Д. 2. Л. 274].

С лета 1927 г. Софийскому комитету РС удалось установить связь с людьми из СССР, однако ни условий работы, ни денег для деятельности на советской территории не было [2. Д. 2. Л. 240]. Предполагалось, что, с одной стороны, на советскую территорию будет переправляться пропагандистская литература (воззвания, газеты, сводки), а с другой – специально подготовленные люди для создания ячеек по распространению пропагандистских материалов, экономического саботажа, террористических актов против видных сотрудников ГПУ, изучения советского быта. Переброска людей требовала больших затрат (приблизительно 100 долларов на каждого переправленного человека). Естественно, что такого рода деятельность была нелегальной и официально Лига как бы не была к ней причастна [2. Д. 2. Л. 193].

В свою очередь А.И. Лодыженский информировал Фосса, что РС занята подготовкой издания ежегодника “Русское освободительное движение” на французском и, возможно, английском языках, целью которого являлось содействие

⁴ Сôкольское физкультурно-патриотическое движение возникло в Чешских землях в XIX в., а затем распространилось и за границей.

развитию международного движения за освобождение России. Эта же задача была возложена на русскую и чешскую секции Лиги Обера. Он также сообщал, что на днях должен выйти первый номер газеты “Общее дело” на французском языке. Ее редактор Бурцев установил с РС тесные связи и обещал поставлять организации по 2 тыс. экземпляров газеты в обмен на предоставляемую ему информацию. Отношения РС в Болгарии с болгарским представителем Лиги П. Трояновым складывались непросто и обострились из-за того, что через РС он направил статью в “Общее дело”, но напечатана она не была, так как вскоре издание прекратилось. Троянов же остался обижен.

Лодыженский поручил Фоссу взять на себя организацию представительства РС в Греции. Представительство РС в Софии кроме связей с Женевой, Парижем, Белградом поддерживало контакты с Константинополем, Бухарестом и Прагой. В Чехословакии представительство Лиги организовать не удалось, но связь с некоторыми лицами, проживавшими там, была установлена. Лодыженский настаивал на еще более тесных контактах Софии и Белграда, где представительство Лиги возглавил генерал А.М. Драгомиров. Наиболее активным и энергичным работником и “душой дела” в югославской столице являлся председатель правления Союза русских торговых, промышленных и финансовых деятелей в Королевстве СХС, он же председатель правления Российского центрального объединения в Королевстве, член правления Кассы взаимного кредита ВЗС⁵, товарищ председателя белградского представительства РС Г.Г. Миткевич. Укрепить связи вскоре удалось. Представительство РС в Королевстве СХС информировало единомышленников в Болгарии о своей деятельности, заключавшейся в активной антикоммунистической пропаганде в сербской печати и на радио, установлении контактов с патриотической организацией “Народна Обрана” и сербским национальным центром Лиги во главе с полковником в отставке Миличем и публицистом Павловичем, организации лекций и докладов, расширении сети местных отделений и корреспондентов, сборе членских взносов и пожертвований и переводе присылаемой литературы на сербский язык [2. Д. 3. Л. 10–11]. В письме Фоссу 28 декабря 1928 г. Миткевич писал: “Всегда готов работать с Вами в самой тесной связи. Мы приступили к печатанию ежемесячных бюллетеней на сербском языке, если нужно, можем высылать” [2. Д. 2. Л. 163]. Опыт издания бюллетеней на сербском дал положительные результаты и привлек внимание общественных и правительственных кругов к представительству РС в Белграде. Это навело болгарского представителя РС на мысль тоже выпускать бюллетени на болгарском, однако средств хватило только на издание один раз в два месяца под флагом Общества друзей Лиги наполовину на болгарском, наполовину на русском языке. Но уже в 1930 г. издание бюллетеня прекратилось из-за скудного финансирования [2. Д. 3. Л. 42–43]. Фосс получал из Женевы небольшие суммы на канцелярские нужды и другие расходы организации, но его деятельность не оплачивалась, и, чтобы заработать на жизнь, он служил иностранным корреспондентом в частной конторе [2. Д. 2. Л. 253].

Весной 1929 г. РС в Болгарии явилась инициатором кампании борьбы против признания “Советов” болгарским правительством. Воззвания и статьи печатались и в болгарской прессе, в частности в газете “Мир” [2. Д. 2. Л. 81]. Анализи-

⁵ ВЗС – Всероссийский земский союз.

руа внутривполитическую обстановку в Болгарии и ее международное положение, Фосс сообщал в Женеву в июле 1929 г.: «Вопрос о признании советов Болгарией не так прост... Болгария в своем внешнеполитическом курсе идет по линии наименьшего сопротивления, которая определяется сближением с Италией, в лице которой она ищет поддержку против агрессивных намерений со стороны Югославии. Италия, в свою очередь, ведет политику “окружения” Югославии, выражающуюся в заключении всевозможных пактов и конвенций с Албанией, Грецией, Болгарией и Венгрией. При всем этом невидимо присутствует рука Англии, в противовес Франции, поддерживающей всецело Югославию... Имея дело с государствами, отнюдь не гнушающимися своими связями с советами, и находясь сама в крайне тяжелом политическом и финансовом положении, Болгария ... будет искать сближения с советами, ставя признание их в зависимость от дальнейшего хода переговоров с ними Англии в надежде облегчить свое положение» [2. Д. 2. Л. 70]. Свое предположение Фосс основывал на появившихся заметках в болгарских газетах “Утро” и “Заря”⁶, поэтому просил представителей ПБ Лиги прислать кого-то для переговоров с высшими болгарскими лицами.

Деятельность Лиги постепенно ширилась и захватывала все более широкие общественные круги, возник даже особый отдел организации для борьбы с коммунистической пропагандой в Азии и Африке. Четко отслеживалась ситуация внутри Коминтерна, где в 1929 г. обострился вопрос о троцкизме, а также деятельность коммунистов на Балканах. К концу 1928 г. в БКП сложилось два течения с собственными ЦК. 12 января 1929 г. ИККИ предписал ЦК БКП сталинской ориентации и ЦК комсомола ликвидировать троцкистскую группу. Часть работы возлагалась и на Профинтерн.

В сентябре 1929 г. в В. Тырново состоялся съезд местных отделений РС в Болгарии. Приурочен он был к ожидавшемуся визиту Лодыженского, который, однако, несколько отложил свой приезд. В связи со съездом К.А. Фосс подготовил обширный отчет о деятельности РС за прошедший 1928 г. В нем констатировалось, что в Болгарии функционировала густая сеть отделений представительства, наиболее деятельные из них Руцукское, Перникское, Варненское, Видинское и в Елисейне. Болгарскому представительству удалось создать незначительную сеть активных работников в Советской России и школу по подготовке соответствующих кадров. Предпринимались попытки объединить антибольшевистские организации русских в Болгарии, но в провинции объединение шло успешнее, чем в столице, где враждовали две организации – Комитет по делам русских беженцев и Бюро труда при Лиге наций. Систематически печатались антикоммунистические материалы в газете “Русь”, а после ее закрытия – в газете “Голос”, было прочитано около 30 лекций и докладов в разных болгарских городах, причем в Варне доклад о деятельности Лиги был сделан на болгарском языке. Так как Троянову не удалось оформить создание общества, то часть его работы РС взяла на себя, организовав издание соответствующих статей в болгарской прессе Софии, Руцука и Варны, в газетах “Родна защита”, “Мир”, “Ля Болгари”. РС поддерживала связи с полицейско-административными органами в Софии и национальными организациями в провинции. Кроме того, установились связи с англичанами, французами и итальянцами, сотруднича-

⁶ В официальной болгарской печати стали появляться заявления о необходимости признания “Советов” в случае, если Англия установит с ними отношения.

ми военно-репарационного органа в Софии, с британским представительством, с бельгийским клубом и бельгийской администрацией сахарного завода в Рушуке. Среди них с успехом распространялась пропагандистская литература. В первой части доклада К.А. Фосса характеризовались также внутренняя обстановка в Болгарии и состояние русских эмигрантских организаций, наиболее крупными и активными из которых являлись РОВС, Союз студентов, Союз национальной молодежи, Союзы инвалидов, ветеранов, легитимистов, врачей, агрономов, Красный Крест, Всероссийский Земский союз и Союз городов. Наиболее значимыми и перспективными с точки зрения Лиги Фосс считал РОВС и Союз национальной молодежи. Характеризуя русскую эмиграцию в Болгарии, Фосс отмечал “ее крайнюю разрозненность, вражду между собой, общее переутомление, занятость добыванием куска хлеба, апатию и инертность, ее духовный кризис” [2. Д. 3. Л. 334], который объяснял слишком длительным нахождением за границей. При этом он подчеркивал, что лишь небольшая часть эмигрантов жаждала продолжения борьбы, но при этом не была удовлетворена расплывчатостью целей и задач Лиги. Поэтому он предлагал четко определить конечную цель и подробно разработать этапы ее осуществления.

Работа в Советской России, имевшая целью свержение большевиков, мыслилась как посылка туда людей для активной работы, установления связей с существовавшими в стране антибольшевистскими организациями, распространение антикоммунистической литературы. Однако, как отмечалось в докладе Фосса, хотя и предпринимались попытки переброски литературы, было затрачено много энергии, сил и средств, но достижения оставались крайне малыми, не удавалось войти в тесный контакт с организациями и отдельными лицами на советской территории [2. Д. 3. Л. 338].

Осенью 1929 г. международная комиссия экспертов вынесла решение об ограничении ежегодных выплат Болгарией в счет репараций до 12 млн золотых франков (в течение 33 лет). Предложение облегчало положение, но было далеко от реальных возможностей Болгарии. В Софии прошла грандиозная манифестация против репараций, имелись случаи столкновения с полицией. Болгарские представители в Париже внесли встречные предложения о снижении ежегодных платежей до 10 млн с мораторием на первые 5 лет, однако это предложение не было принято Англией, Францией и Италией. Поэтому ситуация внутри Болгарии оставалась достаточно напряженной. Большевики оживили свою деятельность, и из провинции поступали тревожные сведения о нарастающих там пробольшевистских настроениях [2. Д. 3. Л. 73].

В октябре 1929 г. состоялась 6-я сессия Совета лиги Обера, на которой присутствовали представители многих стран [7. 20 X 1929], в том числе Швейцарии, Бельгии, Франции, Голландии и ее колоний, Австрии, Болгарии, Чехословакии, Польши, Югославии, Испании, Греции, Венгрии, Румынии, Бразилии и Японии [7. 8 XII 1929]. Там присутствовали и официальные представители правительств шести государств. Постоянное бюро представило устав Лиги, в котором в качестве цели определялось “уничтожение большевизма, бескомпромиссная борьба со всеми большевистскими установлениями и организациями, как основными, так и вспомогательными, а также с большевистскими выступлениями во всех областях” [2. Д. 3. Л. 263]. Кроме того, в уставе отмечалось, что Лига оказывает любое возможное содействие всякому народу, подпавшему под большевистскую тиранию. Чехословацкий представитель Лиги А. Шебек отметил парадоксальное положение, когда министры внутренних дел предписывают полиции

энергичные действия против большевизма и коммунизма, а министры иностранных дел поддерживают установление отношений с СССР. По его мнению, необходимо было решительно отказаться от поддержки советской власти. С противоположным мнением выступил представитель Германии, и, ссылаясь на факт добрых отношений своего правительства с советским, призвал отделять борьбу с коммунистическими идеями от выступлений против советского правительства. В результате полемики победила точка зрения Шебека, а германский отдел Лиги было решено ликвидировать и создать новый [6. 21 XI 1929]. Чехословацкому центру поручили практическую разработку путей осуществления решения о непосредственном переходе к борьбе с советским правительством. РС в Женеве вместе с руководством чехословацкого центра вызвалось разработать план создания международного комитета содействия русскому освободительному движению. Лодыженский писал Фоссу, что ему удалось выяснить точку зрения польских антикоммунистических кругов на русский вопрос, причем оказалось, что она совпадала с мнением РС, в том числе и в отношении украинского сепаратистского движения [2. Д. 3. Л. 290]. Но польский центр Лиги, объединявший 43 антибольшевистские организации и опиравшийся на национальную партию, оппозиционную правительственной, в то время почти не имел влияния на польскую политику.

Между тем, борьба за восстановление отношений с СССР в Болгарии продолжалась. В декабре 1929 г. депутаты рабочей партии Калайджиев, Димитров и Желязков подали в парламент запрос министру внутренних дел, утверждая, что экономический кризис облегчился бы, если восстановить нормальные экономические и торговые отношения с СССР. В пример приводилось английское правительство, а также подчеркивалось, что Советский Союз поддерживает Болгарию в вопросе о ликвидации репараций [2. Д. 3. Л. 274]. В связи с этим Фосс просил Лодыженского прислать литературу о положении в СССР, чтобы убедительно доказать, что ввозить оттуда нечего, экономическое положение Болгарии не улучшится и Советская Россия не сможет повлиять на решение вопроса о репарациях [2. Д. 3. Л. 273]. Материалы о Коминтерне требовались для болгарского министерства юстиции, которому периодически приходилось вести процессы над коммунистами (“процесс 11-ти”, “процесс 52-х” и т.п.). В условиях экономического кризиса отмечался сильный рост коммунистических настроений в промышленных центрах – Сливене, Габрово, причиной чему являлись большая безработица и снижение заработной платы [2. Д. 3. Л. 194]. 13 марта 1930 г. Коминтерн объявил Днем безработных, но в Болгарии манифестации были запрещены полицией.

В начале 1930 г. А.И. Лодыженский посетил Белград и Софию, так как запланированное ранее совещание РС во Франции провести не удалось. Визит женевакого представителя РС, возмущение, вызванное похищением большевиками генерала А.П. Кутепова заметно активизировали антикоммунистическое движение русских в Болгарии. Первая половина 1930 г. прошла для Лиги под знаком подготовки к съезду защиты религиозной свободы в России, запланированному во Франции на 20–22 июня. В кампании приняла участие и Болгария. 9 марта в Софии состоялся митинг-протест. Утром во всех церквях прошли богослужения, литургии, панихиды о замученных и молебствования о спасении России. В Александро-Невском соборе служил и проповедовал митрополит Стефан. Затем в театре “Рояль” прошел митинг, в котором приняли участие национально-патриотические организации: “Родна защита”, Союз офицеров запа-

са, “Кубрат”, “Юнаки” и др. На митинге присутствовали священнослужители разных конфессий, представители болгарской общественности, политических партий. Русская колония активно участвовала в митинге во главе с епископом Серафимом и председателем Святорусского братства князем Ухтомским. Участники митинга отметили массовые гонения на церковь и верующих, а также разрушения храмов в СССР и призвали правительства и глав церквей прекратить сношения с советской властью [8. 16 III 1930]. Решено было создать в Болгарии Комитет по борьбе с религиозными преследованиями и Общенациональный болгарский комитет по борьбе с большевизмом [2. Д. 3. Л. 72, 74; 5. 29 III 1930].

Оживление антикоммунистического движения в Болгарии было связано и с тем, что весной 1930 г. там была раскрыта новая комсомольская конспиративная организация, арестованы ее члены Г. Тайков, Н.Т. Парванский, Д.А. Попов, Г.И. Бунжулов, доказана ее связь с подобными организациями в Берлине и Москве [2. Д. 3 Л. 66, 72]. Торговая палата в Софии получила сообщение о том, что агенты русского правительства разъезжают по стране и предлагают на комиссию или на долгосрочный кредит товары по низким ценам [9. 28 III 1930]. Первого мая коммунисты пытались устроить уличное собрание в Софии, но были разогнаны полицией, стачки состоялись на отдельных предприятиях в Пловдиве и Хасково.

В июне на съезде Лиги во Франции было принято обращение к Постоянному Совету выработать положение против церковного раскола и обсуждена инструкция “О русском зарубежном активизме”. Международная кампания протестов против религиозных гонений ощутимых результатов не дала, так как преследования за веру в России продолжались. Поэтому было создано международное совещание, в котором приняли участие протестанты и православные, в том числе представители Сербской и Болгарской церквей, обоих течений Зарубежной русской церкви. Было решено вести борьбу параллельно двумя способами: организациям, работавшим в России, осуществлять чисто гуманитарные функции, а с другой стороны, продолжать и расширять движение протеста, осуществлять сборы в помощь страждущим (посылки евангелий, молитвенников, поддержка заключенных, передача по радио литургий, молитв и пр.). Центральному бюро по взаимодействию церквей поручалось организовать комитет помощи верующим в России [2. Д. 4. Л. 42]. В этом движении принимали участие и католики, папа протестовал против гонений на церковь в России.

В 1932–1934 гг. работа РС Лиги продолжалась по трем направлениям: 1) выработка правил и инструкций относительно порядка деятельности; 2) агитация против коммунистических идей и советской политики; 3) просветительская деятельность, выработка идеологических установок. Последнее направление предполагало тесное сотрудничество с издательством “Борьба за культуру”, участие в устройстве библиотек и читален. Лига продолжала поддерживать верующих, протестовала против принудительного труда в России. В 1932 г. в Россию было послано свыше 50 тыс. различных икон и сотни тысяч выписок из Евангелия, собирались подписи под обращением к Лиге Наций по вопросу о принудительном труде в СССР [2. Д. 4. Л. 62, 66].

В целом деятельность Лиги Обера замедляла распространение коммунистических идей, раскрывала мировой общественности суть внутренней и внешней политики Советского Союза. С Лигой были связаны и боевые организации, осуществлявшие всевозможную, в том числе и террористическую, антикоммуни-

стическую деятельность на территории СССР. Если Коминтерн вел активную и наступательную политику, то Лига являлась в основном оборонительной организацией, копировала его отдельные структурные принципы и методы деятельности, а потому была вторична и во многом ему проигрывала. Пользуясь расположением некоторых правительств или их отдельных членов, Лига, тем не менее, оставалась целиком общественной организацией и не располагала в отличие от Коминтерна мощными государственными ресурсами. Русская секция Лиги с самого начала, несмотря на многочисленные трудности и недостаток средств, действовала особо активно. Из-за бездействия национальных центров в Югославии и Болгарии ей пришлось осуществлять огромную работу на Балканах, противостоя одному из основных направлений коммунистической пропаганды и агитации III Интернационала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К.* Организационная структура Коминтерна 1919–1943. М., 1997.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9232 Представительство русской секции Международной лиги борьбы с III Интернационалом в Болгарии, г. София. Оп. 1.
3. Archiv Národního muzea (ANM) F.K. Kramář.
4. Русь. София.
5. Зора. София.
6. Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003.
7. Голос. София.
8. Царский вестник. Белград.
9. Луч. Белград.

© 2006 г. В. И. КОСИК

БЕЗ ОТЕЧЕСТВА: БЫТ(ИЕ) РУССКИХ В ЮГОСЛАВСКОЙ ПРОВИНЦИИ

(от времени короля Александра до власти маршала Тито)

Обычно, когда произносишь или пишешь слово “быт”, он ассоциируется с серыми буднями, плохой кухней, ссорами и сплетнями, с прозябанием и скукой. Слава Богу, сейчас такое одностороннее понимание быта, столь “любовно” описываемое нашими “буревестниками”, кажется, прошло. И как говорится, для одних жизнь – драгоценный дар Бога, для других – страшная штука. Все это было в эмиграции, где проблема выбора вставала во весь рост перед русскими, выброшенными революцией на славянские берега.

Итак, судя по архивным документам, в начале 1920-х годов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев насчитывалось примерно 300 колоний русских беженцев. Больше всего русских было размещено в Сербии – около 200 колоний, из них свыше половины в Банате и Бачке [1. Д. 95. Л. 11–12]. Затем шли Хорватия, Босния и Герцеговина, Словения, Черногория, Македония. Количество населения в колониях варьировалось от почти 10 тыс. в Белграде до пяти семейств в г. Сень. Общее число беженцев к середине 20-х годов XX в. не превышало 35 тыс. человек [1. Д. 82. Л. 28 об.]. Управление русскими колониями было сосредоточено в Государственной комиссии по русским беженцам, созданной в Белграде в 1920 г. по предложению председателя Народной скупщины Л. Йовановича, ставшего ее первым руководителем. Каждая из колоний имела свою историю и свои особые черты.

Русская колония в Битоли – примерно в несколько сот человек – стала оформляться еще в конце 1916 г., когда был осуществлен прорыв на Солунском фронте и некоторые из воинов решили остаться – на время или навсегда – в этом городе. С развертыванием и углублением драматических событий в России, число невозвращенцев только увеличивалось.

И если в первом “нашествии” участвовали исключительно военные, то во втором, после Октябрьской революции, и гражданские, даже с семьями, с детьми, с вещами, которые можно было унести. Русские концентрировались в Скопье и Битоли, но они жили и в Штипе, Велесе и других городах, где организовывали колонии, открывали школы, строили церкви, учреждали различные

Косик Виктор Иванович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 05-01-01283а.

культурные общества, праздновали славные даты своей истории [2. С. 47–49] и заключали браки. С 1916 г. по 1941 г. было заключено 67 смешанных браков в Битоли [2. С. 67]. В основном из-за недостатка невест женились на македонках. Было два типа местных жен русских. Первые во всем следовали мужу и принимали его стиль жизни. Так, Ставрула Котев (ич), вышедшая замуж за Василия Кирея, в совершенстве овладела русским и своих пятерых детей воспитала в “русском духе”. Другие любой ценой стремились мужа “помакедонить”. Они так и не научились русскому языку, не интересовались прошлым и родными своего мужа [2. С. 60–61].

Интересно отметить, что русский язык стал закрепляться в обиходном разговоре македонцев. Жители Битоли сохранили в своем языке такие часто употреблявшиеся выражения, как “хорошо”, “здравствуйте”, “пожалуйста”, “дурак”. Особенно излюбленным стало последнее слово. В свою очередь в языке русских появлялись македонские слова. Кто-то как следствие говорил на “миксе”. Изучение в школах русского языка также способствовало его популяризации [2. С. 93].

И несколько слов о хоре. Как и всякое массовое искусство оно помогало забиться и хористам, и слушателям. Так, в Битоли многие горожане, редко ходившие в церковь, не пропускали теперь богослужения в русском храме. Церковный хор выступал на многих концертах и мероприятиях. Многие русские, особенно женщины, которые не могли быть все приняты в него, свое свободное время посвящали пению в городских хорах. О большой любви русских к хоровому пению в Битоли сложилась пословица “Два македонца – партия, два русских – хор” [2. С. 95–96].

В отличие от Македонии русские (около сотни к концу 1920-х годов) в родоплеменной Черногории в подавляющем большинстве состояли на государственной службе. В стране орлов не было больших городов, в Цетинье жило в начале 1920-х годов около шести тыс. человек, в Подгорице – около восьми тыс. жителей. Не было сети железных дорог и промышленности.

Наши соотечественники работали в основном в просвещении (до 30%), в строительных управлениях путей сообщения (от 30% до 60%), где занимались изыскательской работой, проектировкой дорог, мостов. Несколько человек были врачами, инженерами, опыт и знания которых высоко ценились. Так, черногорское племя Кучи, владелец большого лесного массива, избрало инженера Ермолаева почетным членом своего племени в благодарность за таксацию леса. Многие русские состояли в пограничной службе, в жандармерии. Досуг в Черногории не отличался разнообразием: хождение в гости, водка для мужчин, чай для женщин. Правда, составлялись небольшие русские хоры, да оркестры [3. 22 VI 1923]. Из русских, живших в Черногории, большой известностью пользовался профессор Новороссийского университета, хирург Н. В. Новиков [3. 17 V 1921].

Удивительно, но не было ни русской бедноты, ни одного разносчика газет, ни чернорабочего, ни мелочного торговца. Все – врачи, педагоги, инженеры. В представлении жителей Цетинье русский остался барин. Он – “господин”, а не “братушка”, как это было в других местах [3. 02 I 1929].

Но тем не менее отношения с вольнолюбивыми черногорцами складывались по-разному. Когда на строительстве шоссе Кральево–Рашка русский прораб А.А. Киселенко уволил 5–7 черногорцев, то в отместку они штурмовали дом, где жил обидчик и другие русские. Только после того как один черногорец был убит, а другой ранен – осада была снята до следующего утра. Новому нападе-

нию родственников пострадавших помешали проезжавшие жандармы. Итог: убивший черногорца был задержан, а Киселенко бежал, опасаясь мести [3. 2 II 1926]. Об аресте черногорцев, инициировавших нападение, ничего не известно.

Свои сложности были на берегах волшебной-чарующей Адриатики. Русские из Которской колонии (численность около 70-ти человек) могли заработать 450–600 динаров в месяц. Жизнь была тяжела, учитывая, что хлеб стоил 8 динаров, а мясо – 15 динаров. Рабочие места не отличались разнообразием: кирпичный завод в местечке Картали, арсенал в Тивате. Недоедание и сырые углы для проживания вели к туберкулезу. Море не спасало. Оставалась вера. На звон русских колоколов, вывезенных из России генералом Г., русские собирались на молитву в храм Св. Николая Чудотворца [3. 3 VIII 1923].

Гораздо хуже было пожилым людям, жизнь которых целиком зависела от человеческого милосердия, прежде всего от Общества Красного Креста. Именно туда пошло прошение из колонии Липик в Хорватии от 31 декабря 1923 г.: “Колония Липик, состоя почти исключительно из старых и больных людей, не имеющих средств даже к достаточному питанию, находится в крайне тяжелом материальном положении и члены колонии не могут приобрести необходимое белье и теплые вещи, нужда в которых очень остра, особенно при наступивших холодах” [4. Ф. 7524. Оп. 1. Д. 3. Л. 175]. Надо думать, что соответствующая помощь в присылке для семи человек рубах, кальсон и прочего была оказана.

Но и трудоспособным людям было трудно найти работу. В Кральевице (Хорватское Поморье, Которская обл., Бакарский уезд), где было около полусотни беженцев, уже через два месяца после прибытия (январь 1921 г.) на общем собрании был поднят вопрос о переселении в другое место, так как колонисты несмотря на все свои старания не могли найти работы, даже грузчиками или на сезонных полевых работах. В итоге, к июлю в Кральевице осталось 3–4 человека и то лишь на время, до окончания купального сезона, дающего им некоторый заработок [4. Ф. 7503. Оп. 1. Д. 1. Л. 37, 91].

Лучше было в богатом Дубровнике, в котором к апрелю 1921 г. проживало примерно 700 русских. Власти предоставили бесплатно помещения для общежития и “Русского дома”, где отпускалось более 150 обедов по пять динаров. Русские имели свою “лавочку”, в которой по низким ценам могли закупать продукты. Дети посещали школу, работавшую по программе четырехклассной гимназии. Имелся отличный хор. Колония располагала и определенными средствами, вырученными от устройства благотворительных вечеров и концертов [3. 24 IV 1921]. Кстати, именно концерты артистических русских были долгое время хорошим источником дохода для колоний, задыхавшихся от нехватки средств.

Быт скрашивал театр. В зарисовке “Русские в Далмации” А. Барсов писал: «... В Далмации работают два русских театра – опера в Дубровнике и театр миниатюр типа Летучей мыши (Šišmiš) в Сплите. Далматинцы были очарованы художественностью постановки и красотой исполнения русскими артистами опер “Евгений Онегин”, “Травиата”, “Риголетто”... Местная пресса была полна хвалебных рецензий». Автор отмечал Архипову – колоратурное сопрано в роли Виолетты, Морозову – контральто, Баранова – баритон, Милич – сопрано, Батистич – тенор, хорват. Постановщик опер – Аксанский. Директор Šišmiš В.Г. Курагин. Критика отмечала художественность декораций и плакатов (художник Дикой), костюмов, пения, танцев. «Народ, – писала сплитское “Nova doba”, – давший миру такое искусство, никогда не погибнет и будет величайшим народом в мире» [3. 14 VIII 1921].

Теперь о Бачском крае, где осело множество русских. “Забавна” история с “новыми крестьянами” из г. Титель, куда около сотни беженцев прибыли 6 января 1921 г. Руководствуясь благородным стремлением зарабатывать на жизнь крестьянским трудом, быть ближе к земле, некоторые русские решили организовать сельскую артель. Земля в трех километрах от города была бесплатно выделена сербами [4. Ф. 5940. Оп. 1. Д. 5. Л. 1]. Однако в июле последовал уход из артели единственного крестьянина, не желавшего “терять и дальше свой труд даром”. Привыкания к земле не получилось. Огороды артели зарастали сорняками [4. Ф. 5040. Оп. 1. Д. 5. Л. 3]. Попытка сельхозартели получить новую ссуду теперь уже на овцеводство была неудачной, ввиду отсутствия в артели кого-либо хоть сколько-нибудь знакомого с этим делом и неплатежами по старой ссуде [4. Ф. 5940. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 об.]. Итак, “новых крестьян” из городских не получилось, а мужика, который бы их кормил, не было. В этих условиях русские были вынуждены искать “счастья” в иных местах, перебиваться случайными заработками, смирать себя на несоответствовавших их бывшему положению и квалификации работам.

Своя жизнь – небогатая, но не в нужде – была в Любляне. К концу 1925 г. в столице Словении жило около 300 русских, решивших обосноваться в католической среде. Атмосфера здесь была другой, нежели в каком-нибудь глухом, затерянном местечке Королевства. Здесь все дышало Европой, что позволяло некоторым русским ученым и артистам найти применение своим талантам. В опере пели Петр Холодков, Александр Балабан. Были русские и в хоре, и в балете. В университете работали девять русских профессоров, в их числе А.Д. Билимович, А.В. Маклецов. Много было и студентов из бывших русских воинов. К марту 1923 г. в университете обучались 167 студентов и 18 студенток, т.е. именно они представляли большинство русского населения в Любляне. Однако их быт желал лучшего: мест в двух общежитиях – одно было устроено в замке на горе, другое в бараках около вокзала – не хватало. Худо было и с питанием: ели они в столовой земского союза один раз день, т.е. хронически недоедали. Некоторую помощь им оказывали словенский дамский комитет, наместник [3. 22 XII 1921; 3 I 1922; 10 III 1923].

Большинству взрослых, трудившихся в учреждениях, на фабриках, заводах, стройках, зарабатывавших “в поте лица” на хлеб насущный, было сложнее. Переучиваться ходовым специальностям было поздно: после 35 лет процесс усвоения нового труден. Оставалась старая привычка терпеть и жить никуда не торопясь: умеренность и аккуратность в буднях и праздниках. Правда, случалось и “чудо”. Генерал-лейтенант Владимир Борисович Мустафин, прозябавший с семьей в с. Максинья близ Любляны, получил наследство – 9 млн швейцарских франков от родственника, еще до революции уехавшего в Женеву и переведшего туда все капиталы [3. 20 V 1927].

Для тех, кто любил щи и кашу, действовали две русские столовые. Однако своих церкви и священника не было: ходили в устроенный при казармах сербский храм, в котором пел русский хор [3. 5 XI 1925]. Будни “разбавляли” праздниками, причем не совсем обычными: 17 февраля 1924 г. русская колония в Любляне отмечала столетие Ивана Сергеевича Аксакова. В университете выступали: проф. М.Н. Ясинский – о славянофильской школе, генерал-лейтенант В.А. Мустафин – о жизни и творчестве великого певца панславизма, проф. Н.Ф. Преображенский, по-словенски, о значении Аксакова в истории славянского самосознания. Словенский проф. Приятель свой доклад посвятил роли

знаменитого москвитя в деле учреждения славянской Матицы в Любляне, подерживавшего ее, посещавшего Любляну во время своих поездок по славянским землям [3. 1 III 1924].

Об отношении словенцев к русским лучше всего свидетельствует сооруженный по инициативе и на пожертвования, собранные редактором “Словенского народа” Ристо Пустослемшеком, памятник в горах Триглава на могилах двух русских солдат, расстрелянных австрийцами во время войны за попытку перейти через итальянскую границу и вернуться на родину. На сложенном из обыкновенных камней, скрепленных цементом, памятном знаке была надпись “Русским жертвам, здесь расстрелянным, словенские туристы. 1923 год” [3. 30 VIII 1923].

Теперь о хорватских русских. Одним из ярчайших свидетельств эмигрантской жизни в католической Хорватии является “исповедь” Марии Чаплинской, которая вспоминала: «Весной пароходом “Владимир” прибыли в Боку Которску. Месяц карантина в море близ Боки. Потом поплыли дальше и высадились в Кральевице... Цвели фиалки. Поселились в тесных комнатках. В лесу собирали грибы, которых было много. Хозяйские дети играли со мной, и мы качались на качелях. Если мы вовремя платили за квартиру, тогда я могла качаться, но если мы запаздывали с платой, то моя очередь никогда не наступала. Пришло лето. Открылся купальный сезон. В ресторане отец играл на виолончели, а мои братья продавали мороженое, которое мы сами делали. Мальчики стали официантами. Севе было 10 лет, Юре 11, а мне 6. ...Поздней осенью мы поездом поехали в Загреб. Разместились в западном предместье города. Пришла зима. В комнате не было печки. Мама готовила на примусе. Кроме кровати, стола и двух стульев в комнате не было другой мебели. Туалет был во дворе. Отец поступил в военный оркестр. Уже второе Рождество у нас не было ни праздничной елки, ни подарков от Деда Мороза. В комнате было холодно, и мы мерзли ... Примерно два года мы прожили в бараке. Мама ежедневно меня встречала после школы. А других девочек ждали кавалеры. Плакалась маме: вот видишь, все девочки имеют мальчиков, а на меня никто не взглянет. Учиться было тяжело, было много заданий. Барак подлежал сносу, и мы переселились в новое жилище... у богатой сербки. У нее был одноэтажный дом, глядевший на улицу, имевший ряд комнат с выходом во двор. Жильцами были в основном русские эмигранты... Когда я завершила Торговую академию, переселились в другую квартиру... в центр... Поселились у профессора Рузского, который преподавал на техническом факультете.... Его мама была графиня, которая после смерти своей младшей дочери Марины уехала к старшей дочери в Париж. Жена профессора Рузского преподавала пение в Русской гимназии... Появились новые знакомые. Мария Георгиевна Кириллова. Была худенькой, небольшого роста, доброй и приветливой женщиной. Рассказывала нам как во время войны отрезала красным головы... Поступила на экономический факультет... На танцы ходила вместе с отцом в Офицерское собрание. Там познакомилась со своим будущим мужем... Примерно еще год мы оставались у профессора. После его жена решила открыть садик для русских детей. Жилище нашли в западной части города... Отец был отправлен в Сербию, в Вршац. Остались сами. Должна была пойти работать. Бросила факультет... Мама открыла столовую, куда приходили студенты обедать. Жить было нелегко. Жорж разносил иностранные газеты по домам и продолжал учебу...». В годы войны: “...В Загребе начались аресты. Хватали и русских эмигрантов. Начали с артистов. Арестована жена поэта Барановича. Была балериной. Беременна. Целую ночь их держали в небольшом помещении,

где нельзя было и сесть. И как итог родила мертвого ребенка. На рассвете их выпустили. После этого от немцев последовало приказание, чтобы не трогать русских. Было это тяжелое время. Нужно было часами выстаивать в очереди за кусок конины. У меня замерзли ноги. Хлеб был из кукурузы, твердый как камень...” [5. С. 89, 91–92, 94].

Отношение к русским было стандартным: от искренней доброжелательности и готовности помочь до явной неприязни к пришельцам.

Лауреат многих международных наград фотограф Жорж Скригин вспоминал, что когда еще он, играя в футбол в составе команды русской гимназии против франъевачкой гимназии, забил гол, то к нему подскочил игрок и сказал следующее: “.... тебе, материна руска, пришел сюда жрать хорватский хлеб” [6. С. 330].

Оставляя в стороне эмоции, предоставлю слово русским студентам Загребской педагогической школы, писавшим главному управляющему Российского Красного Креста в хорватской столице: “...В октябре 1921 года, оставив наши колонии, мы собрались в Загребской педагогической школе, воодушевленные желанием, основательно изучив сербский язык, историю и литературу, а также местную постановку педагогического дела, выйти на самостоятельную материальную дорогу и на путь интеллектуального труда, соответствующего нашей школьной квалификации в России. Мысль о том, что таким путем мы отчасти уменьшим бедствующую беженскую массу, нуждающуюся в постоянной помощи то Державной Комиссии, то Российского Общества Красного Креста, а также и та мысль, что мы не будем сидеть сложа руки и ожидать возможности благополучного возвращения на Родину, а будем беспрестанно готовиться к той огромной работе, которую, несомненно, потребует от нас Освобожденная Россия, эти мысли были не на последнем месте в нашем решении. Державная Комиссия отчасти пошла нам навстречу и вместо 240 динар беженских назначила нам по 300 динар ежемесячно до окончания школы. Условия жизни и учения здесь невероятно трудны, и несомненно, что 300 динар в Загребе, это в два раза меньше, чем 240 динар в провинциальной колонии. Кроме того, покинув свои колонии, мы лишились с октября прошлого года той периодической помощи Российского Общества Красного Креста, которую получали раньше. 6 месяцев мы отчаянно боролись с нуждой, игнорируя постоянные недоедания, ежедневно делая громадные концы (вследствие дороговизны квартир в городе) по 10–20 километров в школу, пешком и почти без обуви, а в школе, полуголодные, кроме 4–5 часов вечерних, мы должны вести практические занятия по утрам. Нам осталось еще 3 месяца, но мы не знаем, выдержим ли мы этот срок. Цены на продукты и на предметы первой необходимости увеличились со времени нашего приезда в Загреб в 2–3 раза. Державная Комиссия в денежной помощи нам отказала. И если прежде мы недоедали, то теперь настоящим образом голодаем, будучи в то же время полураздетыми и почти босыми. Но не говоря уже об одежде и обуви, у некоторых из нас нет совершенно никакого белья, а у других по единственной смене, старой и расползающейся. Если при таких условиях каким-нибудь чудом без дальнейшей поддержки нам и удалось бы окончить школу, то и тогда перед нами стал бы неразрешимый вопрос: как мы явимся преподавать в училище босые и раздетые? Некоторые из нас пытались зарабатывать продажей газет, но тогда они не успевали в школе (где очень серьезная постановка и большие к нам требования) и принуждены или отказаться от заработка, или оставить школу. Почти на конце благополучного завершения с таким энту-

зиязмом предпринятого нами дела, мы сейчас – обессиленные, разбитые, готовые в погоне за куском хлеба вот-вот распозлзтись по улицам Загреба с газетами под мышками или с сапожными щетками в руках. И нам не у кого просить помощи, кроме Российского Общества Красного Креста... Помогите! Оденьте, обуйте нас, снимите этим с наших плеч большую часть гнетущих нас нужды и заботы и тем дайте нам возможность через 3 месяца ни у кого больше не просить помощи, а наоборот, – в некоторой степени и другим своим соотечественникам помогать... 30 марта н/ст. 1922 г. Загреб. Королевская Учительская школа Медуличева, 33. Вячеслав Владимирович Баратынский, Иван Евдокимович Железнов, Федор Михайлович Ковалев, Евлампия Николаевна Захарова, Александр Львович Капытовский, Григорий Максимович Богословский [4. Ф. 7524. Оп. 1. Д. 3. Л. 334–335].

Непростая материальная ситуация была характерна для подавляющего большинства русского студенчества, учившегося в Университете, Высшей технической школе, Коммерческом институте, Политехническом институте, Педагогической школе, консерватории. Тяжело было с одеждой, бельем [4. Ф. 7524. Оп. 1. Д. 3. Л. 157]. Только в 1923 г. помощи просили от Российского Красного Креста более двухсот человек [4. Ф. 7524. Оп. 1. Д. 3. Л. 433]. Действенную поддержку оказывал и Английский Красный Крест [4. Ф. 7524. Оп. 1. Д. 3. Л. 5].

Тем не менее русские студенты, бывшие солдаты и офицеры армии П.Н. Врангеля, не унывали. Студенты, “щеголявшие” в своей выдавшей виды форме, получили прозвище “кузнечики”. Именно они в начале 1920-х годов составляли 50–70% студенчества Загребского университета. Профессора не могли вначале поверить, что недавние военные, забывшие за годы боев книгу, смогут “слушать лекции на малопонятном языке и сдать потом зачеты”. Однако практика экзаменов показала обратное [7].

Жили они в здании бывшей венгерской военной тюрьмы, в Кунищачке, на окраине Загреба. Несодранные решетки на окнах не мешали веселиться. В статье “Солдатский университет” (Новое Русское Слово. Нью-Йорк. 6–8 сентября 1967 г.) В. Лавров писал: “В подвалах казармы появился деревянный прекрасно сделанный пол, стены красились и расписывались фресками, возникла маленькая сцена с прекрасным занавесом, откуда-то появилось пианино; создался уютный студенческий клуб с двумя залами; в одной была постоянная столовая, в другой устраивались вечера-балы... на сцене выступали певицы и певцы, куплетисты и рассказчики, декламаторы и пианисты” [7].

И после окончания своих вузов русские студенты продолжали встречаться. Так, 25 января 1941 г. на день Св. Татьяны объединение выпускников загребских вузов устроило под председательством университетского профессора И.С. Плотникова традиционный товарищеский вечер [8. С. 375]. Некоторые из них достигли заметных успехов на своем поприще в Хорватии, ставшей вторым домом.

Свои минуты отдыха были и у русских солдат на сербской службе. Так, в 1922 г. на четвертый день Рождества в Загребе в Елачичевых казармах был организован капитаном Макшеевым солдатский спектакль. Актеры из солдат сыграли две пьесы. Одна патриотическая: эпизод из 12-дневной оккупации Белграда австрийцами. Другая – веселая, в стиле чеховских рассказов. Женские роли исполняли также солдаты. Затем было концертное отделение, где выступали профессионалы [3. 12 I 1922]. Хор бывших русских трубачей из дивизии генера-

ла Барбовича можно было услышать в Максими́рском кафе Загребского союза офицеров [3. 2 XI 1921; 11 XI 1921].

Можно было “культурно отдохнуть” и в открывшейся в начале мая 1923 г. в саду Тушканац “Русской кафане” с русской кухней, разнообразными винами и водкой [3. 8 V 1923] или в легендарном ресторане “Москва”, владельцем которого был не менее известный Марк Иванович Гарапич. Весьма лестные строки о нем и загребчанах оставил Вадим Шверубович (“О людях, о театре и о себе”. М., 1976), повествуя об известных гастролях МХТ в Загребе.

Были свои магазины, где можно было купить селедки, гречки и другой бакалеи, столь милой желудку русского человека. Даже комиссионка была своя: магазин Романа Пушкарского, расположенный на самой торговой улице Загреба – Илица, в доме № 40 [3. 17 VII 1924].

Для “образованных” в мае 1928 г. открылся Русский клуб на Петриньской улице: отдельный дом в полтора этажа с двумя верандами, кухня, бильярд, карты, газеты и журналы, рояль, по субботам танцы [3. 26 V 1928]. Свой клуб на Гундуличевой, 33 имели и юристы. У военных – свое Офицерское собрание.

Непериодически проводились вечера, посвященные русской культуре, ее великим представителям. Так, 10 января (29 декабря) 1928 г. состоялось литературно-музыкальное собрание, посвященное творчеству Н.А. Некрасова (50 лет со дня смерти) [8. С. 369].

И тем не менее русские в Хорватии приживались плохо. Возможно, что здесь мешала разница культур, стиля жизни, отношения к Европе.

И конечно, начало всякого быта связано с тем – есть у тебя работа или нет? В Королевстве сербов, хорватов и словенцев работа была для всех: спрос превышал предложение. Но работа работе рознь. Не каждый дворянин мог пойти на рубку леса, на строительство дорог. Семейная гордость не позволяла соглашаться. А выход? Водка! Деньги откуда? Да лучше стоять и продавать спички и прочую мелочь, нежели офицеру, да еще в летах, идти в подчинение какому-либо сербскому “Журдену”. Но, конечно, голод не тетка, и честь смирялась. Надо было кормить себя, а если еще ты и семейный, то нельзя быть особенно разборчивым в поисках работы. Конечно, тяжелее было в провинции. Труднее всего может быть было в Македонии, где чаще всего русские занимались тяжелой физической работой, а отдыхом часто была водка. Пили много, в одиночку и компаниями, празднуя решение проблемы и топя ее в водке в случае неудачи, смягчая досаду от надоевших будней и отмечая все, что могло бы позволить на “законных” основаниях выпить. К чести русских надо сказать, они не пили в долг и владельцы кафан на них немало заработали [2. С. 116–117].

В той же Македонии дворяне, интеллектуалы трудились сезонными рабочими. Некоторые, не видя другого выхода из нищеты, находясь в депрессии, кончали жизнь самоубийством [2. С. 106]. Зинаида Бенсон, жившая в Скопье, в своем прощальном письме писала о причинах своего шага: безработица, бедность, неспособность прижиться в новой среде. Хотя и сами русские побогаче пытались как-то помочь своим соплеменникам. Обычными стали корзины с едой, присылаемые беднякам на Пасху, Новый Год и другие праздники. Формировались общества по оказанию помощи бедным, во главе которых стояли жены и сестры известных в стране личностей. Во главе одного такого фонда, сформированного в 1923 г., стояла княгиня Елена, сестра короля Александра [2. С. 107].

Во многом быт определялся зарплатой. В среднем она составляла 700–900 динаров в месяц. Например в Ягодине, в котором была полутысячная коло-

ния, зарабатывали в среднем около тысячи, работая на железной дороге, учителями, в целом где придется [3. 1 XI 1922]. Гусары и уланы Белгородского уланского, Ахтырского и Изюмского гусарских полков, работавшие на “разборке” крепости Петроварада, получали 500–600 динаров. И тем не менее можно было что-то отложить. Питание обходилось в 9–10 динаров: чай утром и вечером, обед – суп и 100 грамм мяса, ужин – каша.

Как жили? Один из ответов: «По живописному ущелью р. Ибра, вдоль шоссе от Кральево на Рашку, расположены части нашей армии, перешедшей на трудовое положение. На всем, 80-верстном протяжении пути кипит работа, строят новый “вариант”, выравнивая шоссе, обходя слишком крутые спуски и подъемы. Работу ведет одно из наиболее солидных обществ русских инженеров. Части живут в специально для них выстроенных бараках, по 60–80 человек. С внешней стороны бараки мало чем отличаются от обычных рабочих казарм, только развеивается при входе национальный флаг. Но внутри картина совершенно неожиданная: вместо обычной грязи и неряшливости рабочих помещений – идеальная чистота, подчеркнутый порядок. Стены украшены портретами вождей, патриотическими лозунгами и картинами. Аккуратно постеленные кровати, чистое белье. Рядом со спальнями обычно столовая... Во всех частях организованы библиотеки, получают свежие газеты» [9. С. 5].

Все было, кажется неплохо, но мучила тоска по России. Участник строительства одной из железных дорог С. Васильев писал в августе 1921 г.: «С сербами отношения хорошие. Понимаем друг друга хорошо, в языке совершенствуемся. По временам тоска по родине и близким чрезвычайно велика. Хотя здесь мы и хорошо едим и не испытываем многих ужасов и спокойны – тянет туда. Пусть и ужас, и голод, и опять бои. Лучше умереть, да на родине, хотя и надоело уже сражаться... Иногда право думаешь, не покончить ли с собой, но лишь временами... По получении денег почти все страшно пили... вкусивши прелестей жизни рабочего, казаки говорили: “Теперь мы понимаем, почему рабочие бунтуют”» [10. С. 43, 83].

В городской среде, например в Нови-Саде, все было по-другому: и работа интеллигентная, и досуг культурный. Было обычным собирание личных библиотек, “хождение к знакомым запросто, без приглашения”. “Оно, – как пишет А.Б. Арсеньев, – давало возможность узнать новости, познакомиться с людьми нужными, схожих взглядов и интересов, а некоторым – отвести душу, поспорить, отведать русские домашние блюда” [11. С. 155]. Свободное время новисадская интеллигенция часто отводила и коллекционированию, “в особенности того, что не было связано с материальными издержками – погашенных почтовых марок, открыток с видами курортов или репродукциями произведений искусства, вырезок из газет (на всевозможную тематику); собирали русские пословицы, записывали анекдоты... обучали соседских детей игре на музыкальных инструментах, рукоделию, иностранным языкам, помогали готовить школьные уроки, пробуждали любовь к природе...” [11. С. 161].

Безусловно, атмосфера жизни в чужой стране определялась и отношением местного населения к русским. Конечно, Королевство встретило, приютило, накормило русских изгнанников. Власти старались как могли, даже одну из улиц в Лесковце назвали в память императора [3. 26 X 1927]. Но, как и везде, часть населения встретила пришельцев как своих соперников в борьбе за рабочие места. Причем у некоторых югославян вызывали зависть, неприязнь, злобу то обстоятельство, что для русских открывались новые места в полиции, в местных орга-

нах управления, в других государственных институциях. В условиях вскоре наступавшего экономического кризиса толерантность к “братушкам” уменьшалась [2. С. 109]. Симпатии к Советской России, где строили “рай” для народа, повторяю, рождали у многих неприязнь к белогвардейцам, выкинутым из своей страны. Неприятельское отношение к русским было обусловлено многими факторами, даже “господской одеждой”, манерами, стилем жизни. Оттуда были и пакости, чинимые “вечно голодным пришельцам”, “притеснявшими” коренное население.

“Горек хлеб чужбины и тяжелы ступени чужих лестниц”. Эти слова Данте врезаны навеки в историю.

У русских отнимали уже полученную ими работу, бойкотировали и пр. Со своей стороны государство также делило беженцев на две категории: тех, кто принял новое подданство, и тех, кто сохранял старое. Соответственно, первые оказывались в привилегированном положении. Вторые были на положении людей второго сорта [2. С. 110–111].

Приведу несколько русских свидетельств. Первое из Пожаревца: «... Отношение сербов к нам, русским, сносное, но граничащее с безразличием, особенно со стороны некоторой части интеллигенции. Неприятно бьют по нашим нервам довольно часто задаваемые вопросы: “Скоро ли вы опять в Россию?” или “Отчего вы не едете в Россию? Ведь, там уже жизнь налаживается?”» [9. С. 8]. Второе из Сараева: «... Что касается отношений местных жителей-сербов, то они, конечно, различны. Крестьяне – симпатизируют; интеллигенция – в зависимости от партийности – либо благожелательно, либо равнодушно, либо отрицательно настроена к нам. Так же – и рабочие: чернорабочие в большинстве очень ценят наше приличное с ними обращение и уважают нас за нашу незлобивость и покорность судьбе; специалисты, надзорники и их помощники, на 3/4 с социалистическим душком, завидуя нашей культурности нередко пытаются “поучать” нас за неправильность и непатриотичность политики русской эмиграции. Было два случая, когда надзорник зарвался до того, что уверял, что мы просто изменники России» [9. С. 9].

Однако и у русских многое вызывало недоумение. Так, С. Васильев вспоминал об одном сербе, который взял по 16 динаров с друзей, приглашенных им на обед домой, хотя в ресторане он обошелся бы в 8–10 динаров. “Нужно сказать, – писал он далее, – что даже в отношениях членов одной семьи замечалась черта корыстности: во многих семьях мужчины сами ходили на базар, закупали продукты, из соображений боязни, что жены что-то там смогут сэкономить, создать этим путем какой-то свой капитал”. «Сербы, – замечал он, – вообще, большие материалисты в противоположность большинству нас, русских, людей беспечных, бесшабашных, “широких натур”» [10. С. 84об.–85об.].

Сами русские не хотели называть себя беженцами или эмигрантами. Так, в Сурдулице они заказали для официальных сношений печать с надписью “Правление колонии русских эвакуантов в Сурдулице” [3. 20 VII 1924]. Они просто хотели быть и оставаться русскими.

И здесь немного опять о русских клубах. Так, “Русский клуб”, основанный в Суботице в 1927 г., вмещал в себя театр, библиотеку, читальню и столовую. Действовали театральный и шахматный кружки. Вероятно у населения Королевства создавалось впечатление, что все русские сплошь артисты и шахматисты. Спустя пятьдесят с лишним лет, сербы удивлялись, почему я так плохо играю в шахматы, ведь я же русский! На сцене русские тоже чувствовали себя уве-

ренно. Они поставили и сыграли вечных “Трех сестер”, неизменное “Горе от ума” и другие пьесы. В планах был классический “Лес”. С успехом устраивали в Суботице литературные вечера памяти Чехова, Тургенева, Некрасова, Надсона и других отечественных “учителей” и “утешителей”. Для развлечений ставили кабаре. Шли пьесы и на сербском языке, что привлекало сербскую публику. За 1929 г. силами этой самодеятельной труппы (52 человека) было поставлено и организовано свыше 20 спектаклей и вечеров. На Рождество (1930 г.) устроили выставку картин [3. 11 II 1930].

Быт скрашивала и русская литература: книги на русском языке имелись во многих библиотеках страны, например, в Прилепе, Скопье. Читатели могли прочесть на языке оригинала Достоевского, Толстого, Тургенева, Чехова, Куприна, Бунина, Цветаеву [2. С. 156]. Однако русские все же предпочитали иметь свои библиотеки, которые выполняли роль культурных центров вместе с теми же русскими клубами, студиями, литературно-музыкальными обществами и пр. В Битоли общедоступная Русская библиотека с читальней была открыта в конце 1920-х годов. Здесь организовывались лекции, проводились музыкально-литературные вечера и т. д. В 1936 г. ее фонд насчитывал 2 400 книг [2. С. 157].

Быт – это и семья, забота о детях, их образовании. И конечно, родители стремились, сообразуясь, конечно, со своими материальными возможностями, чтобы дети, особенно девочки, получали и музыкальное образование, тем более, что педагогов было достаточно. Можно назвать Нину Оскаровну Хростицкую, державшей в Земуне свою музыкальную школу, открытую вместе со скрипачем Земунской оперы С.Ф. Давиденко в октябре 1922 г. Среди учениц выделялись Таисия Баукова, Ида Дайчак, Фея Розенкранц, Зора Костиц, Ольга Барач [3. 27 I 1924; 17 VI 1926]. В Герцеговине с 1921 г. успешно преподавала музыку сначала только русским детям, а потом и местным Н.И. Тиден, дочь известного профессора И.Я. Фойницкого. Она окончила в 1903 г. Императорскую Санкт-Петербургскую консерваторию по классу фортепиано у профессора А.Н. Есиповой. С 1921 г. [3. 11 VII 1924] в Битольской гимназии преподавала музыку Елизавета Савченко (утверждала, что является потомком Екатерины Великой), а ее супруг – пение. Поставила оперетку на русском языке “Павлик, Павлик, занимайся!”, в которой в главной роли дебютировал ставший позднее известным Драги Костовский. Многие песни из нее стали хитами у молодежи [2. С. 63].

Во время Второй мировой войны положение русских в Королевстве резко ухудшилось уже потому, что многие наши соотечественники приветствовали войну Гитлера с Советским Союзом. Вдвойне трудным было положение русских в Македонии, после занятия ее земель болгарами. Как пишет македонский исследователь А. Стерьовский, русские тогда считались “врагами рейха и Болгарии”. Их положение было сходно с положением еврейского населения: ограничение в передвижении, отсутствие карточек на пищу и одежду. Им было предоставлено право свободно голодать и замерзать. Интеллигенция спасалась тем, что “кормилась” на сельских работах [2. С. 111]. Правда, был выход – вступление в Русский Охранный Корпус. Группа германских офицеров и представителей болгарских властей обходили дома русских, вербуя туда уговорами или... 10 апреля 1942 г. колония в Скопье отправила в Корпус первую группу из 32 человек среднего возраста. Следующая группа насчитывала 100 человек [2. С. 120–121]. Другие шли в партизаны. Среди них был пулеметчик Константин Филиппович Жежел, награжденный орденом за заслуги перед народом [2. С. 122].

После окончания войны в новой Югославии осталось немного русских: большинство уже покинуло страну, в которой к власти пришли коммунисты. Те, кто решил остаться, были “гражданами второго сорта”, за исключением “полезных русских”. Однако в 1948 г. в связи с фактическим разрывом Москвы с Белградом, последовал очередной “исход” русских. Власти считали их “белогвардейцами” и “сталинистами”. У них не было друзей, а только преследователи. Опасались даже разговоров с кем-либо, так как большинство вступавших в контакт были провокаторами. Настало время ухода в себя, в свое семейство. Размышлять вслух стало опасным занятием [2. С. 112–113]. Конечно, с течением времени “охота на ведьм” властями была прекращена. Можно было жить, не оглядываясь. Однако ностальгия оставалась. Битоличанин Семен Щербаков под гитару в такие минуты пел русские романсы, особенно “Очи черные”. Иван Мельников – широко открывал окна и запускал на всю мощь граммофон с пластинкой “Широка страна моя родная”. Иван Ангелин вечерами закрывался в комнате и допоздна слушал “Радио Москвы” [2. С. 114–115].

Сейчас в Битоли есть только потомки русских, считающих себя македонцами, усвоивших язык и обычай, стиль жизни потомственных македонцев, но гордящихся тем, что у них есть русская кровь, и что Россия не чужая для них страна [2. С. 133].

Эти слова можно отнести ко всем русским и их потомкам, рассеянным по городам и весям стремительно меняющихся славянских земель, которым отдали свой труд русские люди, не забывавшие, кто они и откуда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской империи.
2. *Стерјовски А.* Битола. Руската колонија. Битола. 2003.
3. Новое время. Белград.
4. Государственный архив РФ.
5. *Čaplinski M.* Moj život // Knjževna smotra. 2001. № 119.
6. *Скригин Ж.* Моје фотографије // Руси без Русије. Српски Руси. Београд. 1994.
7. *Полчанинов Р.* Русские студенты, сокола и НТСНП в Хорватии // За свободную Россию. 2005. № 32(61).
8. *Качаки Ј.* Руске избеглице у Краљевини СХС / Југославији: Библиографија радова 1920–1944. Београд. 2003.
9. Вестник правления общества галлиполийцев. Белград. 27 IV 1924.
10. *Васильев С.* Воспоминания “Добровольчество” // Библиотека-Фонд “Русское Зарубежье”. Научный архив. Шифр: А-66.
11. *Арсеньев А.* У излуцины Дуная. Очерк жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999.

© 2006 г. А. Ю. ТИМОФЕЕВ

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЮГОСЛАВИИ В 1941 ГОДУ

Активность русской эмиграции в Югославии в период между двумя мировыми войнами получила широкое и подробное освещение; был по заслугам оценен и вклад русских эмигрантов в развитие культуры, науки и образования Сербии [1; 2]. Недавно появилась монография, в которой детально рассмотрены все аспекты повседневной жизни русских изгнанников в Югославии [3]. Однако позиция эмиграции в ходе Второй мировой войны до сих пор не вызывала особого внимания исследователей. Вероятно, это – результат противоречивости и неоднозначности как истории Югославии в 1941–1945 гг., так и роли русских, которые проживали там в это беспокойное время.

Численность русских эмигрантов в Югославии к концу 1930-х годов стабилизировалась [3]. Второе поколение вступало во взрослую жизнь, заканчивая гимназии и высшие учебные заведения. Учитывая высокий образовательный уровень эмигрантов, который намного превосходил средний по стране и обеспечивал относительно пристойное существование, можно с уверенностью утверждать, что у русской диаспоры было реальное будущее. Однако события 1941–1945 гг. и их последствия крайне отрицательно сказались на судьбе русских в Югославии. Практически все эмигрантские учреждения были уничтожены, мужчины в возрасте от 18 до 60 лет в подавляющем большинстве погибли.

Весна 1941 г. принесла в атмосферу королевской Югославии ощущение неминуемой военной грозы. Битва гигантов, Германии и Великобритании, сотрясала в то время весь мир. Каждая сторона уже имела свои взлеты и падения, своего ненадежного романского союзника (Италию и Францию), свои взгляды на будущее Европы и мира. США и СССР еще не вступили в войну, и шансы Великобритании на победу в противостоянии с занявшим всю Европу Гитлером выглядели весьма призрачными. Поэтому весомых международных причин вступления Югославии в войну не существовало. Почти все соседи Югославии (за исключением Греции и, с некоторыми оговорками, Румынии) имели к ней территориальные претензии. Внутривосточная ситуация (обостренность международных отношений, неустойчивость политического равновесия, молодость короля Петра II) также скорее располагала к миру, чем к войне.

Тимофеев Алексей Юрьевич – канд. ист. наук, сотрудник Института новой истории Сербии.

В этих условиях, когда сохранить абсолютную нейтральность было невозможно, частичное присоединение Югославии к странам Тройственного пакта было логичным. Почти все соседи Югославии (кроме Греции) уже присоединились к пакту, что в случае вхождения Югославии в число антикоминтерновских держав¹ сделало бы практически невозможными попытки решить территориальные споры между ними вооруженным путем. Условия вступления в пакт были крайне мягкими², Гитлер обратил внимание югославских представителей и на близкие отношения между Москвой и Берлином [5. С. 76]. Пакт был подписан, югославские политики получили “от германской стороны твердое заверение насчет сохранения их нейтралитета” [6. С. 328]. Однако лидеры Великобритании, зная о том, что “помощь со стороны Англии представлялась сомнительной и в лучшем случае – только символической” [5. С. 76], организовали государственный переворот в Югославии, сопровождавшийся массовыми беспорядками [4. С. 242]. “Когда всеобщее возбуждение улеглось, все жители Белграда поняли, что на них надвигаются катастрофа и смерть и что они вряд ли могут сделать что-нибудь, чтобы избежать своей участи... Утром 6 апреля над Белградом появились германские бомбардировщики... 8 апреля, когда настала наконец тишина, свыше 17 тысяч жителей Белграда лежали мертвыми на улицах города и под развалинами” [5. С. 84, 86].

Русские эмигранты в Югославии выразили устами митрополита Анастасия и главы Делегации по защите интересов русских беженцев Василия Николаевича Штрандтмана уверения в “безграничной преданности Русской эмиграции и ее стойкой верности и в будущем заветам ...предков”. Редакция “Русского голоса” призывала соотечественников “воздержаться от разговоров, заниматься своим делом и, если потребуется, выполнить свой долг перед гостеприимно... (нас. – А.Т.) принявшей родственной страной” [7].

Бомбовые удары по Белграду уничтожали не только человеческие жизни, в огне пожаров пострадали и сербские (Народная библиотека, Патриархия и т.д.), и русские культурные учреждения. Было разрушено здание, в котором располагался Институт имени Н.П. Кондакова, сгорело много книг из его библиотеки, погибли секретарь института, ученый-исследователь истории кочевых народов Д.А. Расовский с молодой супругой [8. С. 1]. Военнообязанные эмигранты явились в свои части, но уже 17 апреля Югославия капитулировала, вследствие чего они, захваченные вместе с частями югославской армии немцами и их союзниками, были направлены в лагеря военнопленных на территории Германии [9. Д. В–153. Л. 1; 10. IV. Д. 57/18. Л. 1]³. Территория Югославии была поделена между соседними государствами и получившей независимость Хорватией, причем пересечение новых границ было затруднено и требовало соблюдения ряда формальностей [9. Д. В–153. Л. 1–2].

¹ Стоит отметить, что и сам Коминтерн проводил крайне деструктивную политику по отношению к Югославии: террористическая деятельность КПЮ (убийство министра внутренних дел М. Драшковица, покушение на жизнь короля Александра), призывы уничтожить Югославию – тюрьму народов и т.д.

² От Югославии не требовалось ни военной помощи Германии и Италии, ни предоставления своей территории для прохода их вооруженных сил для ведения боевых действий в третьих странах, Германия гарантировала территориальный суверенитет Югославии и обещала принять “во внимание интересы Югославии в отношении выхода в Эгейское море, что может быть осуществлено признанием ее суверенных прав на город и порт Салоники” [4. С. 241].

³ При работе в архивах дружескую помощь автору оказывала архивный советник Е. Мицкович, автор неопубликованной рукописи по истории русских эмигрантов в Белграде.

Отношение русских эмигрантов к немцам было двояким. С одной стороны, они, несомненно, представлялись завоевателями, нарушившими размеренное течение жизни русской эмиграции в Югославии. С другой стороны, у значительной части русских в Югославии существовала устойчивая неприязнь к бывшим союзникам по Первой мировой войне: Англии и Франции. Талантливый русский ученый, профессор Н.В. Краинский⁴ так писал об этом в своей обширной полемической книге, привлечшей одобрительное внимание значительной части русской эмиграции в 1940 г.: “Преступления по отношению к России бывших союзников по Великой войне неисчислимы. Сюда относится деятельность по содействию вызову русской революции и поддержанию большевистского режима в России на протяжении четверти века со стороны иностранных держав. Длинный ряд политических деятелей Западной Европы продолжает деяния французского и английского послов в Петербурге, принимавших участие в свержении царского режима, и поддерживает советский строй. Ллойд Джордж, Клемансо, Бриан, Эрио, Леон Блюм – злые гномы России. Полным ходом поддерживается февральская революция, альянс с Милюковым – Керенским, затем гибельный для России Версальский мир и отделение от России западных окраин. Затем игра, подобно кошки с мышкой, с Белым движением, крапленые карты которой цинично раскрываются в английском парламенте...” [12. С. 461].

Понятно, что такие воззрения не могли вызвать понимания у большинства представителей сербской общественности. Последствия Версальского мирного договора, вмешательство в балканские дела Франции и Англии еще расценивались ими абсолютно позитивно. Да и сам Советский Союз, заключивший в ночь перед бомбардировкой Белграда договор о взаимопомощи с Югославией, воспринимался как “мать – Россия”. Значительная часть сербского среднего класса, рабочих, крестьян, учащейся молодежи с симпатиями смотрели и на коммунистическую идеологию. Поэтому предвоенное положение, описанное еще в 1921 г. С.Н. Палеологом, Правительственным уполномоченным по делам русских беженцев, в тайном докладе генералу Лукомскому («Вне всякого упрека к нам относятся: высшее Правительство, духовенство, высшие классы интеллигенции и офицерства. Все они отлично понимают роль России для Сербии в прошлом и в будущем; в поддержке русских беженцев чувствуют свой долг... Средний класс: городские жители и торговцы совершенно равнодушны к русским, смотрят на нас, как на элемент, подлежащий эксплуатации, дерут с нас три шкуры, в особенности за комнаты, и всегда стараются заговорить на тему о том, что сербы дают русским три миллиона. Чувства симпатии... явление почти исключительное. Крестьяне, с которыми нам мало приходится иметь дела, относятся к нам добродушно, но с искренним недоумением и постоянно спрашивают: “Зачем же мы приехали из России?”» [3. С. 260–261]) стало меняться к худшему.

Ситуация осложнялась и тем, что в Югославии с конца 1940 г. стало действовать советское представительство, занимавшееся и подрывной деятельностью, направленной против русской эмиграции. Полковник Генштаба царской армии В.И. Басаревич признавался, что еще до начала войны, 1 октября 1940 г., в бесе-

⁴ Краинский Н.В. (1869–1951 гг.) – выдающийся русский ученый-психиатр. Активный участник Белого движения. С 1928 г. – преподаватель кафедры психиатрии и экспериментальной психологии в Белградском университете. Опубликовал около 200 научных работ. Вернулся с семьей на родину в Харьков в 1947 г., где продолжал заниматься наукой до конца своих дней. Подробнее см.: [11].

де с ним В.Н. Штрандтман выражал мнение об отчаянном положении русских эмигрантов вследствие появившейся договоренности между Москвой и Белградом, причем оба собеседника были готовы даже признать Советское государство, не возвращаясь при этом, конечно, в Советский Союз [9. Д. В-277. Л. 1-2]. Стоит заметить, что этот разговор проходил в то время, когда официальная нота Советского Союза по вопросу о русских эмигрантах, обращенная к Югославии, еще не появилась⁵ [13. С. 286].

Еще до войны в полицию Сербии поступали сообщения о нелегально заброшенных на территорию Сербии агентах ГПУ [9. Д. G-169]. Впрочем, куда чаще спецслужбы СССР пользовались статусом эмигрантов для прикрытия своих агентов. Так, например, уже с начала тридцатых годов на территории Югославии действовала агентурная группа Л.Л. Линицкого (подробнее см. [14]), разоблаченная, арестованная и высланная из Югославии еще в 1935-1937 гг. Интересно, что в 1941 г. брат любовницы Линицкого Н.Г. Дараган пытался организовать подпольную группу и был арестован гестапо [9. Д. D-275].

Надо сказать, что сотрудники советской разведки действовали в Югославии крайне успешно и редко попадали в руки гестапо. В 1941 г. агенты гестапо и сербской Специальной полиции безуспешно ловили ушедших в подполье Ф.Е. Махина [10. IV. Д. 127/6]⁶, его помощника В.А. Лауданского [10. IV. Д. 11/16; 11/59] и работавшего в советском посольстве В. Лебедева [10. IV. Д. 127/6]. Представители советских спецслужб уже имели и хорошо подготовленные местные кадры из рядов добровольцев, прошедших гражданскую войну в Испании, где советские инструкторы занимались обучением опытных диверсантов⁷.

Один из таких кадров – Д. Милоевич – был арестован гестапо и дал, перед тем как был расстрелян, подробное описание системы вербовки и деятельности небольшой группы агентов ГПУ, руководимой Ч. Поповичем и Р. Уваличем [10. IV. Д. 127. Л. 33-41].

Объектами вербовки становились и русские эмигранты, постоянно проживавшие в Югославии. В начале 1941 г. на улице в центре Белграда сотрудник советского посольства завязал разговор с Е.В. Буйницким, а затем предложил ему прокатиться на машине и завербовал его. В дальнейшем Буйницкого использовали в качестве курьера. Согласно его признанию, он также присутствовал при тренировках по рукопашному бою и стрельбе из бесшумного револьвера, проводившихся в здании посольства. Буйницкий сообщил о том, что посольство имело детальную картотеку русских организаций, действовавших в Югославии, и даже поименный список русских эмигрантов [9. Д. В-76].

Разумеется, разведывательно-диверсионной деятельностью в Югославии занимались не только СССР. Находившиеся в бедственном положении эмигранты соглашались сотрудничать и со спецслужбами других стран. Например, с французской – Л. Неманов [9. Д. А-439] и М. Лунич [9. Д. М-2019], с американцами – А. фон Эден [9. Д. Е.-29]. Особенно активной была подрывная (в буквальном смысле этого слова) деятельность Великобритании. С англичанами сотрудничали А. Альбов, генерал Романовский и др. [9. Д. А-47; В-418; D-113; G-129].

⁵ Это позволяет предположить, что информация о нежелательности деятельности русских эмигрантов в Югославии исходила не из советских, а из сербских кругов.

⁶ В дальнейшем он стал военным советником в штабе Тито. Умер при невыясненных обстоятельствах в 1945 г.

⁷ Например, И. Хариш, позднее руководитель диверсионного отделения Главного штаба партизанских отрядов Хорватии (подробнее см. [15]).

Сенсационный характер носило разоблачение работавшего на англичан Бориса Ходолея. Он устроился работать шофером в посольство Великобритании в 1925 г., позднее сотрудничал в отделении пропаганды. В своем добровольном признании, сделанном в гестапо 16 июня 1941 года, он рассказал о том, как с конца тридцатых годов посольство Великобритании стало превращаться в центр по нелегальной пропагандистско-диверсионной деятельности, распространявшейся на Югославию, Румынию, Грецию, Болгарию и даже Турцию. Вскоре, кроме пропагандистской литературы, к рассылаемому багажу присоединились и тяжелые запакованные ящики весом в 50–80 кг, с которыми было приказано обращаться исключительно аккуратно, хотя, по словам англичан, там лежали просто консервы. В ходе эвакуации посольства после нападения Германии на Югославию Ходолей, по его заверениям, пытался покинуть посольство, но под дулом револьвера был вынужден вести машину до Ужице, где англичане бросили его на произвол судьбы без денег и документов. Во время эвакуации одна из машин посольства, перевозившая часть загадочных ящиков, попала в аварию и взорвалась с ужасающей силой, в результате детонации находившихся в них “консервов” [9. Д. Н–36. Л. 3–6]. Одной из главных целей английских спецслужб был Джердап, узкое место на Дунае, взрыв которого способен был превратить значительную часть Паннонской равнины в так называемое “паннонское озеро”, или, по крайней мере, затруднить судоходство по Дунаю. История имела продолжение: часть взрывчатки, которую англичане не смогли вывезти, перешла “по наследству” американским коллегам, которые также не сумели ее использовать, и позднее она была обнаружена оккупационными властями [16].

Участие некоторых представителей русской эмиграции в вышеперечисленных шпионских акциях было прекращено с приходом в Югославию оккупационных войск. Немцы, опираясь уже на своих тайных сотрудников с довоенных времен, сразу же стали перекраивать жизнь русской эмиграции. Немедленно после оккупации были закрыты все русские периодические издания и приостановлена деятельность всех русских общественных организаций как заведомо ненадежных.

Русские эмигранты начали новый процесс самоорганизации, причем сразу же выявились и первые противоречия. Так, уже 10 апреля 1941 г. в здании Русского дома состоялось заседание Комитета первой помощи пострадавшим от бомбардировки. В числе его организаторов были С.Н. Латышев, Н.И. Голощапов, Д.А. Персиянов, Р.А. Фолькерт. В том же здании при содействии В.Н. Штрандмана на американские средства 13 апреля была открыта бесплатная кухня, украшенная плакатами: “Американский Красный Крест выдает бесплатные обеды”, что вызвало бурю протестов со стороны Комитета, озабоченного подобной дискредитацией русской диаспоры. В письменной форме заявление о протесте было вывешено в Русском доме, а 15 мая 1941 г. члены Комитета проинформировали об этом представителей немецких оккупационных войск [9. Д. St–131. Л. 55]. Впрочем, это было не единственным обвинением, которое выдвигалось отдельными представителями эмиграции в отношении Василия Николаевича Штрандмана, работавшего в посольстве в Белграде еще до Первой мировой войны и назначенного на пост российского посла Омским правительством адмирала Колчака в апреле 1919 г. [2. С. 63, 66–68]. Еще в конце тридцатых годов вышла анонимная брошюра без указания места издания (по данным гестапо, это была посмертная публикация работы полковника Войска

Донского И.А. Родионова), в которой Штрандтмана обвиняли в принадлежности к масонству (что отрицалось самим Василием Николаевичем и его друзьями), заигрываниях с левыми и подрыве деятельности правых организаций, а все окружение Штрандтмана называлось “левыми тунеядцами, разрушителями России и развратителями эмиграции” [9. Д. St–131]. Добровольный помощник немецких властей Владимир Кутырин, якобы “не имевший личных к тому причин”, кроме желания раскрыть сущность Штрандтмана [9. Д. St–131. Л. 2], добавил к сочному портрету Штрандтмана еще и обвинение в расхищении государственных кредитов и сотрудничестве с английской разведкой. Впрочем, и сам Штрандтман при допросе в гестапо признал, что поддерживал отношения с представителями английского посольства на охоте и в дипломатическом теннис-клубе, в том числе с известными ему как представители английской разведки Найтом, Хоупом и Принном [9. Д. 131. Л. 5], фигурировавшими в качестве главных руководителей разведывательно-диверсионной работы английского посольства в показаниях Б. Ходолея [9. Д. Н–36. Л. 3–6]. Принн, по словам Штрандтмана, даже предлагал ему 3 000 динаров в месяц за поставку информации⁸, но он, якобы, отказался. Действительно ли это происходило таким образом, или в кабинетах немецких следователей прошлое представлялось несколько иначе, сказать трудно. Однако немцы приняли решение: Штрандтман – неподходящая фигура на роль главы русской эмиграции в Сербии, которая должна была получить новую организационную структуру и новое руководство.

Уже в начале мая Александр Иванов, белградский журналист и книготорговец, от имени делегации Русского национального комитета обратился с предложением помощи в организации единого Бюро по вопросам русской эмиграции к военному коменданту Белграда, который направил его к специальному комиссару Белграда – Д. Йовановичу, а тот, в свою очередь, в айнзатцкоманду Белград. Вскоре, 7 мая 1941 г., А. Иванов передал в СД предложение о создании русского представительства в Белграде и получил ответ, что шаги в этом направлении уже предприняты, а его предложение будет принято к сведению [9. Д. I–6].

Учреждение новой организации, которая занималась бы устройством жизни и защитой русских эмигрантов, связано с деятельностью генерал-майора Михаила Федоровича Скородумова (1892–1963) [17]. Он был офицером лейб-гвардейского павловского полка, участвовал в Первой мировой войне с самого ее начала, несколько раз был ранен, попал в плен, пытался бежать, в результате обмена военнопленными вернулся в 1917 г. в Петроград, участвовал в неудавшемся офицерском заговоре. С началом Гражданской войны М.Ф. Скородумов – ее активный участник, он отличился в ходе взятия Киева, Днестровского похода, обороны Перекопа. Далее типичная судьба – эвакуация в Галлиполи, затем в Болгарию, активная деятельность в РОВСе, а затем – переезд в Белград. Здесь Скородумов занялся политической и общественной деятельностью. Он был участником и одним из инициаторов сбора и перезахоронения останков русских воинов на Салоникском фронте. По признанию современников, именно ему принадлежит особая роль в возведении на месте их братской могилы величественного памятника Славы русским воинам на Новом кладбище, что на

⁸ Весьма неплохой заработок в то время. Так, средний месячный доход русского эмигранта, позволявший сводить концы с концами, составлял в то время 500–600 динаров, а, например, Б. Ходолей согласился возить “консервы” за 2 500 динаров в месяц.

Гроблянской улице в Белграде. Кроме того, Скородумов участвовал в организации союза бывших кадровых царских русских офицеров и остальных военно-обязанных, получившего название “Русское народное ополчение” (подробнее см. [18]). “Ополчение” занимало крайне правые, последовательно монархические позиции, выражая чаяния тех русских эмигрантов, которые не смирились с поражением в Гражданской войне и стремились к продолжению борьбы с теми, кто, по их мнению, “поработил Святую Русь, обагрив руки в крови русского народа и изгнал на чужбину национальную элиту”.

Надо отметить, что проживавшая в то время в Югославии часть русской эмиграции, как и вся русская диаспора в целом, фактически поделилась на две части – “оборонцев” и “пораженцев”. Первые считали, что гитлеровская Германия стремится уничтожить Россию, вторые – лишь большевизм в России. На основании этого, одни утверждали, что следует помогать СССР в войне, другие желали ему поражения. Объективности ради стоит отметить, что в тот период такие колебания были вполне понятны: гитлеровское окружение не состояло из откровенных русофобов. Интересно отметить, что лишь после начала нападения на СССР, в конце 1941 г., сам фон Бок, генерал-фельдмаршал вооруженных сил нацистской Германии, командовавший группой армий, с удивлением узнал, как действительно видели дальнейшую судьбу России Гитлер, Розенберг и Гиммлер [19. С. 40–41]. Наивность русских эмигрантских кругов удивляет: например, обратившийся 24 мая 1941 г. в Белградское отделение гестапо и СД журналист Сергей Завалишин в качестве подтверждения своей верности идеалам нацизма сообщил о том, что он был сотрудником, издателем и совладельцем газет “Всеславянский клич” и “Всеславянская трибуна”, которые, по его мнению, стояли на позициях стран “оси” [9. Д. Podaci o licima]. Он не мог знать, что в соответствии с поступившими вскоре инструкциями, не только панславизм и “всеславянство”, но даже и само слово “русский” должны были вызывать подозрения у бдительных сотрудников СД. Показательно, например, как 10 марта 1942 г. (когда немцы еще не дошли до безысходной полосы поражений, но уже успели полностью сформулировать свои взгляды на практическую политику на Востоке) немецкий цензор исправил статью Г.П. Граббе, “секретаря РПЦЗ в Сербии” (так названа его должность в его личном деле в гестапо). В этой статье, под заголовком “Сербская церковь против коммунизма”, помещенной в сербском офицозе – газете “Наша Борба”, автор достаточно объективно и, в то же время, лояльно по отношению к немецкой политике анализировал взаимоотношения сербской и русской церкви в Новое время. Цензор вычеркнул из статьи несколько слов, очевидно, показавшихся ему вредными и опасными – “Югославия” и “вечная, великая, славянская Россия” [9. Д. G–148. Л. 21]. А В.К. Штрик-Штрикфельдт, участвовавший в создании РОА и личный друг А.А. Власова, описывает еще более примечательный случай, имевший место примерно в то же время: из песни о Стеньке Разине было приказано выбросить слова о Волге, как “русской реке”, и петь вместо этого “мощная река” [19. С. 175].

В конце весны 1941 г. (22 мая) приказом Командующего немецкими вооруженными силами в Сербии была создана единая организация русских эмигрантов – “Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии”, начальником Бюро был назначен М.Ф. Скородумов. Постоянное местопребывание Бюро было определено в Белграде в Русском доме имени Императора Николая II. С 11 июня 1941 г. Бюро включилось в начатую Управой города Белграда еще 22 мая по приказанию немецких властей обязательную регистра-

цию всех русских эмигрантов в Сербии и выдачу каждому, достигшему шестнадцатилетнего возраста, специального постоянного удостоверения личности, которое являлось и удостоверением об арийском происхождении. Согласно результатам этой переписи, в Белграде проживали и, таким образом, находились под контролем Бюро 7 020 взрослых русских эмигрантов (в это число не входили получившие югославское или другое нероссийское гражданство) [10. П. Д. 44/41]. Уже 15 мая М.Ф. Скородумов опубликовал развернутый приказ № 1 по Бюро. В нем была представлена структура и изложены задачи деятельности Бюро. Указывалось, что оно будет иметь шесть отделов, которые возглавили следующие лица: канцелярия и финансовая часть – полковник Н.Л. Неелов, секретариат Бюро – капитан А.А. Обатуров, культурно-просветительные заведения – ротмистр И.В. Рычков (административно-хозяйственная часть), учреждения Российского Общества Красного Креста – проф. др. Н.В. Краинский (с выполнением функции руководителя научно-учебной частью всех русских учебных заведений и учреждений, носящих научный характер), административный отдел – сенатор С.Н. Смирнов, “эвиденция” (выдача свидетельств), регистрация и печать – А.В. Ланин. Сообщалось о подготовке официального списка русских колоний на территории Сербии с обязательным утверждением начальников колоний, подотчетных М.Ф. Скородумову. На основе бывшего Русского научного института формировалось Высшее научно-учебное заведение с подразделением на ученый и учебный отделы, с вхождением в него всех военно-научных и учебных сил под руководством профессора Н.В. Краинского. Русско-сербская гимназия в стенах Русского дома действовала непрерывно до прихода советских войск в 1944 г. Летом 1941 г. была открыта и благотворительная столовая для беднейших русских эмигрантов.

В том же приказе Скородумов оповестил русскую общественность, что все существовавшие до сих пор русские организации и общества закрыты распоряжением властей и должны сдать всю отчетность и наличность на хранение в финансовый отдел Бюро. По усмотрению начальника Бюро, некоторые из организаций могли получить разрешение на дальнейшее существование. То же касалось и разрешения выпуска периодических и непериодических изданий на русском языке, согласно существовавшему специальному распоряжению о печати в Сербии, требовалось разрешение и немецких властей. Были запрещены какие-либо непосредственные обращения русских эмигрантов, организаций или групп к немецким или сербским властям, все подобные прошения должны были следовать только через Бюро.

Кроме сухих строк приказа, необходимо было донести до эмигрантов суть произошедших изменений, поэтому уже 16 июня М.Ф. Скородумов адресовал эмигрантам письменное обращение, появившееся на стенах Русского дома. В обращении констатировалось тяжелое положение русской эмиграции в результате “тяжелой катастрофы, которую перенес приютивший ... (эмигрантов. – А.Т.) братский ... по крови народ”, а также упоминались “незаслуженные гонения и оскорбления”, вызванные пропагандой со стороны агентов Англии и коммунистического интернационала. Скородумов сравнил произошедшее с событиями 1917 г., “когда те же агенты погубили и нашу Родину и тоже, прикрываясь Именем Царя, предательством сверху и глупостью снизу, разрушили нашу Родину”. Более того, он выразил свою уверенность в том, что, несмотря на временное недопонимание сербским народом поведения эмигрантов, “пройдет немного времени и обманутый сербский народ поймет” русских, которые, исходя

“из прошлого опыта России, предвидели и хотели ... спасти ... от происшедшей катастрофы” приютившую их Сербию.

Далее Скородумов призвал всех, соблюдая понятную в военное время осторожность, заняться внутренней организацией эмигрантской жизни. Он определил следующие направления дальнейшей деятельности русской эмиграции: 1) поднять моральный уровень эмиграции, активизировать роль духовенства в современной жизни, удешевить таксы на церковные требы; 2) объединить все военные организации в один отдел, не делить русских военных на высших и низших; 3) направить обучение в строго национальное русло и ввести во всех русских учебных заведениях обязательное обучение ремеслам, в том числе и в женских учебных заведениях, все это с целью укрепления здоровой семьи – фундамента здорового национального государства; 4) финансовое положение русской эмиграции базировать не на иностранных подачках, а на развитии частных жизнеспособных русских предприятий, которые могли бы явиться источниками существования как для инициаторов, так и для не имеющих работы, а также помощи детям и престарелым; 5) благотворительные комитеты должны быть сведены в одну группу, взяты под строгий контроль, при этом работающие в них не должны оплачиваться из собираемых сумм; 6) забыть все политические и другие распри и объединиться всем вокруг Бюро по защите интересов Русской эмиграции.

В заключение, М.Ф. Скородумов призвал эмигрантов сторониться “шептунов, сеющих смуту, и агентов-provokаторов”. От лица Бюро он пообещал строго наказывать, независимо от возраста, образования и положения, всех, замеченных в безмерном употреблении алкоголя; скандалящих в общественных местах; занимающихся на улицах попрошайничеством; всех русских женщин, замеченных в неприличном поведении, одежде, или явной проституции, рекомендуя властям выслать провинившихся на принудительную работу в какой-либо из монастырей без права возвращения обратно. Таким образом М.Ф.Скородумов надеялся защитить честь и репутацию “национальной зарубежной Руси” [20].

После нападения Германии на СССР русская эмиграция активизировала свою деятельность. В это время появляется любопытный документ – обращение “к русскому народу и русской эмиграции”, которое подписали русские журналисты в Сербии, представители правых политических течений: А.В. Ланин, В.М. Пронин, Е. Месснер, М. Соламахин, В.К. Гордовский, Н. Тальберг, Н.П. Рклицкий, Е. Шелль, Д. Персиянов, Н. Чухнов, Вл. Гриненко. Они утверждали, что “22-го июня...пробил час, который, начиная с 1917 года, ожидали все национально-мыслящие русские люди..., решительный бой нового мирового правопорядка... против коммунистической советской власти”. Далее авторы обращения наивно заявляли, что “германские вооруженные силы... объявили беспощадную войну не русскому народу и не России, а ... коммунистическому интернационалу... Победа над ... коммунистами ... принесет русскому народу освобождение и избавление, подлинную свободу, мир, порядок, справедливость и национальную русскую власть, а не интернациональную, которая возродит Россию и сольет в одну дружную работу всех истинно русских людей. ... даст землю трудящимся крестьянам и казакам, обеспечит рабочего и его семью, установит частную собственность, вернет армии ее русское имя и былую славу”. Наконец, русскую эмиграцию они призвали “быть готовой к скорому возвращению на родную землю для ... участия в построении Русского Будущего в союзе двух величайших Империй: Российской и Германской” [20].

Следствием подобной политической позиции стало стремление создать воинское формирование из русских эмигрантов для участия в борьбе против большевизма. Эта идея появилась, по-видимому, еще в конце июня, поскольку уже в июле Скородумов начал переговоры с сотрудником СС в Загребе графом фон Хейдек-Корвином, предложившим собрать и вывезти с территории получившей “независимость” Хорватии русских добровольцев для участия в этих формированиях. Причем Хейдек-Корвином была даже сформирована группа из 200 русских эмигрантов, готовая к отправке в Белград. Впрочем, руководство не только не похвалило Хейдек-Корвина за проявленную инициативу, а даже приказало его арестовать [9. Д. Н-91. Л. 4].

Однако значительные массы сербского населения воспринимали русскую эмиграцию как кровных врагов СССР, от которого ждали помощи в освобождении страны от оккупации. По стране прокатилась волна убийств русских эмигрантов, не говоря уже о простых ссорах и избиениях на улицах. Убить вооруженного немецкого солдата, за которым стояла мощь вермахта, или даже сотрудника сербской полиции, обладавшего многочисленными друзьями и родственниками, желавшими отомстить, было намного сложнее, чем вырезать беззащитную русскую семью, волей судьбы заброшенную в балканскую глушь. В своей послевоенной статье М. Скородумов писал, что до конца лета 1941 г. “от рук сербских коммунистов ... погибло около трехсот русских людей” [21. С. 44]. Невозможно проверить точность этой цифры, однако ряд убийств, избиений и грабежей русских эмигрантов действительно зафиксирован в материалах СД. Стоит отметить, что до СД такие дела доходили только тогда, когда пострадавшие имели протекцию. В противном случае, даже местные полицейские власти отказывались вести расследование, списывая дело на криминал, так как не желали привлекать к своему участку внимание Гестапо и сербской Специальной полиции. Примером может служить трагический эпизод, о котором рассказала Нина Белавина, дочь священника Сергея Белавина, студентка Юридического факультета, приехавшая к отцу в деревеньку Кула близ города Пожаревац. Ее отцу было 49 лет, и 18 из них он проработал священником в разных сербских сельских приходах. “В девять вечера в канцелярию общины вошли три вооруженных человека и заставили казначея общины отвести их в квартиру отца Сергия... Двое из нападавших вошли в дом и оставались там один час... Через час они снова вышли..., священника ударами прикладов они принуждали идти с ними. Один из них нес большой сверток с вещами, замотанными в простыню ... В переулке священник попытался убежать, но был схвачен третьим нападавшим, который жестоко избил его прикладом... Вскоре собравшиеся крестьяне услышали оттуда, куда увели священника, выстрел... На теле покойного были обнаружены: прострельная рана..., шея перерезана на глубину 5–6 см. Несколько проникающих ножевых ран в области груди... Отца Сергия похоронили ... без священника, так как он был единственным священником поблизости” [9. Д. В-922. Л. 1–2]. Дело дошло до того, что “проживавшие в Шабаце казаки после убийства коммунистами пяти казаков с семьями сами взяли за оружие и, сформировав две сотни, под командой сотника Иконникова, отбивались вместе с немецкими частями от наступавших и окружавших их коммунистов” [21. С. 45; 9. Д. I-122; 10. IV. 269/25]. В этих условиях М. Скородумов решил, имея предварительное согласие начальника штаба немецкого главнокомандующего на Юго-Востоке полковника Кевиша, организовать Русский корпус, который “после ликвидации коммунизма в Сербии ... (должен был быть переброшен. – А.Т.)

на Восточный фронт” [21. С. 45]. Однако вскоре Скородумова и назначенных им руководителей отделов Бюро сместили с постов, а вместо них назначили более лояльных людей – генерал Владимир Владимирович Крейтер стал руководителем Бюро, а Борис Александрович Штейфон возглавил Русский корпус. Сам Скородумов был арестован, а после освобождения почти до самого конца войны содержал себя сапожным промыслом. В 1944 г. он вновь вступил в корпус рядовым и вместе с его частями покинул страну. Деятельность Русского корпуса хронологически выходит за рамки нашего повествования, следует лишь упомянуть, что к концу 1941 г. он приступил к несению службы по охране рудников, железнодорожных узлов и магистральных дорог. В корпус, формировавшийся на добровольческой основе (хотя и звучали завуалированные угрозы в адрес не желавших служить), со временем влилась значительная часть русских эмигрантов, что еще более ухудшило отношение к ним местного населения. Это, как и последовавшее в начале 1942 г. обязательное распоряжение сербского правительства об увольнении с работы всех русских, вне зависимости от их гражданства (т.е. даже имевших югославское подданство), сделало жизнь русских в Сербии еще более невыносимой. Многие старались найти работу на территории рейха (в Германии, Австрии, Чехии) и уезжали из Сербии, что зафиксировано в архивах белградского гестапо, куда они обращались с просьбой о выдаче свидетельств о политической благонадежности [9. Д. G–110, 114, 151; E–4, 9; D–24, 46; B–28, 73, 169, 208, 365, 1087].

Необходимо отметить, что не все русские эмигранты сотрудничали с оккупационными властями. Немцы по приходу в Белград стали выискивать своих противников, в том числе и в рядах эмигрантов из России. В первую очередь, пострадали эмигранты еврейского происхождения (вместе с остальными евреями Сербии). Уже 16 апреля 1941 г. на стенах Белграда появились плакаты, в которых под угрозой расстрела было приказано всем лицам еврейского происхождения собраться 19 апреля перед зданием городской полиции. Страдания и смерть в Баничском лагере стали судьбой большинства этих людей. В дальнейшем гестапо (опираясь на сеть доносчиков [9. Д. A–074; B–336, 508, 635, 1318; C–86, 123; D–111, 166; H–83; J–45, 163]) выискивало скрытых евреев в рядах русской эмиграции [9. Д. B–153, 431; F–178; J–179 и др.]. Судьба заподозренных в еврейском происхождении складывалась по-разному. Более состоятельные откупались. Например, занимавшийся скупкой золота владелец ювелирного магазина Г.И. Флексер, в открытии которого ему в середине двадцатых годов помогла местная еврейская община. В его личном деле сначала появилось свидетельство о крайне тяжелой болезни, затем свидетельство от Бюро русской эмиграции об “арийском происхождении”, а потом и вовсе свидетельство о шведском гражданстве, причем последнее повергло сотрудников гестапо в шок, так как они не могли понять, как он вообще так быстро и не выезжая из Белграда стал счастливым обладателем абсолютно настоящего шведского паспорта [9. Д. F–178]. К сожалению, такие финансовые возможности были скорее исключением. Показательна судьба Самуила Иосифовича Ровинского, работавшего доктором в местечке Лазаревац вблизи Белграда. Женатый на сербской медсестре, трудившейся вместе с ним, он был полностью интегрирован в местную жизнь и пользовался заслуженным авторитетом, так как был не только образованным специалистом (закончил Харьковский университет), но и добрым человеком, готовым помочь бедным пациентам даже бесплатно. После его ареста более сотни сербов, его друзей, соседей и пациентов, подписали петицию министру

внутренних дел Сербии с прошением убедить Председателя правительства Милана Недича лично обратиться к гестапо с просьбой об освобождении доктора Ровинского. Ровинский был выпущен на свободу, но вскоре немцы передумали и решили снова его арестовать. Когда последний попытался бежать, в заложники были взяты все люди, подписавшие петицию об его освобождении. Пришедший в отчаяние доктор простился с семьей и детьми и повесился на пороге собственного дома [22. С. 7–14].

Каток немецкого правосудия прошелся и по судьбе масонов [9. Д. С–128, 135; D–44; J–179; St–131] в Сербии, в том числе их немногочисленных представителей среди русской эмиграции. Немцы подвергали аресту тех эмигрантов, которые переоценивали прошлое и с симпатией относились к СССР как к родине в ее коммунистической ипостаси [9. Д. А–56, 116; С–70, 75–76; D–90, 184, 195; G–138; I–5, 151; J–13, 810]. Даже лица, просто хотя бы раз в жизни посетившие посольство СССР (например, с целью получить адрес родственников, интересовавшиеся технической литературой и просто любопытные), арестовывались гестапо с целью проверки [9. Д. А–15, 23; B–217; D–212, 250; O–21]. После достаточно детальной проверки, сопровождавшейся физическим воздействием на заключенных, их, как правило, выпускали, заставив подписать обязательство “не говорить о допросе, а также о подписании данного обязательства, никому, кроме супруги (супруга)”, причем последний также был обязан дать подписку о неразглашении [9. Д. B–361. Л. 26].

С приходом немцев неосторожный разговор, даже с самыми близкими друзьями, мог стать причиной ареста и водворения в лагерь [9. Д. I–50]. В частных беседах некоторые “свободомыслящие” эмигранты иногда впадали в заблуждение, полностью противоположное тому, которое разделяли лидеры “ультранационалистов”. Они считали, “...что в России больше нет коммунизма, там живут славяне-националисты, которые борются за славянскую идею и единство всех славян” [9. Д. B–579. Л. 2]. Вызывали подозрения даже просто регулярные встречи одних и тех же лиц, которые собирались просто выпить и поиграть в карты [9. Д. С–191]. Устав от ежедневно рождавшихся самых невероятных сплетен, эмигранты пытались получить сколько-нибудь объективную информацию, сравнивая бравурную немецкую пропаганду с доносившимися из-за рубежа радиопередачами из Москвы и Лондона, несмотря на приказ немецкого командования в Сербии от 27 мая 1941 г. о запрете приема передач всех радиостанций, кроме немецких, под страхом тюрьмы или даже смертной казни [10. IV. Д. 38/05. Л. 266]. Некоторые осмеливались даже организовывать групповые прослушивания или пересказывали услышанное коллегам на работе [9. Д. А–50; B–112; H–222; I–54; J–235].

Некоторые русские эмигранты намеревались выступить с оружием в руках (или без такового) против немцев. В середине 1941 г. был создан Союз Советских Патриотов [23. С. 148], но его деятельность, как и количество членов, были незначительны. До 1944 г. в материалах гестапо нет ни одного свидетельства о заметной активности со стороны этой организации, хотя имена лидеров организации Ф. Висторопского, В. Лебедева, И Одиселидзе в нем встречаются, они скорее выражали собственные взгляды, нежели могли изменить картину поведения русских эмигрантов. Молчаливое же большинство русских эмигрантов было равнодушно отрицательно настроено к движению сопротивления. Это не относится к тем представителям русской эмиграции, которые принимали участие в партизанском движении, сражаясь с фашистами в рядах Народно-освобо-

дательной армии Югославии, например генерал-полковник НОАЮ В. Смирнов. С другой стороны, Русский корпус, не запятнавший руки карательной деятельностью или преступлениями против гражданского населения, также принимал активное и (до прихода советских войск) успешное участие в гражданской войне, развивавшейся на территории Югославии в 1941–1945 гг.

Вероятно, эта бескомпромиссная антисоветская позиция значительной части эмигрантов, расчет на возврат на Родину вместе с немецкими солдатами и стал той роковой ошибкой, которая закончилась фактически гибелью русской эмиграции в Сербии и в Югославии вообще. Выбор между поддержкой сурового тирана, царившего в родной стране, и союзом с врагами отечества, оказался слишком тяжелым для этих людей, оставшихся до конца своих дней бескомпромиссными антикоммунистами и, несмотря ни на что, искренними русскими патриотами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941. Писци, кружоци, издања. Горњи Милановац; Београд, 1990; Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Београд, 1994. Т. I–II; *Косиќ В.И.* Русская Югославия. Фрагменты истории 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4; *Писарев Ю.А.* Российская эмиграция в Югославии // Новая и новейшая история. 1991. № 1; *Тесемников В.А.* Российская эмиграция в Югославии (1919–1945) // Вопросы истории. 1982. № 10 и т.д.
2. *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС. 1919–1924. Београд, 1996.
3. *Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану. Београд, 2006.
4. *Смирнова Н.Д.* Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936–1941). М., 1969.
5. *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1991. Кн.2.
6. *Белов Н.* Я был адъютантом Гитлера. Смоленск, 2003.
7. Русский голос. 6 IV 1941.
8. *Острогорский Г.* Заметки к “Слову о полку Игореве”. Белград, 1941.
9. Исторјски архив Београда. Ф. VdS (гестапо и СД).
10. Исторјски архив Београда. Ф. УГБ СП (Специјална полиција).
11. *Петруќ П.Т.* Профессор Николай Васильевич Краинский – известный представитель отечественной психиатрической школы (к 135-летию со дня рождения) // Психичне здоров'я. Харьков, 2004. Вып. 2.
12. *Краинский Н.В.* Фильм русской революции в психологической обработке. Белград, 1940.
13. *Гибианский Л.Я.* СССР и “первая Югославия” накануне и в момент ее гибели // Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005.
14. *Ермаков Н.А.* Неповторимый путь Л.Л. Линицкого // Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997. Т. 3: 1933–1941 годы.
15. *Старинов И.Г.* Записки диверсанта. М., 1997.
16. Сензационално откриће о раду британских агената у нашој земљи. Експлозив, пушке и муниција // Новое Време. 11 IX 1941 г.
17. Альбом Русского Корпуса. Нью-Йорк, 1960; Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг. Нью-Йорк, 1963.
18. *Скородумовъ М.Ф.* Памятка Русскаго Народнаго Ополчения. Идеология, задачи, организация. Белград, 1935.
19. *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Против Сталина и Гитлера. М., 1993.
20. Исторјски архив Београда. Ф. Žika Jovanović. Д. 115.
21. Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг. СПб., 1999.
22. *Марковић О.* Доктор Сима Ровински // Мали човек и велика историја. Ваљево, 2002.
23. *Obradović M.* Dve krajnosti u političkoj delatnosti Ruskih izbeglica u Srbiji (1941–1945) // Tokovi istorije. 1997. № 1–2.

© 2006 г. Т. А. ПОКИВАЙЛОВА

ВИКТОР БОГОМОЛЕЦ – АГЕНТ РУМЫНСКИХ СЕКРЕТНЫХ СЛУЖБ

В одном из российских архивов (бывшем “Особом архиве”, а ныне Центре историко-документальных коллекций), организационно вошедшем в настоящее время в Российский государственный военный архив, в фондах французских документов находились материалы (более 100 томов), касающиеся деятельности разведывательного центра, созданного в Париже румынской секретной службой информации, работу которого возглавлял русский белоэмигрант Виктор Богомолец [1].

Судьба коллекции французских документов не простая. После падения в 1940 г. Парижа архив был вывезен в Германию, а затем в 1945 г. в составе трофейных немецких архивов оказался в Советском Союзе. В настоящее время большинство документов этой коллекции возвращено во Францию.

Впервые заметки о Викторе Богомольце с использованием документов “Особого архива” появились в журнале “Magazin istoric”, издаваемом в Румынии [2]. В 2002 г. в Бухаресте были опубликованы мемуары Н.Д. Стэнеску, тогда вице-директора румынской Секретной службы информации, возглавляемой генералом М. Морозовым. Один из разделов своей книги Стэнеску посвятил деятельности российского белоэмигранта Виктора Богомольца [3. Р. 206–230].

После бегства из России в Константинополь В. Богомолец стал агентом английских спецслужб “Интеллидженс-сервис”. Направленный англичанами со спецзаданием в Румынию, он был завербован румынскими секретными службами. Кстати говоря, подобных агентов в Румынии в 1920-е годы было не мало. Можно упомянуть, например, сотрудника “Интеллидженс-сервис” Ростовцева-Брюхатова, который в России воевал в составе белогвардейской “Дикой дивизии”, Богдана Аксакова, Измайлова, М. Народунагяна, капитана Потоцкого, а также экономиста проф. В. Рота, царского прокурора Сергея Набокова, майора царской армии Александра Можайского, который стал главным информатором как румынских спецслужб, так и румынской полиции, генерала Херца, ранее служившего в Генштабе царской России, капитана морского флота Николая Саблина, который имел тесные связи с белогвардейскими организациями во Франции и представлял белогвардейцев, находившихся в Румынии, в Русском

Покивайлова Татьяна Андреевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья подготовлена при поддержке Российского Государственного Научного Фонда (РГНФ), Грант № 05-01-01283а.

Общевойском Союзе. Среди этой разношерстной российской эмиграции был даже советский военный служащий, бывший слушатель одной из военных советских школ, который нелегально пересек советско-румынскую границу, используя переправу через реку Днестр [3. Р. 52–53]. Вместе со своим приятелем, также агентом “Интеллидженс-сервис” Ростовцевым-Брюхатовым, он создал сеть информаторов, в основном из русских белогвардейцев, занимавшихся сбором сведений антисоветского характера.

Кто же такой Виктор Богомолец? Родился в 1895 г. в Киеве, окончил там факультет права, изучал медицину. Служил в царской армии в качестве военного врача. В 1920 г. был сотрудником белой контрразведки в России. Бежал в Константинополь. В тот же год перешел на службу в английскую разведку, получил английский паспорт и английское гражданство. С целью сбора информации он был направлен в Румынию, имевшую общую границу с Советской Россией, и в период 1922–1931 гг. некоторое время жил там, женился на румынке. Хорошо знал румынский язык, хотя говорил с некоторым славянским акцентом. В 1931 г. находился во Франции, затем в Англии. С 1931 по 1933 г. проживал в Берлине, затем снова в Париже, но по-прежнему периодически посещал Румынию. В 1937 г. Богомолец возглавил румынский разведывательный центр в Париже, который вел наблюдение за деятельностью во Франции, Англии и Швейцарии, а также в других странах румынской политической оппозиции королю Румынии Каролю и румынскому правительству. В румынских спецслужбах проходил под кличкой “Доктор” [1. Д. 1. Л. 199]. По воспоминаниям современников, Виктор Богомолец был статный мужчина, блондин, веселый и общительный, наделенный особой интеллигентностью, умевший вызвать симпатии у окружающих. Эти качества помогали ему легко устанавливать контакты и связи с нужными людьми и добывать необходимую информацию. Однако, судя по документам и воспоминаниям современников, он был весьма жаден до денег и не особенно щепетилен в средствах их добывания. В Париже за свою работу от румынских спецслужб он получал весьма солидную сумму (9 000 франков ежемесячно, помимо оплаты его служебных расходов). Это позволяло ему довольно безбедно жить. Он снимал четырехкомнатную квартиру в центре Парижа, около Триумфальной арки, имел служанку и гувернантку для своего ребенка. На деньги мужа его жена могла элегантно одеваться, они часто посещали дорогие рестораны и кафе, летом отдыхали на элитных курортах Западной Европы [3. Р. 226].

Руководил работой и финансировал деятельность Богомольца непосредственно вице-директор румынской секретной полиции Еуджен Бьяну (по кличке “Холмс”) [1. Д. 1]. Бьяну передавал Богомольцу задания, а Богомолец пересылал через курьеров, по почте и другими способами подробную информацию в Бухарест. Е. Бьяну и Н.Д. Стэнеску переправляли в Париж деньги. Их прежде всего интересовала оппозиционная деятельность румынского политика князя Барбу Штирбея¹ и его окружения, а также отправленного в отставку в 1936 г.

¹ Князь Барбу Штирбей в 20-х годах XX в. в течение короткого периода (менее месяца) был премьер-министром Румынии. Он являлся приближенным румынского короля Фердинанда, отца наследного принца Кароля и, по некоторым данным, фаворитом королевы Марии, матери Кароля. Активно добивался отречения Кароля от права престолонаследования и изгнания его из страны из-за “аморального поведения” и порочащих его любовных связей с румынской еврейкой, “рыжей бестией” Еленой Лупеску. В 1925 г. Кароль отрекся от престола и вместе со своей возлюбленной выехал за рубеж. После его возвращения в страну в 1930 г. и восхождения на престол Б. Штирбей эмигрировал в Швейцарию, откуда продолжал деятельность, направленную против румынского короля (см. [4]).

министра иностранных дел Румынии Н. Титулеску и левой группировки румынских оппозиционеров, издававшей во Франции с 1937 по 1940 г. "Bulletin du Comité Romain d'Action Republicaine" (Бюллетень румынского комитета "Республиканское действие").

В одной из бесед с наркомом иностранных дел СССР М. Литвиновым Н. Титулеску пожаловался, что за ним установлена постоянная слежка. Об этом он также говорил своим друзьям и коллегам. Некоторые из близко знавших его людей относили это на счет мнительности Титулеску и его болезненной подозрительности. Однако документы, которыми мы в настоящее время располагаем, показывают, что опасения Титулеску имели под собой основания. Он был на заметке у нацистов. О нем собирала сведения польская разведка; за ним и людьми, близкими к нему, такими как Б. Штирбей, принц Кантакузино, бывший посол Румынии в США Кароль Давила, Савел Рэдулеску и другими, а также оппозиционными антикарлистскими республиканскими группировками, находившимися за границей, велась слежка возглавляемых Богомольцем румынских агентов, которые одновременно занимались также сбором внутривосточной и внешнеполитической информации об СССР и Коминтерне.

Среди прочих заданий, полученных В. Богомольцем от румынских спецслужб относительно деятельности Б. Штирбея и Н. Титулеску, были и такие, которые касались дат и мест их встреч, связей с другими румынскими политическими деятелями и представителями румынской оппозиции, находившимися за границей, выявлением источников и каналов финансирования оппозиционных группировок, выступавших против румынского монарха. Как считал Богомольец, через Б. Штирбея и его секретаря англичанина Вотсона оппозиционеры связывались с Н. Титулеску и близким к нему дипломатом К. Давилой. 11 мая 1937 г. Богомольец сообщал в Бухарест: "Штирбей находится под наблюдением постоянно, т. е. каждый день его наши агенты водят". При сем прилагались каждодневные отчеты того, звонил ли Штирбей по телефону, встречал ли кого-нибудь или посылал письма... "Активность же Титулеску, – писал далее Богомольец, – будет точно разработана, но исключительно в ее главных направлениях, т.е. в задачах, которые поставил себе Титулеску сейчас..." [1. Д. 5. Л. 50]. Ранее, 5 мая 1937 г. Богомольец информирует Бухарест, что им проверена целая цепочка знакомых, чтобы определить активность Титулеску. Слежка Богомольца велась прежде всего через его постоянных агентов. Платными информаторами Богомольца являлись служащие гостиниц, где останавливались или проживали интересующие его румынские деятели, телефонистки, а также работники некоторых посольств, журналисты и т.д. По некоторым данным, одним из источников информации являлся сам секретарь Б. Штирбея Вотсон, которого Богомольцу якобы удалось завербовать [1. Д. 5. Л. 29]. В мае 1937 г. из Бухареста последовал запрос о встрече лидера Национал-царанистской партии Ю. Маниу и Титулеску, и Богомольец дал подробную информацию о поездке Ю. Маниу во Францию, его встречах сначала проездом в Лозанне с Б. Штирбеем, а затем в Кап-Мартэне с Титулеску, на которых Н. Титулеску ставил вопрос о своем возвращении на пост министра иностранных дел Румынии.

После встречи с Титулеску (май 1937 г.) и обвинений, брошенных в адрес Ю. Маниу со стороны румынских политиков в выступлениях против Кароля II, Маниу, оправдываясь, заявил (по информации В. Богомольца), что встреча носила частный характер и он не видит реальной возможности для возвращения Н. Титулеску на пост министра иностранных дел [1. Д. 1. Л. 235–236].

Оценивая информацию Богомольца, куратор его деятельности “Холмс” в свою очередь отметил, что “сведения о Титулеску и Штирбее он нашел весьма интересными” [1. Д. 1. Л. 199]. Сами же руководители румынских спецслужб не раз отмечали, что наряду с достоверной информацией, Богомолец поставлял им дезинформацию [3. Р. 226]. (Безусловно, документы, исходящие от В. Богомольца, нуждаются в проверке, а факты – в подтверждении другими документами).

Как следует из сообщений В. Богомольца, он утверждал, что Титулеску вместе с князем Б. Штирбеем и И. Кантакузино участвовал в деятельности оппозиционной организации “Республиканское действие”. Во внешнеполитической деятельности эта организация ориентировалась на Францию и Англию и противодействовала экспансии Германии. Но главное, к чему стремились ее руководители – укрепить оппозицию против Кароля II в самой Румынии, воспрепятствовать его тоталитаристским устремлениям. По мнению Виктора Богомольца, роль Титулеску в этом направлении была весьма важной. Он выступил как бы объединяющим центром различных социальных групп румынской оппозиции, среди которых наиболее влиятельной была аристократическая оппозиция во главе с князем Б. Штирбеем и И. Кантакузино. Как отмечал В. Богомолец, Штирбей переехал из Румынии в Швейцарию, но постоянно интересовался делами на родине через призму личной ненависти к королю [1. Д. 1. Л. 199]. Через Штирбея умеренные оппозиционеры были связаны с Н. Титулеску и К. Давилой и группировавшимися вокруг них журналистами. Кроме того, эта организация включала в себя и группу лиц, весьма далеких по своему политическому положению и политическим взглядам от первых двух (Штирбея и Титулеску), а также деятелей, близко находившихся к радикальным социалистам [1. Д. 80. Л. 31–33]. (Не удивительно, что некоторые политики из этой организации во время Второй мировой войны занимали антигерманские и просоюзнические позиции, представляли оппозицию режиму Антонеску, выступая посредниками между внутренней оппозицией и странами антигитлеровской коалиции на переговорах о выходе Румынии из войны).

Как уже говорилось выше, после своей отставки в 1936 г. Н. Титулеску не ушел с политической арены и не отказался от мысли вернуться в Румынию на пост министра иностранных дел. В этом своем стремлении он добивался поддержки со стороны Франции, Англии и Советского Союза. И не случайно, что Бухарест интересовало все, что касалось визитов Н. Титулеску и его доверенных лиц в Англию, встреч с политическими деятелями Франции, отношений с журналистами и контактов с Советским посольством во Франции, а также личных отношений с наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым. Обо всем этом в течение трех лет посылал свою информацию в Бухарест Виктор Богомолец. 18 мая 1937 г., например, он информировал Бухарест о том, что располагает данными о предстоящих поездках Н. Титулеску в Париж и Лондон (Н. Титулеску находился в это время в Кап-Мартэне), а затем в Прагу на конференцию и встречу с чешскими политическими деятелями [1. Д. 5. Л. 52].

Весьма интересным представляется донесение В. Богомольца от 1 июня 1937 г. о встрече (29 мая) Н. Титулеску и М. Литвинова в местечке Таллуар, на чем мы остановимся более подробно [1. Д. 4. Л. 210–211].

По одним источникам, например, воспоминаниям Вальтера Романа о встрече Н. Титулеску с Литвиновым, инициатором беседы выступил сам Литвинов, который искал у Н. Титулеску поддержки в переговорах с западными державами.

По другим – инициатива свидания принадлежала Н. Титулеску [1. Д. 4. Л. 210–211], который во время одного из своих посещений Парижа поставил перед сотрудниками советского посольства вопрос о встрече с Литвиновым, и НКВД дал на эту просьбу положительный ответ. Каковы же причины встречи? Советское правительство, безусловно, было заинтересовано в возвращении Н. Титулеску на пост министра иностранных дел Румынии, что гарантировало бы в известной мере от включения Румынии в орбиту политики Германии. В свою очередь, для возвращения Н. Титулеску в Румынию нужен был крупный козырь, и таким козырем могло бы стать заявление советского правительства о том, что оно согласно урегулировать вопрос о Бессарабии (оккупацию которой в 1918 г. румынской армией Советский Союз никогда не признавал) при условии, что к власти в Румынии придет правительство, в которое войдет в качестве министра иностранных дел Н. Титулеску. Однако подобных обещаний Литвинов Н. Титулеску дать не мог, поскольку это противоречило бы официальной позиции советского правительства в отношении Бессарабии.

Во время встречи, как это следует из записи беседы, направленной Богомольцем в Бухарест, Н. Титулеску не раз настаивал на выяснении некоторых вопросов, все время затрагивая вопрос о Бессарабии, пытаясь получить от Литвинова по этому поводу заверения, которые он мог бы впоследствии использовать в своих переговорах с румынскими политическими кругами. Однако Литвинов вообще избегал говорить с Н. Титулеску на эту тему, считая, что последний сможет затем истолковать эту неофициальную беседу как согласие со стороны Литвинова. Выдерживая максимально дружеский тон, Литвинов все время был настороже, опасаясь, вероятно, что в случае каких-либо заявлений с его стороны, они могут быть истолкованы Н. Титулеску по-своему. Поэтому даже намеков на возможность признания со стороны советского правительства вхождения Бессарабии в состав Румынии не последовало. В то же время собеседники сошлись во мнении о необходимости создания эффективной системы коллективной безопасности в Европе. Вот что пишет В. Богомолец в Бухарест:

“Из донесений агентов о завтраке М.М. Литвинова и Н. Титулеску в Таллуаре

1 июня 1937 г.

Наш источник сообщает:

Еще во время своего посещения Парижа, когда Титулеску поставил перед Гиршфельдом² вопрос о необходимости для него встретиться с Литвиновым для важных политических переговоров, НКВД не ответил сразу же на эту просьбу, передав Титулеску, что ответ будет дан через Соколина, постоянно пребывающего теперь в Женеве. Соколин вообще является агентом связи между Титулеску и Москвой, так как Титулеску знает его еще со времени работы в Бухаресте и считает человеком надежным. Не надо, однако, забывать, что Соколин – не только работает формально при Лиге Наций как представитель СССР, но что он в то же время является резидентом ИНО ГПУ, политически руководящим всей работой этого органа в Европе.

Финансовые контакты Титулеску с Москвой идут также через Соколина. В частности, финансирование последней поездки Титулеску в Париж, проведенное, главным образом, Москвой, шло через агентуру Соколина (Соколин имеет большую агентурную сеть, работающую автономно и имеющую базу при по-

² Е.В. Гиршфельд – советник полпредства СССР во Франции.

сольстве СССР во Франции. В Швейцарии к Соколину перешла агентура Багоцкого).

Литвинов не нашел возможным встретиться с Титулеску до окончания основной части своей работы в Женеве, причем, по обоюдному желанию, встреча эта произошла на французской территории, под внимательной охраной службы французского Сюртэ, не подпускавшей близко к месту встречи никого из посторонних, так как Титулеску очень жалуется на то, что за ним следят агенты нынешнего румынского правительства Татареску. Завтрак и разговор продлился гораздо больше обычных норм, положенных для этого дипломатическими правилами этикета и попросту нормальной работы, что, как передают из советских кругов, очень утомило Литвинова, привыкшего к системе в работе и не любящего длинных разговоров с постоянным пережевыванием одной и той же темы.

Служба наблюдения констатировала, что длительность встречи дошла до шести часов, побив всякие рекорды в этой области.

По сообщению из советских кругов, Литвинов несколько раз пытался уходить, но каждый раз Титулеску его удерживал, настаивая на необходимости выяснить до конца все поставленные им вопросы. Литвинов вообще вел себя сдержанно во время беседы и давал говорить Титулеску, очевидно боясь, что в случае каких-либо заявлений с его стороны Титулеску их использует для собственных надобностей и создаст затем для него щекотливое положение в Москве.

Дело в том, что во время своей встречи с Соколиным и Гиршфельдом в Париже Титулеску наметил ту платформу своего контакта с Москвой, которая сделалась теперь основной линией для этой связи.

Платформа эта (она разделяется частично и Москвой) состоит в том, что смена правительства Татареску и появление Титулеску в качестве министра иностранных дел гарантировало бы СССР от перехода Румынии на ось Рим–Берлин, а на ближайший период сорвало бы сотрудничество Бухареста с Варшавой, очень тревожившего Москву. В качестве одной из мер, которая могла бы дать козыри в руки Титулеску, последний все время внушал через Соколина, что советское правительство должно было бы твердо заявить, что оно согласно урегулировать вопрос о Бессарабии, признав в ясной и недвусмысленной форме ее присоединение к Румынии в том случае, если к власти придет новое правительство с Титулеску в качестве министра иностранных дел.

Во время своего завтрака и разговора с Литвиновым Титулеску все время возвращался к этому вопросу, настаивая на том, что Литвинов должен сделать ему по этому поводу ясное заявление, которое он использует затем в своих переговорах с румынскими политическими сферами, выставляя перед ними возможность раз и навсегда покончить с бессарабским вопросом в случае смены правительства Татареску и появления его, Титулеску, на посту министра иностранных дел.

Те же советские круги сообщают, что Литвинов категорически уклонился от такого заявления и вообще избегал говорить на эту тему с Титулеску, опасаясь, что последний может превратить простой разговор на эту тему в СОГЛАСИЕ со стороны Литвинова. Тем не менее, Титулеску несколько раз настойчиво возвращался к этой теме, делал из нее как бы ось всего разговора.

Передают, что Титулеску очень утомил Литвинова своей настойчивостью и необходимостью для последнего держаться все время настроенно, соблюдая, однако, и выдерживая максимально дружеский тон беседы” [1. Д. 4. Л. 210–211].

Через несколько дней после встречи В. Богомолец направляет Е. Бьяну в Бухарест подробный отчет о деятельности Н. Титулеску и результатах встречи.

“Встреча Титулеску с Литвиновым, – писал Богомолец, – не способствовала укреплению позиций Титулеску в Париже, поскольку Литвинов ясно себе представляет, что позиция Титулеску исходит из его стремления вновь занять пост министра иностранных дел, и вся деятельность Титулеску вертится вокруг этой проблемы... Литвинов достаточно хорошо понимает, что, если даже Москва признает публично, без просьбы Бухареста, аннексию Бессарабии, то и в этом случае Титулеску не станет министром иностранных дел” [1. Д. 4. Л. 128].

Анализируя запись разговора М.М. Литвинова с Н. Титулеску, сделанную В. Богомольцем, достаточно трудно, на наш взгляд, определить, насколько она полно и достоверно отражает содержание диалога двух выдающихся дипломатов 30-х годов XX в. Тем более, что сопоставление этой записи с недавно опубликованным документом из АВП РФ, представляющем информацию о встрече Литвинова и Титулеску, направленную 13 июля 1936 г. советскому посланнику в Румынии М.С. Островскому [5. С. 148–149], особой ясности в этот вопрос не вносит. Во-первых, официальный документ опубликован с сокращениями; во-вторых, он препровожден просьбой Литвинова к Островскому “часть письма, касающуюся встречи с Титулеску, по прочтении обрезать и уничтожить” [5. С. 149]. По крайней мере, в письме к Островскому никакой информации по поводу разговора о Бессарабии не дается.

И все же запись беседы, представленная В. Богомольцем, на наш взгляд, отражает, помимо личных доверительных отношений двух политиков, изменения, происшедшие в советско-румынских отношениях после отставки Н. Титулеску с поста министра иностранных дел Румынии, и тот накал страстей, который бушевал в 1930-е годы вокруг вопроса о Бессарабии.

“Для Москвы бессарабский вопрос не является лишь международным вопросом, а и внутренним вопросом и точкой зрения партии”, – писал В. Богомолец [1. Д. 4. Л. 128].

По информации В. Богомольца, Литвинов не хотел, чтобы на Западе знали о его встрече с Н. Титулеску и был недоволен тем, что вокруг нее было столько поднято шума. Он был недоволен также тем, что Н. Титулеску обратился к французскому правительству оказать содействие в организации его встречи с Литвиновым и тем самым привлек внимание журналистов. “Варшава, – как общал далее В. Богомолец, – все время следит за деятельностью Титулеску. Мы имеем очень надежные источники информации о том, что польское правительство считает действия Титулеску направленными против Польши и против Бекка персонально. Организации секретной информации и самая сильная из них 2-е Бюро Генштаба Польши имеет весьма секретные инструкции информировать постоянно о деятельности Титулеску... Мы считаем, – писал В. Богомолец, – что Варшава настроена против Титулеску. Ясно, что назначение Титулеску на пост министра иностранных дел могло бы разорвать хорошие отношения между Польшей и Румынией...” [1. Д. 4. Л. 129].

В 1938 г. В. Богомолец по заданию своего бухарестского шефа разрабатывает связи Н. Титулеску и К. Давилы с французскими журналистами, а также информирует Бухарест о деятельности Н. Титулеску в международных организациях. Из его донесений за первую половину 1938 г. можно сделать вывод об активизации деятельности Н. Титулеску. “Париж и Швейцария, – писал В. Богомолец в 1938 г., – превратились в центры концентрации активности про-

тив Бухареста и его Величества” [1. Д. 80. Л. 33]. “До марта 1938 года, – сообщал В. Богомолец, – Титулеску трижды приезжал в Париж. Он дает рекомендации политическим деятелям левого толка, направляет своих сподвижников, в частности К. Давилу, на встречи с английскими, американскими деятелями. Развивает тему германофильства Бухареста... Однако Титулеску пытается соблюдать максимум конспирации, но продолжает говорить, что его, в конце концов, призовут в Бухарест...” [1. Д. 5. Л. 32].

После Мюнхена в деятельности Титулеску на какое-то время наступает спад, однако, по сообщениям В. Богомольца, весной 1939 г. ситуация изменилась. В информации от 6 июля 1939 г. Богомолец сообщает, что “Титулеску продолжает развивать активную деятельность в связи с англо-франко-советскими переговорами. Он три раза посетил в Париже советского посла, имел встречу с французским послом в Лондоне, сам был в Лондоне, встречался с журналистами, участвовал вместе с Кантакузино в конференции в Женеве” [1. Д. 1. Л. 12; Д. 58. Л. 19–20].

В сообщении от 24 октября 1939 г. говорилось о встрече Н. Титулеску с румынским министром иностранных дел в Берне, на которой, возможно, речь шла о возвращении Н. Титулеску в Румынию. Но он скрывал эту встречу, мало говорил о ней даже со своими ближайшими друзьями [1. Д. 68. Л. 20]. Вообще, как считает В. Богомолец, позиция Титулеску является противоречивой. В одних случаях он говорит, что болен и собирается покинуть политику, в других – считает, что наступил подходящий момент для его активной политической деятельности, хотя шансы возвращения к руководству внешней политикой Румынии оцениваются как маловероятные в Англии и Франции, где он пользуется активной поддержкой. В то же время, по наблюдениям В. Богомольца, Титулеску “стал очень сдержан, мало говорит, как это было раньше, о необходимости поиска в лице Советского Союза защиты от Германии...” Контакты Титулеску с советскими дипломатическими представителями резко пошли на убыль особенно после отставки М.М. Литвинова и после того, как многие “женевцы” были отозваны в СССР и отправлены в Сибирь [1. Д. 68. Л. 20].

В фондах “Особого архива” имеются многочисленные записи прослушек телефонных разговоров румынских эмигрантов в Западной Европе с Бухарестом, в основном личного характера.

Приведем запись лишь одного из таких разговоров известного политического деятеля Румынии В. Маджару³ с женой Н. Титулеску, проживавшего в 1940 г. во Франции в г. Сент-Мориц:

“11.25 час. 10 января 1940.

Бухарест. Маджару Вирджил.

Str. Василе Конта 12. Сент-Мориц, дом Титулеску.

Бух. Это говорит Маджару.

С.М. (Сент-Мориц) Это Ненишор (секретарь Н. Титулеску. – *Авт.*). Имею честь приветствовать Вас, г-н Министр.

Бух. Я слышал, что г-н Титулеску болен.

С.М. Да, это так, у него нервная депрессия.

Бух. Что за причина?

С.М. Скорее всего медикаментозная.

Бух. Слышал, что с ним произошел несчастный случай.

³ Генеральный секретарь Национал-царанистской партии.

С.М. Да, это так. Если хотите г-н Министр, подождите немного. Я позову к телефону г-жу Титулеску.

Бух. Я подожду.

С.М. (Г-жа Титулеску). Добрый день г-н Маджару.

Бух. Целую руку. Я слышал, что г-н Титулеску болен?

С.М. Да. Он чувствует себя не очень хорошо. Нервная депрессия, очень сильная. Врачи говорят, что нужны препараты против передозировки лекарств. Очень сильные боли, не поддающиеся лечению. Вы же знаете характер Ти. И как его трудно убедить в чем-то.

Бух. Да, знаю.

С.М. В этом виноват врач из Берна, который его консультировал.

Бух. Пожалуйста, передай от меня и г-на Маниу, который находится рядом со мной, пожелания здоровья и улучшения самочувствия.

С.М. Спасибо г-ну Маниу и тебе” [1. Д. 79. Л. 26].

С 1940 г. корреспонденция Виктора Богомольца из Парижа прекращается. По некоторым данным в 1940 г., после падения Парижа и оккупации Франции немецкими войсками, он перебрался в Лиссабон, а там снова перешел на службу к англичанам. Затем его следы теряются. Интересно, что в 1964 г. его бывший шеф Н.Д. Стэнеску в итальянском журнале, в рекламе одной фармацевтической фирмы под названием “Др. Виктор Богомолец” разглядел на эмблеме фирмы подпись “доктор”, очень похожую на ту, которой подписывался его старый знакомый, что дало ему основание предположить, что фирма принадлежит Виктору Богомольцу [3. Р. 230]. Значит в конце концов он обосновался в Италии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский Государственный Военный Архив. Ф. 221 / К. Оп. 1.
2. Pokivailova T.A. Titulescu sub lupta serviciilor secrete // Magazin istoric. București. 1997. № 5.
3. Stănescu N.D. Întâmplări și oameni din Serviciul Secret. București, 2002.
4. Краткая история Румынии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987; История Румынии. Национальная история. М., 2005.
5. Советско-румынские отношения. Документы и материалы. М., 2000. Т. II. 1935–1941.

© 2006 г. А. Б. ЕДЕМСКИЙ

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ О ДИСКУССИЯХ
В СРЕДЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
ВОКРУГ “ДВИЖЕНИЯ ГЕНЕРАЛА А.А. ВЛАСОВА”
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОГО
ПРОТИВОСТОЯНИЯ 1946–1950 ГОДОВ

Формирование отношения на Западе к власовскому движению во время Второй мировой войны и в первые послевоенные годы, как со стороны антисоветской эмиграции (российской, послеоктябрьской) в контексте набиравшей силу конфронтации между советским блоком и Западом, так и западных (прежде всего американских) политических кругов, изучено явно недостаточно.

В мемуарной литературе участников событий можно почерпнуть лишь незначительные сведения. Оценки, весьма поверхностные и легковесные, явно не отражают остроты дискуссий тех лет [1. С. 162]. Они лишь запутывают ситуацию. Г. Авторханов, упоминая о дискуссиях среди меньшевиков, разделившихся на два лагеря, пишет, что “экстремисты (Аронсон, Сапиро) объявили власовцев коллаборационистами, предателями и фашистами”. Однако при этом указывалось, что “карой”, которую требовали “экстремисты”, должно быть “объявление бойкота власовцам, а также тем, кто с ними сотрудничает” [2. С. 670].

Тема связей с нацистами генерала А.А. Власова и его сторонников занимала весомое место на страницах демократической эмигрантской печати второй половины 1940-х годов. Уже в первом номере вышедшего в Париже под редакцией С.П. Мельгунова антибольшевистского неперIODического сборника “Свободное слово” в материале «Трагедия “власовцев”» указывалось: «Мы еще не предполагаем сейчас оценивать во всем объеме то небывалое еще в истории войн явление, которое могло развиваться только в условиях существующего в России большевистского режима, и на фронте было связано в истекшую войну с именем советского генерала Власова. Идею сторону этого явления нельзя элементарно определить грубым словом “измена” ... Ужас большевизма толкал население России навстречу немцам – до тех пор, пока эти наивные мечты не были грубо растоптаны “освободителями”». В статье указывалось: “У кого найдется моральная смелость заклеить поведение разнородной голодной массы русских военнопленных, перед которой открывались лишь две дороги: участие

в организованной немцами “Русской освободительной армии”, или побои, издевательства и смерть в концентрационных лагерях? Недостаточно ли напомнить о том, что из трех миллионов русских пленных в Германии, зарегистрированных на 1 мая 1942 г., остались в живых лишь полтора миллиона” [3. С. 19]

В эти годы те из участников власовского движения, которые не были выданы советским властям оккупационными силами государств Запада, сохраняли верность прежним идеям. Власовское движение продолжало жить и организационно, расширяя свою сеть в лагерях для перемещенных лиц в западных оккупационных зонах Германии. Созданный в 1944 г. по решению Комитета освобождения народов России (КОНР) Союз молодежи народов России в августе 1947 г. был реорганизован в Боевой союз молодежи народов России (БСМНР). В 1949 г. был создан Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР), издававший журнал “Борьба” и газету “Голос народа”. Бурную деятельность развил и Антикоммунистический центр освободительного движения народов России (АЦОДНР), намеревавшийся превратиться в общезарубежный орган объединения “власовских” организаций. В 1950 г. в Мюнхене был образован Комитет объединенных власовцев (КОВ). Отправными пунктами идеологической деятельности всех поствласовских организаций являлись идеи, изложенные в Манифесте КОНР 14 ноября 1944 г. [4].

Вопрос об отношении к Власову и власовцам был среди приоритетных, на которые требовалось ответить организациям антисоветских эмигрантов демократического лагеря. Они, провозглашая своей основной целью борьбу со сталинским режимом, так или иначе должны были выразить свое отношение к тем, кто попытался сделать то же самое при поддержке гитлеровцев. Демократам-эмигрантам, покинувшим Россию три десятилетия назад, были необходимы новые сторонники. Без притока новых членов им угрожало неизбежное старение. Власовцы, провозгласившие себя сторонниками идей Февральской революции 1917 г., были для этого самой подходящей базой. Все это сопрягалось и с задачей объединения сил эмиграции для борьбы с советским режимом, становившейся особо актуальной в связи с высокой вероятностью перерастания холодной войны в войну, по их мнению, западных демократий с тоталитарным СССР. Охватившая к тому времени почти всех лидеров антисоветской эмиграции идея необходимости объединения с тем, чтобы выступить перед демократическим Западом как вероятное новое правительство некоммунистической России, ставила для старой эмиграции “проблему власовцев” не только в теоретическую плоскость. В надвигавшемся конфликте важно было предсказать и реакцию населения СССР. Аналогии с недавним прошлым и неизбежные отличия предстоящей войны с Советским Союзом от войны нацистской Германии против сталинской России также были важны. Беспрецедентные в истории случаи отказа советских людей в 1941–1942 гг. защищать свою страну и сдачи в плен требовали пристального изучения.

Демократические организации российских эмигрантов на северо-американском континенте явно не спешили выразить свое отношение к власовцам без серьезного обсуждения. Наиболее весомым был голос политиков-меньшевиков. Переехав в США в конце 1930-х годов и обосновавшись преимущественно на восточном побережье (прежде всего в Нью-Йорке и его пригородах), будучи сравнительно мало (в отличие от соотечественников на европейском континенте) затронуты тяготами войны, они имели уникальную возможность продолжать системную теоретическую работу, следить за мировыми событиями. Их

выступления на страницах авторитетных русскоязычных печатных изданий (прежде всего “Социалистического Вестника”), со всей непримиримостью осуждавших сталинский режим, делали их своего рода властителями дум в эмигрантских кругах Америки и Европы, к их оценкам прислушивались и эксперты по Советскому Союзу, работавшие во внешнеполитических службах западных стран.

Именно из-под пера этих публицистов и политиков левого толка выходили первые статьи по истории власовского движения. Среди них были и те, кто симпатизировал власовцам, и те, кто их резко осуждал. Появились и стремившиеся найти золотую середину, учитывавшую как моральные, так и политические стороны этого явления, а также необходимость считаться с появлением участников власовского движения в Западной Европе в виде влиятельных политических движений и резерва для новых военных формирований.

Проблему цены победы при громадных, непропорциональных потерях сталинского СССР в сравнении с нацистской Германией, отношения режима к тем, кого призвали на защиту страны от гитлеровской агрессии, и, соответственно, поведения пленных красноармейцев одним из первых затронул Д.Ю. Далин [5. С. 226–231]. К теме власовцев и власовского движения время от времени обращались и постоянные авторы “Социалистического вестника” Г. Аронсон и Б. Двинов.

В первые месяцы 1949 г. руководство меньшевиков вместе с социалистами-революционерами приняло самое активное участие в организации в Нью-Йорке Лиги борьбы за народную свободу, задуманную с самого начала ее создания как широкий демократический фронт для борьбы со сталинизмом [1. С. 168–169]. Одним из препятствий для дальнейшего развития Лиги стало столкновение двух полярных позиций во взглядах на власовское движение, нашедших отражение в дискуссиях руководства “Заграничной Делегации РСДРП” в начале 1949 г. Весной оно обсудило проект тезисов “Об отношении к так называемому “власовскому движению”, пытаясь сделать его основой для внутреннего соглашения об отношении к новой эмиграции. Деликатность проблемы, в том числе наличие резолюции меньшевиков от 23 июня 1941 г. о поддержке СССР в войне с нацизмом (публикуется ниже), заставила воздержаться от вынесения полемики и ее итогов на публику. Как стало известно позднее, тезисы поддержали Р. Абрамович, Д. Далин, Б. Двинов, Ю. Деннике, Б. Николаевский и С. Шварц. Против них голосовали Г. Аронсон и Б. Сапир [6. С. 191].

Эти противоречия, уже не как внутрипартийные, а в виде позиций двух влиятельных общественных фигур, нашли отражение на страницах выходившего в Нью-Йорке “Нового журнала” в форме обмена открытыми письмами в редакцию. Основным критиком власовского движения в рядах меньшевистского руководства стал Г. Аронсон, который и направил в редакцию письмо с критикой взглядов Б. Николаевского, называя его апологетом власовцев. Непосредственным поводом для письма явилась публикация “Новым журналом” двух иностранных статей (общим объемом более семидесяти страниц) Б. Николаевского, озаглавленных “Пораженчество 1941–1945 годов и ген. А.А. Власов (Материалы для истории)” [7. 1948. № XVIII. С. 209–234; № XIX. С. 209–247]. В них автор изложил собранный им в результате недавней продолжительной поездки в Европу материал, в основе которого были документы и беседы с участниками событий.

Г. Аронсон, сам в это время готовивший книгу на ту же тему¹, обрушился с тяжелейшей критикой на Николаевского, обвинив его в торопливости: «...Всю работу Б.И. Николаевского пронизывает тенденция поспешить с исторической оценкой власовского движения в угоду практически-политическим целям. Явная тенденция во что бы то ни стало оправдать исторически и реабилитировать морально власовское движение, сложившееся и действовавшее под режимом Гитлера, – независимо от намерений автора превращает его “историю” в “служанку” даже не политических, а откровенных стратегических устремлений”. “В сущности, – считал Аронсон, – нет и возможности больше медлить с критикой позиции Б.И. Николаевского, которая ... представляется глубоко ошибочной и вредной с точки зрения интересов демократической русской эмиграции... Соображения общественного характера требуют, чтобы на страницах “Нового журнала” оценкам Б.И. Николаевского была противопоставлена, хотя бы в самой сжатой форме, другая точка зрения на власовское движение и особенно на вопрос о политической и моральной ответственности руководителей этого движения». Аронсон считал, что, “стремясь установить демократический характер политической идеологии власовского движения”, его оппонент приходит к обратным результатам и превосходно доказывает зависимость руководителей власовцев от нацизма – не только в их деятельности, но даже во всей их идеологии [7. 1949. № XXI. С. 272–273].

По мнению Аронсона, связав власовское движение с “пораженчеством” первых месяцев войны и распространяя его и на последующие годы, Николаевский упускает из виду, что “начало власовского движения совпало с одной из решающих переломных вех в настроении русских народных масс и Красной армии – со Сталинградом, – после которого о стихийном, массовом пораженчестве России и народов России говорить уже было невозможно”. Аронсон осудил и попытку Николаевского “конструировать концепцию о пораженчестве, якобы охватывавшем трехлетие или четырехлетие (1941–1945)”, назвав ее “неисторичной и неправильной”. По его мнению, не следует называть пораженчеством бегство тысяч и тысяч людей из областей, оккупированных армией Гитлера. “Видеть в этом бегстве, в той погоне за спасением, – акт пораженчества, – считал он, – является и натяжкой, и злоупотреблением словами. Таким путем всякого русского, который не принимал советского рая и бежал из него, можно автоматически зачислять в пораженцы!” Аронсон полагал, что Николаевский “был бы гораздо ближе к действительности, если бы отнес полосу массового пораженчества на 1941–1942 годы, после которых в результате соприкосновения с немцами народные массы в СССР выступили даже с риском укрепления сталинского режима, скрепя сердце, на защиту России от Гитлера” [7. 1949. № XXI. С. 273–274].

Особо остановился Аронсон на наиболее отвратительной, по его мнению, части идеологии власовского движения – отношении к еврейскому вопросу. Основанием для этого стали “многочисленные антисемитские заявления власовцев и самого Власова, которых рассеяно много повсюду”. Не уделяя этому в письме много внимания, он высказался безапелляционно: “Власовцы заявили немцам, что в случае их, немцев, вместе с власовцами, победы, в новой России никакого места евреям не будет. Евреи были загодя выданы с головой власовской позицией по еврейскому вопросу” [7. 1949. № XXI. С. 280].

¹ Несмотря на то, что Г. Аронсон неоднократно замечал, что он не является историком, а всего лишь публицистом, его небольшое исследование «“Парижский вестник” – прогитлеровский орган на русском языке (опыт характеристики)» [7. 1948. № XVIII. С. 330–341] свидетельствует о нем как серьезном авторе, для которого не существует никаких табу.

В конце своего послания Аронсон подвел итог: “Власовское движение, охватившее массы русских военнопленных в Германии, возбудившее у них надежду на освобождение России при помощи немцев, – не просто немцев, а немцев-нацистов, – было обречено на поражение и в случае победы Гитлера. Поэтому, как ни расценивать так называемое власовское движение политически, нужно признать, что руководители власовцев были только использованы гитлеровской военной машиной, не достигнув ни одной из тех задач, которые ставили перед собой...” “Смешно утверждать, – считал он, – что руководители власовцев в условиях, в которых они пытались действовать, могли быть демократами. Они могли, конечно, выступить с радикальной критикой большевизма, – это, разумеется, допускалось и поощрялось гитлеристами, – но они под Гитлером даже русскими патриотами никак не могли быть!”.

Вывод, к которому пришел Аронсон, приобрел политическую окраску: “...Вместо реабилитации политики Власова под Гитлером и принятия на себя ответственности за власовщину, русским демократам и социалистам в эмиграции было бы гораздо разумнее и правильнее убедить бывших власовцев распустить свои военные и полувоенные формации, ориентироваться наново в положении вещей и распределиться по разным общественным и политическим группировкам, – каждый по своей вере и своим тяготениям”. Досталось в итоге и оппоненту: “Когда такой выдающийся демократический и социалистический деятель, как Б.И. Николаевский, берет на себя непосильное бремя реабилитации того, что не поддается реабилитации, – заметил Аронсон, – он не только неизбежно запутывается, но и неизбежно вводит в заблуждение общественное мнение. Во имя ложных тактических задач историк оказывается в плену у политика, а политик превращается в ... адвоката дьявола” [7. 1949. № XXI. С. 281].

В том же номере журнала (редакция явно благоволила к Николаевскому, дав ему возможность прочесть письмо Аронсона до его публикации и подготовить свой материал) был помещен и “Ответ Г.Я. Аронсону”. В нем Николаевский обратил внимание на то, что две его статьи лишь положили начало “изучению пораженческого движения”. Он подчеркнул, что власовцы, “начиная со своих первых выступлений и до конца, определенно ставили знак равенства между своей “Национальной революцией” и революцией февральской. И чем легче становятся для них внешние цензурные условия, тем более четко они подчеркивают эту свою интерпретацию лозунга “Национальная революция”. В манифесте 14 ноября 1944 г. эта идея выдвинута на первый план” [7. 1949. № XXI. С. 288].

Прозвучавшие в письме Аронсона обвинения власовского движения в антисемитизме побудили Николаевского подтвердить свои оценки, опровергая суждения оппонента. Рассуждая о столь болезненной в послевоенные годы теме, он использовал понятие “активный антисемитизм”, полагая, что судить о теме, столь волнующей Аронсона, следует в историческом контексте тех лет. «Я меньше всего собираюсь отрицать его значение, – указывал Николаевский. – Но действительно считаю, что и к нему теперь необходимо подойти с тем же “беспристрастием летописца”, с которым полагается подходить ко всем событиями, ставшим достоянием истории» [7. 1949. № XXI. С. 289]. Он напомнил об обстановке тех лет, когда последние из гитлеровских сателлитов должны были принять нюрнбергские законы и начать депортацию евреев. “Гитлер становился все более и более непримиримым в этом вопросе”. Тем не менее, Николаевский считал существенным то, что власовцы по существу уклонились от ответа. Они не выступили в защиту евреев, что “одно было бы достойным ответом, – был вынужден признать он. – Но требовать от них такого ответа, конечно, значило бы требовать героического самопожертвования. Но в их заявлении не бы-

ло и прямой антисемитской декларации. Оно было двусмысленной средактированной попыткой уклониться от ответа, и понять все значение этой попытки можно только зная безудержность Гитлера в этих вопросах и все бесправное положение русских военнопленных в Германии» [7. 1949. № XXI. С. 289–290]. Он также указал, что «ни в одно программное заявление, выпущенное от имени Русского освободительного движения (РОД), не было введено ни о д н о й (здесь и далее разрядка Николаевского. – А.Е.) антисемитской ноты. Комитет РОД н и к о г д а не заявлял о принятии им нюрнбергских законов, никогда не высказывался за введение каких бы то ни было ограничений по национальному признаку». «В этих условиях, – подчеркивалось в статье, – каждый, кто обладает минимальным желанием быть объективным, должен признать, что никаких оснований для обвинения “власовского” движения в активном антисемитизме не имеется. Конечно, отдельные “власовцы” могли делать антисемитские выпады в Германии, когда вся атмосфера была насыщена этими ядовитыми парами, и нужно было обладать исключительно крепкой головой, чтобы не заразиться, их вдыхая. Но такого рода факты, если даже они будут установлены, не могут изменить существо вывода» [7. 1949. № XXI. С. 290].

Свое отношение к проблеме Николаевский попытался выразить кратко: «Не Власов и не “власовцы” создали в СССР пораженческие настроения, которые привели к массовым сдачам в плен миллионов и ко вступлению в немецкую армию сотен тысяч граждан СССР. Никакая агитация того сделать не могла, – за это отвечают только современные правители Советского Союза и прежде всего лично Сталин. Власов и те, кто был с ним, сделали попытку это стихийное пораженчество направить в русло пораженчества сознательного, преследующего определенные политические задачи». Для выполнения данных задач, по мнению Николаевского, и было создано Русское освободительное движение, ставшее “продолжением стихийной борьбы русского народа за демократические свободы против режима тоталитарной диктатуры» [7. 1949. № XXI. С. 290]. Не закрывая глаза на многочисленные “ошибки” и путанные идеологические схемы власовцев, Николаевский считал самым важным то, что «эти люди, находившиеся в невероятно трудных условиях и шедшие наощупь, без поводырей, все же нащупали в основном правильную цель, которую они определили как “возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года” ... Несмотря на 30 лет самого ужасного террора, который только знало человечество, – указывал автор, – воля к свободе живет в народах России, и это показывает, что эти народы ... будут жить».

Вслед за Аронсоном, Николаевский, отвлекшись от недавней истории, обратился и к тем политическим выводам, которые, по его мнению, следовало сделать политикам российской эмиграции – “демократам из старой эмиграции”. “Как это ни печально, – считал он, – но надо признать, что мы все – даже те, кто никогда не испытывал национально-патриотического просталинского угара, – утратили живое чутье российской действительности”, которое есть у новых эмигрантов из СССР [7. 1949. № XXI. С. 290–291].

В изданной вскоре в Нью-Йорке книге Аронсон воспользовался возможностью ответить Николаевскому, напоминая о страшных событиях Второй мировой войны. «...Пережитая нами эпоха всеми нами воспринималась как эпоха агрессии нацистской Германии, стремившейся к мировой гегемонии, – писал он. – В этой схватке не на жизнь, а на смерть между цивилизацией и варварством, демократией и нацизмом, мы не только не потерпели поражения, “наш мир” не только не шел от поражения к поражению, – как сейчас уверяет нас Николаевский, – напротив, одержал чудесную победу. Благодаря этой победе, которая

оказалась возможной в результате объединения усилий демократического Запада и диктаторски коммунистической России, вся Европа была спасена от нацизма, – спаслась и Россия от страшной участи попасть в лапы нации, куда ее тщились загнать русские сотрудники немцев: монархисты, солидаристы, власовцы, – как бы они себя не называли и по каким бы побуждениям они не действовали». Считая, что Николаевский изменил своим недавним взглядам, Аронсон писал, что не следует сожалеть “о победе, одержанной над монстром эпохи 1939–1945 гг., и странно слышать от вчерашнего западника, социалиста и демократа, да еще и историка, столь явное непонимание того, что произошло в мире в последнюю войну” [8. С. 53]. Автор иронично представил своего оппонента тем, кто “теряет свой демократический капитал и пытается утверждать под влиянием текущих обстоятельств, что главным врагом в войне 1939–1945 был не Гитлер, а Сталин” [8. С. 54].

Масло в огонь дискуссий подлило появление в конце 1949 г. в № 7–8 журнала “Борьба” составленного Дм. Капитан-Галкиным проекта “Идеологической доктрины освободительного движения”. Редакция направила этот выпуск в ряд редакций эмигрантских изданий (например “Социалистического вестника”), сопроводив письмом от руководства СБОНР с просьбой высказаться по поводу этого проекта. В разделе, посвященном истории освободительного движения, указывалось, что “...история послевоенных лет показала всю идейную правоту генерала Власова и его глубочайшую проникновенность в предвидении хода мировых событий”, а также, что “генерал Власов недооценил нацистский эгоизм Гитлера и переоценил дальнорочность демократических правительств англо-американских стран”. В документе указывалось, что “человечество должно оценить величие, высоту и трагизм власовской жертвы во имя воскрешения нашей национальной матери-России и освобождения человеческого рода от смертельной угрозы коммунизма” (цит. по [6. С. 191]).

Появившийся вслед за этим материал “По архивным следам (Гитлер о власовцах)”, напечатанный в двух последних номерах “Социалистического вестника” за 1949 г. и представлявший собой протокол совещания Гитлера с некоторыми генералами в Бергхофе 8 июня 1943 г., на котором обсуждались проблемы вовлечения русских военнопленных в борьбу рейха с Советским Союзом, стал еще одной вехой в обсуждении истории власовцев. Как считал Б. Двинов, написавший комментарий к протоколу, документ “не оставлял и тени сомнения в том, что Гитлер никогда ни на минуту не допускал и мысли о возможности создания русской национальной армии, и о частях шире батальона и слышать не хотел” [9. № 11. С. 220]. На основании этого документа Двинов сделал вывод о том, что «вся эта “акция” была с самого начала жестокой и трагической ошибкой. Но ведь и с военной точки зрения напрасное пролитие крови является жестокой бессмыслицей... В течение двух лет, с момента основания, – указывалось в комментарии к документу, – именем РНД (Российское национальное движение. – А.Е.) и Власова немецкое командование пользовалось как наживкой для привлечения советских перебежчиков. Они давали последним любые лживые обещания, ни на минуту не собираясь их выполнять, что Власову на основании горького опыта должно было быть хорошо известно. Русские отряды соединяли в роты и батальоны, использовали как полицейские силы против “банд”, т.е. партизанов, – на востоке и на западе, на охране коммуникационных линий и просто как рабочих. Во всем этом для Гитлера был немалый смысл. Но в чем заключался реальный национально-русский смысл этой “акции”? На это до сих пор никто еще не дал ответа. И это не случайно, ибо все движение было

по меньшей мере глубоко трагической ошибкой, а не обоснованным актом продуманной национальной политики» [9. № 12. С. 220].

В появившейся вслед за этим книге Б. Двинова «Власовское движение в свете документов» его история была освещена не менее основательно, чем в двух упомянутых статьях Николаевского. Во введении к книге, написанном 1 сентября 1950 г., позиция автора выражалась определенно: «...Никак невозможно допустить признания всего «власовского движения» в целом как «движения демократического». *Никакое и ничье движение при Гитлере не может претендовать на демократизм.* Тот, кто допускает эту возможность, должен будет допустить возможность демократии и при Сталине» [10. С. 8]. Не был согласен Двинов и с утверждениями о наличии у власовского движения цельной идеологии, «...ибо зачато оно было Геббельсом, а возвращено под «шефским» крылом Гимлера» [10. С. 68].

Оценивая движение в целом, Двинов, тем не менее, отделял рядовых членов движения от его лидеров. Для первых «в тех нечеловеческих условиях, в которых они находились в лагерях, это был единственный путь спасения живота своего. Этим людям трудно судить, но здесь никакой «идеологии» искать не приходится». Во то время как те, «кто были «идеологами» этого движения», ибо «несут за него ответственность и политическую, и моральную, и, претендуя на руководство народным движением, они обязаны были иметь ... идеологию этого движения». Двинов считал, что «никакой хоть сколько-нибудь ясной и цельной идеологии у этого «движения» не было, да и не могло быть, а уж демократизма этого «движения» и подавно не сыскать. Сотрудничая так тесно с Гитлером и целиком от него завися, РОД могло иметь разве только одну идеологию – нацистскую, ибо другая разрешена не была.... На деле был конгломерат людей всех цветов политической радуги, объединенных ненавистью к Сталину и его режиму и стремившихся путем самого широкого «приспособленчества» добиться влияния и власти. Была азартная игра, в основе которой лежал – с обеих сторон – обман и притворство. Но в этой игре краплеными картами выигрывал все-таки Гитлер, как неизмеримо более сильный. Власов же и иже с ним, связавшись со стаей Геббельса–Гимлера, уже не могли освободиться из их когтей». Книга лишь фундаментально подтвердила вывод, сделанный Двиновым несколько ранее в комментарии на страницах «Социалистического вестника»: *«От начала до конца это было ничем иным, как безответственной и неумной авантюрой, с одной стороны, и хорошо продуманным пропагандистским трюком – с другой.* К тому же, «трюкачи» были вооружены всей технической и материальной силой, а авантюристы – голыми руками при пустом желудке. Результат был предreshен» [10. С. 69].

Книги Аронсона и Двинова не прошли незамеченными среди эмигрантов. К примеру, брошюра Аронсона подверглась жесткой критике в выходившем в Париже журнале «Возрождение», его постоянный корреспондент в США В. Литвинский дал ей весьма нелюбезную оценку. Он считал, что Г. Аронсон повторяет неоднократно высказанные им взгляды. «Даже чисто технически эта книжка, – отмечал В. Литвинский, – на три четверти является сборником статей, ранее опубликованных автором в «Новом русском слове», «Новом журнале» и «Социалистическом вестнике». Свои познания о власовском движении, – считал Литвинский, – Г. Аронсон почерпнул из одной–двух бесед с бывшими власовцами, из изучения комплекта «Парижского вестника» времен последней войны и из рукописи неизвестного автора, попавшей к нему в руки». В итоге брошюра «содержит очень немного информации о власовцах, наполнена, главным образом, изложением взглядов Г. Аронсона на всю проблему российского

пораженчества в последнюю войну вообще и на власовское движение в частности”. Литвинский назвал “эти взгляды типичными для определенной группы русских меньшевиков”. Они “имели широкое распространение в годы войны и сразу после нее среди тех антифашистских кругов, которые не были способны понять причины органического пораженчества, охватившего русский народ в 1941–1942 гг.” Литвинский полагал, что прямой целью автора было стремление «поднять еще раз вопрос о “сомнительной демократичности” власовцев и еще раз поддержать мнение, что власовцы не должны быть допущены в прогрессивные организации российского зарубежья иначе, как “в индивидуальном порядке”, после тщательной проверки их прошлого, степени их “колаборантства” с гитлеровским режимом “подлинно демократическими элементами” – читай российскими социалистами» [11. С. 181].

Не обошел Литвинский вниманием и тему антисемитизма, на которой настаивал автор книги. “Г. Аронсон упорно повторяет небывлицы по поводу антисемитской направленности власовского движения, по поводу участия власовцев в истреблении евреев”, – указывал он. Впрочем, рецензент не осуждал его за эти утверждения: можно согласиться с точкой зрения автора, писал он, что “не может быть такого демократического движения, которое было бы явно или тайно окрашено антисемитизмом”. Можно согласиться с правом автора реагировать на антисемитизм “с особенной эмоциональной остротой”, – основания для этого имеются. «Тем не менее, – указал Литвинский, – трудно понять стремление Г. Аронсона во что бы то ни стало окрасить власовское движение в антисемитские тона, и трудно примирить обостренную эмоциональность с исканием “правды о власовцах”». Вслед за Б. Николаевским, Литвинский писал: «Даже если допустить присутствие антисемитских воззрений во взглядах и высказываниях отдельных власовцев, – совершенно невозможно утверждать, что эти взгляды и воззрения как-то “окрашивали” движение, ибо ни в программе, ни в действиях этого движения вопросы антисемитизма не стояли ни на первом, ни на десятом плане. Следовательно, делать какие-то выводы о характере “власовщины” на основании десятка фраз, извлеченных из десятка разных газет, значит проявлять совершенно непростительную близорукость, неспособность разглядеть суть дела и обнаружить полнейшее отсутствие чувства меры, чувства солидарности значения тех или иных событий» [11. С. 181].

Оценивая книгу, Литвинский сделал особый акцент на том, что «взгляды, подобные взглядам Г. Аронсона, уже не разделяются некоторыми видными меньшевиками, способными глубже понимать обстановку сегодняшнего дня и задачи антибольшевистской борьбы. Результатом этого явился раскол в среде их нью-йоркской организации, и раскол именно по вопросу об отношении к власовцам. И “Правда о власовцах” Г. Аронсона, – делал вывод В. Литвинский, – является так же оружием, направленным против недавних единомышленников и товарищей по партии, занявших более примирительную позицию в этом вопросе» [11. С. 181].

Начало 1950 г. знаменовало обращение, с одной стороны, к идеям Власова, а с другой – старейшей представительницы российской демократии в эмиграции Е.Д. Кусковой. В одной из статей в выходящем в Нью-Йорке “Новом русском слове” она с не по годам молодым задором высказывала уважение к Власову за решительность и определенность в провозглашении целей возглавлявшегося им движения. Кускова также выражала ему признательность за возвращение к идеям Февральской революции, осуждая, при этом, его методы. “И если бы он не пошел порочным путем спасения России руками и армиями величайшего преступника перед человечеством, – писала она, – Пражский манифест мог бы

стать знаменательной датой поворота русской эмиграции к утраченному в октябре 1917 г. пути” [12].

Попытку “примирить” сторонников и противников “власовского движения”, найти “золотую середину” между этими двумя линиями предпринял наиболее влиятельный из лидеров меньшевиков редактор “Социалистического вестника” Р.А. Абрамович. Ставя акцент на внутренней трагедии рядовых власовцев, он считал, что «подлинный трагизм заключался не в судьбе отдельных вождей, а в глубоко ошибочной, исторически порочной идее самого движения, – в представлении, что путем сотрудничества нескольких десятков тысяч русских военнопленных с гигантской мощью Гитлера можно будет не только разбить диктатуру Сталина, но и обеспечить победу демократии в “освобожденной” Гитлером России». Абрамович еще раз напомнил, что “движение это было обречено на гибель в обоих случаях: и в случае поражения гитлеровских армий, и в случае их победы”. Данный вывод он делал исходя из прежде секретных материалов гитлеровцев, опубликованных в “Социалистическом вестнике” и книге Б. Двинова. Они, считал старейший лидер социал-демократов, “лучше всего доказывают ...обреченность и безысходность” власовского движения, ибо “Гитлер отлично понимал мотивы, руководившие Власовым и его единомышленниками при их сотрудничестве с ним, но ни в малейшей степени не собирался идти им навстречу, т.е. позволить им разрастись в силу, которая могла бы проявить самостоятельность, или оказать противодействие той политике систематического истребления и уничтожения русского народа, которую Гитлер ... себе ставил” [6. С. 191]. По мнению Абрамовича, именно ставшие ныне доступными секретные документы побуждают к «необходимости ретроспективного пересмотра тех предпосылок, на которых было построено власовское движение в 1942–1944 гг., а, следовательно, и ревизии их старых представлений о “нумерации врагов”». В то же время, в очередной раз демонстрируя традиционный для него взвешенный подход, старейший лидер меньшевиков считал, что “те же документы ... давали основания для ревизии некоторых положений, которые были приняты в среде противников власовского движения”. В частности, по его мнению, “из опубликованных Двиновым документов с несомненной очевидностью вытекает, что значительная часть тех масс, которые присоединились сначала к пораженческому, а потом к власовскому движению, и в силу создавшегося политического тупика – необходимости выбирать между двумя тоталитарными диктатурами пошли на сотрудничество с Гитлером, – в душе, однако, ничего общего с гитлеризмом или нацизмом не имели и вынуждены были вечно искать компромисса со своей собственной совестью, чтобы продолжить это сотрудничество” [6. С. 191].

Р.А. Абрамович также указал на необходимость прекращения дискуссии о власовцах. “Думается, – писал он, – что постоянным возвращением к старым спорам, да еще в заостренно полемической форме, мы не только не выигрываем в убедительности, а лишь вносим взаимное озлобление и раздор. Этого не надо было бы опасаться, если бы мы с самого начала объявили всех без исключения участников власовского движения под морально-политическим бойкотом, и отказались бы от всякого сотрудничества даже с демократической частью их, поскольку они публично не отреклись от своего прошлого. Но мы на эту точку зрения не встали” [6. С. 192].

Опубликованные вслед за этим тезисы о власовцах, по словам Абрамовича, были приняты в конце 1949 г. как тезисы Заграничного бюро РСДРП в надежде прекратить полемику в рядах демократических сил. По всей вероятности, лидер меньшевиков был настолько озабочен опасностью ее эскалации, что пошел на

публикацию документа без его предварительной вычитки, тем самым поставив лишь больше знаков вопроса для внимательных читателей. Если из статьи, предварившей публикацию “тезисов” в октябрьском номере журнала “Социалистический вестник”, можно было узнать, что текст отражает позицию партийного руководства, то из самого текста тезисов (в частности из пункта 8) можно было предположить, что готовились они в редакции журнала как проект, выражающий отношение самой редакции, и были представлены на обсуждение руководства так называемой Заграничной делегации РСДРП в Нью-Йорке. Острота же кризиса 1950 г. в рядах демократической эмиграции и редакционная спешка привели к тому, что материал был опубликован без правки как “тезисы заграничной делегации РСДРП” (см. ниже). Тем не менее они явились весомым вкладом в определение отношения к власовцам всей эмиграции демократического толка.

Острой была реакция на публикацию тезисов редакцией журнала “Часовой” – выходящего в Брюсселе органа “Российского народного движения”. В заметке “Лицемерное откровение” давалась характеристика и книги Б. Двинова, и причин, побудивших Р. Абрамовича к публикации тезисов. Относительно книги Двинова подчеркивалось, что “со свойственной этому публицисту доктринерской самоуверенностью поносится движение как антидемократическое и пронацистское, а потому и морально, и политически порочное”. “Часовой”, демонстрируя хорошее знание ситуации в политических кругах российской эмиграции в США, привлек внимание к тому факту, что Бюро Совета “Лиги борьбы за народную свободу” уже поспешило откеститься от выступления своего единомышленника, заявив публично, что книга Б. Двинова “наносит удар объединению сил в демократическом лагере” и что автор с мая этого года не принимает участие в деятельности Лиги. Весьма недвусмысленная характеристика была дана и тезисам, опубликованным Абрамовичем, «Составленные по обычному рецепту – с одной стороны нельзя не признаться, с другой нельзя не согласиться», – указывал автор заметки, – эти вещания меньшевистского ареопага резко порицают власовское движение, но выдают политические индальгенции тем из его участников, которые “искренне стремятся к демократии” с тем, однако, непременным условием, чтобы они решительно порвали “с вождистскими, фашистскими и реакционно-монархическими кругами старой и новой эмиграции”. После столь определенной характеристики в заметке указывалось: «Совершенно, однако, очевидно, что разница между официальной позицией меньшевиков и позицией Б. Двинова не принципиальная, а лишь тактическая, Б. Двинов подобно пушкинскому гусару “крошит с плеча, во что уж не попало”, тогда как Р.А[брамович] и Лига готовы кающихся власовцев простить и помиловать, если они пойдут под их полинявшие знамена». С позиций реальной политики “Часовой” делал следующий вывод: «Уцелевшие остатки “революционной демократии” 1917 г. не могут не понимать, что они сейчас находятся в положении “генералов без армии”, и потому весьма озабочены тем, чтобы уловить в свои сети возможно больше самых активных, патриотичных и готовых на жертву людей, которых среди власовцев, как мы знаем, особенно много» [13. С. 20].

В то же самое время, когда Абрамович решил опубликовать Тезисы Заграничного бюро РСДРП, к определенной точке зрения на власовское движение в годы Второй мировой войны пришла и американская дипломатия. Американцы не менее активно занимались изучением этой проблемы. Из текста телеграммы Государственного секретаря Д. Ачесона видно, что американские эксперты из разных сфер (от университетской до военной) обращались к изуче-

нию власовского движения неоднократно. Она также позволяет утверждать, что по источникам, на которые ссылались авторы, ее подготовившие, официальные власти США составили представление о Власове и его движении на основании исключительно американских материалов. В основу оценок были положены две статьи американского исследователя Г. Фишера в журнале "Russian Review" в 1949 г. [14]. Их автор, сын американского корреспондента в Москве в начале 1930-х годов Л. Фишера, некогда комсомолец одной из центральных московских школ, впоследствии переводчик на базе ВВС США в Полтаве в конце Второй мировой войны и офицер связи американской оккупационной администрации в Германии, был в то время наиболее авторитетным экспертом по данному вопросу. Являясь одним из авторов и координаторов ставшего впоследствии классическим образцом полевого социологического исследования (опроса беженцев и перебежчиков из Советского Союза) под названием "Гарвардский проект", он в то время был аспирантом Гарвардского университета и готовил диссертацию (была защищена и опубликована в 1952 г.) на тему сопротивления советских людей сталинскому режиму. Среди других источников телеграммы Госсекретаря США были и рабочие документы американского министерства обороны (доклад "Русские антикоммунистические силы в Германской войне") и "Обзор деятельности русских эмигрантов в американской оккупационной зоне Германии в первые три месяца 1950 г." одного из подразделений Госдепартамента США в Германии.

В телеграмме от 14 августа 1950 г. Госсекретаря Д. Ачесона во Франкфурт-на-Майне была выражена позиция официального Вашингтона на историю взаимоотношений генерала Власова с нацистским режимом, ставшая установочной для американских дипломатов в Германии.

Госсекретарь весьма сдержанно дал краткую информацию о Власове, назвав депешу "Основные факты относительно первых контактов генерала с гитлеровским режимом". В телеграмме указывалось, что «Власов впервые идентифицируется с организацией, поддерживавшейся нацистами в декабре 1942 г., когда в соответствии с его официальной немецкой биографией он стал главой Российского Комитета, который руководил Русским освободительным движением. Политическая программа власовского движения, получившая название "Смоленской программы", в это время была сформулирована в 13-ти пунктах и привлекает к себе внимание тем, что она не выражала цели нацистов в СССР».

В телеграмме указывалось, что «немцы не имели намерений принять условия Власова и отказались делать больше, чем использовать его имя. Весной 1943 г. "Восточные легионы" рейхсвера, состоявшие в основном из советских граждан – представителей национальных меньшинств, рекрутированных среди пленных, время от времени упоминались как "власовские войска". На самом деле до завершающих стадий войны под непосредственным командованием Власова не было частей». В документе также отмечалось, что эффективность использования имени Власова в целях пропаганды для привлечения советских пленных снижалась по мере того, как становилось очевидно, что он не имел влияния на окончательную расстановку новых воинских частей.

С самого начала оказалось, что "Смоленская программа" Власова была весьма привлекательна для использования среди пленных и для поощрения перебежчиков из советских войск. Это следовало из тех мер, "которые Кремль начал предпринимать для борьбы с власовским движением. Но вскоре стало ясно, что нацисты не намерены разрешить существование независимых военных частей России. Публичное обсуждение власовского движения и его программы в

Германии запрещалось, не разрешалось также распространять эту программу на оккупированной территории Советского Союза”.

Вышеперечисленные события составители телеграммы выделили как первый период карьеры Власова в Германии, завершив его январем 1944 г., когда Гитлер, «одержимый идеей превращения оккупированных территорий Советского Союза в колонии, распорядился не оказывать поддержки “Смоленской программе”, а Власов был посажен под домашний арест в пригороде Берлина».

«Осенью 1944 г. в результате высадки союзных сил во Франции и продолжавшегося провала на Восточном фронте, высшие нацистские чины изменили отношение к Власову. Гиммлер был лично заинтересован в реабилитации Власова, – указывалось в телеграмме. – В ноябре под руководством Власова был сформирован Комитет освобождения народов России, состоящий из представителей различных советских национальностей. 14 ноября в Праге был опубликован Манифест Комитета. Пражский Манифест был более детальным и делал более серьезный акцент на “демократических” чаяниях, чем даже “Смоленская программа”. Власову было разрешено создать две дивизии, хотя реально только одна из них приняла участие в военных действиях, хорошо зарекомендовав себя в боях на Одере. Однако, в конечном итоге, дивизия перешла на другую сторону и, перед тем как исчезнуть после Дня Победы, помогла освободить Прагу от немцев. Власов с частью штаба оказался в Баварии, на территории, контролируемой американскими силами, и был передан советским властям. Он был повешен как предатель в Москве в августе 1946 г.» [15].

В заключение я решил опубликовать два упоминаемых в статье документа в связи с их ограниченной доступностью для российских исследователей, с одной стороны, и несомненной значимости для интересующихся проблемой российской эмиграции – с другой.

Из резолюции Заграничной Делегации Российской Социал-демократической Рабочей Партии. 23 июня 1941 г. [10. С. 10]

Гитлеровская агрессия против СССР несет народным массам нашей страны новые лишения и страдания, новые формы экономического, социального и национального гнета, опасность расчленения страны и превращения ее в колонию Третьего Рейха.

В этих условиях наша партия, вот уже больше 20-ти лет стоящая в непримиримой оппозиции к царящей в России террористической диктатуре компартии и ни на минуту не изменяющая своего отношения к сталинскому режиму, становится на почву защиты нашей страны от гитлеровского нападения, подчиняя борьбу за ликвидацию сталинской деспотии верховным интересам войны против мирового фашизма, этого злейшего и опаснейшего врага человеческой цивилизации.

Тезисы Загр[аничной] делегации РСДРП [6. С. 193–194]

Об отношении к так называемому “Власовскому движению” (проект)

1) Ответственность за небывалое в истории России стихийное поражение, которое выявилось в первый период войны, лежит на советском правительстве. Режим беспощадного террора и бессудных массовых казней; принудительная коллективизация, варварскими методами проведенная и только жестоким насилием поддерживаемая; каторжный труд для рабочих и система-

тические гонения против интеллигенции – все это создало в широких слоях народов России настроения готовности пойти на все, лишь бы сбросить с себя, в ходе войны, ярмо ненавистной власти.

2) Отрезанные в течение четверти века от всякой связи с внешним миром, систематически отравляемые лживой советской пропагандой, не имея правильного представления о борющихся на мировой арене силах, советские люди ухватились за губительную иллюзию возможности освободить себя от ига большевиков при помощи армий Гитлера, которые на деле несли порабощение и смерть народам России.

3) Миллионы советских военнопленных были, в отличие от военнопленных всех других стран, сознательно покинуты своим правительством на произвол бесчеловечного врага. Они сотнями тысяч умирали от голода и дурного обращения и, в состоянии безвыходности и отчаяния, шли на службу к немцам, которые использовали как их беззащитное положение, так и накипевшую в них ненависть к советскому правительству.

4) Таков был общий фон пораженческого движения, которое охватило громадные массы советских людей, весьма разнородных по своим политическим настроениям, начиная от лиц, впитавших в себя весь аморализм и всю беспринципность советского воспитания, и кончая людьми, в которых ненависть к большевистскому режиму породила глубокую тягу к свободе.

5) В этой большой пораженческой стихии движение, возглавленное генералом Власовым, занимало особое место. Возникшее только в конце 1942 года, оно тем не менее в глазах всего мира окрасило пораженчество в целом. Слово “власовец” стало собирательным именем для всех, кто, как после возникновения власовского движения, так и до его зарождения, по различным мотивам сотрудничал с армиями Гитлера. Это обстоятельство чрезвычайно затрудняет объективный анализ власовского движения в узком значении этого слова, ибо во многих свидетельских показаниях власовцев в точном смысле смешивают с другими группами и лицами, которые сотрудничали с Гитлером, разделяя нацистские настроения, и совершили при этом немало кровавых преступлений.

6) Собственно власовцы, используя разногласия в среде немецких верхов, пытались бороться против розенберговских планов колонизации СССР, отстаивали идею свободного российского государства, опирающегося на собственную армию, и выдвигали ряд демократических требований. Но все их планы были построены на внутренне порочной основе. Находясь в полной материальной зависимости от Гитлера, подчиненные контролю его полицейского и партийного аппарата, власовцы с самого начала были обречены не только на поражение, но и на постоянные компромиссы со своей совестью, не имея возможности ни предотвратить использование их имени для целей нацистской пропаганды, ни очистить свои ряды от прилипших к ним или навязанных им немцами темных элементов. Таким образом, оформившиеся в период, когда в оккупированных областях Гитлер уже показал свой звериный лик и в русских народных массах начался уже переход от пораженчества к обороне, движение это, чем дальше, тем больше, приходило в противоречие не только со стремлениями западных демократий, но и с настроениями народных масс самого СССР.

7) Подводя итоги всем новым данным, которые обнаружены за последние годы, редакция единодушна в общей оценке недавнего прошлого. Как бы отрицательно ни было наше отношение к большевистской диктатуре, в войне в 1939–1945 годов все демократы обязаны были быть в антигитлеровском лагере. Пораженчество и в России было движением глубоко ошибочным. Особые условия со-

ветской действительности, полная оторванность масс от внешнего мира и страшный гнет, под которым эти массы жили, объясняют, почему эта ошибка была совершена, но ни в коем случае не оправдывают сотрудничество с Гитлером.

8) Но для редакции теперь больше, чем когда-либо раньше, ясно, что среди громадной массы советских граждан, представителей всех народностей России, которые за годы войны формально находились в гитлеровском лагере, огромное большинство внутренне с Гитлером ничего общего не имело.

9) Именно с этим критерием мы подходим к власовскому движению в узком значении этого слова. Многие из них, находясь в полной власти гитлеровцев, тем не менее не запятнали себя участием в насилиях и зверствах, творившихся последними. Несмотря на сильное немецкое давление, они в своих официальных документах, если не всегда могли оставаться свободными от нацистских примесей в общей политической идеологии, то, во всяком случае, сумели отстоять ряд демократических требований для внутреннего устройства России.

10) Все это заставляет думать, что их сотрудничество с Гитлером было результатом не свободного влечения, а того трагического положения безвыходности, в котором они очутились; к этим людям, поэтому, нельзя подходить с той же меркой, что к тем, которые сотрудничали с Гитлером сознательно и при свободе выбора.

11) С теми из них, которые не запятнали себя в прошлом участием в гитлеровской пропаганде или насилиях и которые искренно стремятся к демократии, демократическая эмиграция должна будет установить сотрудничество, которое будет становиться тем действеннее, чем решительнее они порвут с “вождистскими”, фашистскими и реакционно-монархическими кругами старой и новой эмиграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции. М., 2001. Т. III. Россия в Америке.
2. Авторханов А.Г. О себе и времени. Мемуары. М., 2003.
3. Свободное слово. Париж, 1946. Сборник первый (4).
4. Приложение № 4. Краткий исторический обзор деятельности политических организаций второй волны эмиграции // Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.
5. Далин Д.Ю. Как Россия оборонялась // Новый журнал. 1946. Т. XIV.
6. Р.А[брамович]. К вопросу о “власовском движении” // Социалистический вестник. 1950. № 10. Октябрь.
7. Новый журнал. Нью-Йорк.
8. Аронсон Г. Правда о власовцах. Проблемы новой эмиграции. Нью-Йорк, 1949.
9. Б.Д[винов]. По архивным следам (Гитлер о власовцах) // Социалистический вестник. 1949. № 11, 12.
10. Двинов Б. Власовское движение в свете документов (С приложением секретных документов). Нью-Йорк, 1950.
11. Литвинский В. Правда о власовцах // Возрождение. Париж, 1949. Т. 5. Сентябрь–октябрь.
12. Кускова Ек. О русских почему? // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1950. 28 I.
13. О книге Б. Двинова // Часовой. Брюссель. 1950. № 303. 1950. Декабрь.
14. Fisher G. The New Soviet Emigration // The Russian Review. 1949. January; Fisher G. General Vlasov's Official Biography // The Russian Review. 1949. October.
15. National Archives & Records Administration (Washington D.C). RG 59. Box 3823. Dept. of State. Decimile File 1950–1954. Outgoing Airgram from Department of State (Acheson) – to NICOG / Frankfurt, Germany. A-442. August 14, 1950. 761.551 / 8–950.

© 2006 г. *Н. А. АЛЕКСЕЕВ*

ГАЛЬКОВСКИЙ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

Отечественная славистика к началу XX в. достигла значительных высот и общемирового признания. Но ее поступательное развитие было прервано событиями 1917 г. В период 1917–1930 г. представители этой области гуманитарной науки столкнулись с проблемами, ранее никогда не встречавшимися ни в истории отечественной науки, ни в обыденной жизни ученых, которые не только не могли вести столь же активную научную жизнь как ранее, но и должны были просто выживать (подробнее об этом см. [1]). Не удивительно, что судьба многих представителей отечественной славистики в этот период не всегда хорошо известна. Это относится и к Н.М. Гальковскому. Он известен современным исследователям прежде всего как собиратель и публикатор древнерусских “Слов” и поучений, направленных против язычества. Его двухтомник “Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси” [2], вышедший в начале XX в., и по сей день остается единственным наиболее полным сводом текстов этих памятников. Не так давно вышло его репринтное переиздание [3]. Но, к сожалению, в отличие от других репринтов оно не содержало никакой информации ни о самом авторе, ни о других его работах. Нет о нем достаточной информации и в энциклопедических изданиях. Данное сообщение – попытка заполнить этот пробел.

Николай Михайлович Гальковский родился в 1868 г. в с. Лучеса Ельнинского уезда Смоленской губернии. Работал директором мужской гимназии в г. Белополье Харьковской губернии. К сожалению, других биографических данных о нем обнаружить пока не удалось, но зато удалось найти некоторые его работы.

Свою научную деятельность Н.М. Гальковский начал как исследователь сербского народного эпоса, а также как автор многочисленных стихотворных переводов.

В 1895 г. Гальковский защитил в Московской Духовной академии кандидатскую диссертацию “Религиозно-нравственное мирозерцание сербского народа по памятникам народных творений” [4. Д. 6]. Отзыв на диссертацию, написанный профессором Г. Воскресенским [4. Д. 7], публикуется в качестве приложения к данному сообщению. Воскресенский, отметив ряд упущений и недоработок автора, признал сочинение Гальковского удовлетворительным для получения кандидатской степени.

В 1897 г. в г. Сумы увидела свет работа Гальковского “Сербский народный эпос”. Основную ее часть составили переводы на русский язык сербских эпиче-

ских песен, в основном из собрания В.С. Караджича [5], а частью из песен, записанных А.Ф. Гильфердингом [6]. Всего в работу вошло 59 песен. Они были распределены по четырем разделам: мифические (12), косовские (13), о Марке Королевиче (Кралевице) (28) и песни позднейшие (6). Перевод предваряет исторический очерк – “Исторические основы сербского эпоса” – охватывающий период от поселения сербов на Балканах до гибели Сербского царства и, частично, последующее время. Главным образом Гальковский останавливается на событиях и характерах, легших в основу песен: Косовская битва, боярская рознь, личность Марка Королевича и т.д. Выбор песен обусловлен желанием восполнить недостаток на тот момент переводов сербских эпических песен на русский язык.

Эта работа Гальковского в 1901 г. была удостоена Пушкинской премии. В рецензии, написанной П.А. Ровинским [7], она в целом получила положительную оценку. Хотя был отмечен и ряд недочетов, касавшихся владения автором сербским языком и его знакомства с бытом сербского народа. Последнее, как отметил рецензент, было характерно для многих переводчиков.

Однако это не помешало переизданию “Сербского народного эпоса” в 1916 г. с некоторыми дополнениями. Было изменено название первой главы, добавлено семь песен. Впоследствии переводы Н.М. Гальковского неоднократно переиздавались в различных хрестоматиях и сборниках (см. [8]). Во вступительной статье Н.И. Кравцова к одному из сборников они получили высокую оценку: “Не лишены серьезных, с нашей точки зрения, недостатков, переводы Н.М. Гальковского (удостоенные в свое время Пушкинской премии) и по сию пору являются одним из крупных памятников в истории нашей литературы” [9. С. 8–9]. Стоит также отметить, что Н.М. Гальковский был не только автором стихотворных переводов, но и сам писал стихи, сборник которых увидел свет в 1909 г. [10], и прозаических произведений [11].

Н.М. Гальковскому принадлежит также серия статей в воронежских “Филологических записках”, опубликованных в период с 1897 по 1904 г. Первая статья – “Лирические песни сербского народа” – увидела свет в 1897 г. [12]. Вышла она до или после “Сербского народного эпоса” неизвестно.

Последующие статьи – “Мифологический элемент в сербской народной поэзии” [13] и “Мифологический элемент в сербской народной поэзии II. Среча и Усуд” [14] – представляют собой публикацию, с некоторыми дополнениями, двух очерков из кандидатской диссертации Гальковского. Он обращается к рассмотрению мифологических персонажей в сербской народной поэзии. Как отмечает Н.М. Гальковский, сербская народная словесность носит явные следы язычества. Автор обращает внимание на такие персонажи, как вилы, Среча и Усуд. Но он не ограничивается лишь указанием на мифологический элемент, а пытается “выяснить эти верования, указать на их истинный смысл, а также наметить тот путь, по которому шло их развитие” [13. С. 2], кратко излагая точки зрения наиболее авторитетных, по его мнению, исследователей. О вилах часто упоминается в женских и юношеских сербских песнях, которые и привлечены Н.М. Гальковским. На основании анализа ряда сербских песен и ссылаясь на А.Н. Афанасьева и А.Н. Веселовского, Н.М. Гальковский приходит к выводу, что удовлетворительное решение вопроса о значении вил в народной сербской литературе для его времени едва ли возможно. Н.М. Гальковский не решает отдать предпочтение ни взгляду Афанасьева, согласно которому вилы – олицетворение молний, подательницы живой влаги, ни взгляду Веселовского, ставив-

шого верование в вил в связь с культом мертвых. При этом он отмечает: “Навряд ли подлежит сомнению, что русалки и вилы одно и то же” [13. С. 19].

Рассматривая таких персонажей, как Среча и Усуд, Н.М. Гальковский заключает: “Усуд, заведующий судьбой человека, очевидно, унаследован от язычества. Когда же народ принял христианство, то над Усудом оказался христианский Бог” [14. С. 30]. Среча, по мнению Н.М. Гальковского, олицетворяет счастье, счастливую судьбу, в отличие от несречи–несчастья.

Статья “Очерки сербской народной литературы. Загробное воздаяние” [15] также написана на основании очерка из диссертации. Н.М. Гальковский рассматривает эсхатологические воззрения сербского народа. По его мнению, все, что имеется в народной словестности славянства по вопросу о загробной жизни, – “сложилось в исторический период жизни славянства и при том с явными и несомненными следами книжного влияния” [15. С. 12]. Так, согласно ему, сербская песня “Огневая Мария в аду” носит явные следы апокрифа “Хождение Богородицы по мукам” [15. С. 15].

Кроме исследований сербской народной поэзии и литературы, Гальковский также обращался к изучению художественной литературы Нового времени, что нашло отражение в статьях, посвященных Некрасову и Горькому [16]. Одна из статей Гальковского посвящена анализу отражения личности и деятельности Петра Великого в отечественной литературе и народной поэзии [17]. В поле зрения Гальковского попал и наказной гетман Полуботок [18].

Наиболее важной научной работой Гальковского по-прежнему остается двухтомник “Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси”. Он публиковался непоследовательно. В 1913 г. в Москве вышел в свет второй том – “Древние слова и поучения, направленные против язычества в народе”. На протяжении 1915 г. в харьковском богословско-философском журнале “Вера и Разум” публиковался первый том [19]. Отдельной книгой он был издан там же в 1916 г. Второй том содержит непосредственно публикацию текстов “Слов” и поучений против язычества с критическими замечаниями к ним, а в первом томе опубликованные памятники разбираются в систематическом порядке. Причем этот порядок – подразделение материала на формы религии – достаточно традиционен (см. [20]). Основную ценность этого исследования, как уже было отмечено, составляет остающаяся до настоящего времени наиболее полной публикация свода текстов древнерусских поучений против язычества и суеверий.

Собственно исследовательская часть двухтомника, представляющая собой полезную сводку материалов, принципиально новых интерпретаций и обобщений не содержит. В этом плане она сильно уступает опубликованному в те же годы исследованию Е.В. Аничкова “Язычество и древняя Русь” [21]. Вместе с тем, Е.В. Аничков рассматривает поучения против язычества с гораздо меньшей полнотой, чем Н.М. Гальковский, хотя отдельные тексты анализирует более детально.

Гальковским привлечен весьма широкий круг письменных источников, содержащих сведения о славянском язычестве: слова и поучения против язычества, летописные источники, статьи канонического характера, встречающиеся в Кормчих и схожих сборниках, исповедальные вопросы и др. Кроме письменных источников Гальковский опирается также на достаточно богатый этнографический материал. На основании привлеченного материала Гальковский пытается проследить историю и способы борьбы христианства с остатками язычества в древнерусском обществе, как на церковном, так и на государственном уровне.

При этом автор обращает основное внимание на то, с чем собственно боролись и что преследовали церковь и государство. Хронологические рамки работы Гальковского достаточно широки. Они охватывают допетровскую Русь, а в ряде случаев раздвигаются и до начала XX в. Основное внимание автор уделяет “Словам” и поучениям против язычества, тексты которых и опубликованы во втором томе.

М.Н. Гальковский справедливо отмечает, что “для верного понимания нашего прошлого необходимо стать на историческую точку зрения, применить к древней России то мерило, которым она себя мерила” [3. Т. 2. С. 375]. Об этом, к сожалению, часто забывают исследователи славянского язычества. Каждая эпоха ставит перед собой определенную задачу, к осуществлению которой она стремится. По мнению Гальковского, для древней Руси такой задачей было “стремление усвоить и осуществить в жизни христианское вероучение” [3. Т. 2. С. 375–376]. Этой цели по преимуществу и служила наша древняя письменность. Ученый приходит к выводу, что духовная и светская власти со времен принятия христианства в качестве государственной религии князем Владимиром, достигли значительных результатов в борьбе с язычеством: “через два–три века после крещения Руси смысл нашего язычества был забыт совершенно” [3. Т. 2. С. 376]. Но язычество, согласно Гальковскому, не исчезло бесследно. Многие обычаи и верования дошли до наших дней, о чем свидетельствуют данные этнографии, хотя смысл их давно забыли, что и является результатом успешной борьбы христианства с язычеством.

Многие построения Гальковского находят подтверждение и сейчас. Несомненная заслуга работы ученого – сбор и публикация во втором томе практически всех слов и поучений против язычества, с привлечением всех известных списков, так необходимых исследователям данной проблематики. Опубликованные в работе Гальковского памятники на протяжении XX в. не раз использовались в своих трудах исследователи славянского язычества. И по сей день ни один исследователь, затрагивающий проблемы, связанные с религией древних славян, не сможет обойтись без этой группы памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.
2. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. II. Древние слова и поучения, направленные против язычества в народе // Записки Московского Имп. Археологического института. М., 1913. Т. 18; Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1916. Т. I.
3. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М., 2000. Т. I–II.
4. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 172.
5. Караджич В.С. Сербские народные песни. Вена, 1875. Кн. 2.
6. Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1859.
7. Ровинский П. Рецензия на книгу Н. Гальковского “Сербский народный эпос” // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1904. Т. 75. № 4.
8. Сербский эпос / Пер. Н. Берга, Н. Гальковского и Н. Кравцова. М.; Л., 1933; Эпос славянских народов. Хрестоматия под общей ред. П.Г. Богатырева. М. 1959; Голенищев-Кутузов Н.И. Эпос сербского народа. М., 1963.
9. Сербский эпос / Сост., вступит. статья и комментарии Н.И. Кравцова. М., 1960. Т. 1–2;
10. Гальковский Н.М. Стихотворения. Лебедин, 1909.
11. Гальковский Н.М. Повести и рассказы. Лебедин, 1910.

12. Гальковский Н.М. Лирические песни сербского народа // Филологические записки. Воронеж, 1897. Вып. 4–5.
13. Гальковский Н.М. Мифологический элемент в сербской народной поэзии // Филологические записки. Воронеж, 1900. Вып. 4–5.
14. Гальковский Н.М. Мифологический элемент в сербской народной поэзии II. Среча и Усуд // Филологические записки. Воронеж, 1901. Вып. 1–2.
15. Гальковский Н.М. Очерки сербской народной литературы. Загробное воздаяние // Филологические записки. Воронеж, 1902. Вып. 6.
16. Гальковский Н.М. Николай Алексеевич Некрасов // Филологические записки. Воронеж, 1903. Вып. 6; Гальковский Н.М. Максим Горький. Литературная характеристика // Филологические записки. Воронеж, 1904. Вып. 1–2.
17. Гальковский Н.М. Петр Великий в народной поэзии. Лебедин, 1909.
18. Гальковский Н.М. Наказной гетман Полуботок. Исторический очерк. Лебедин, 1909.
19. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси // Вера и разум. Харьков, 1915. № 3–23.
20. Токарева С.А. Проблема происхождения и ранних форм религии // Вопросы философии. 1956. № 6; Ранние формы религии. М., 1990.
21. Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.

*Отзыв ... ординарного профессора Григория Воскресенского
о сочинении Н. Гальковского¹*

В предисловии к своему обширному (в 508 стр.) труду автор, после общих замечаний о ... значении устной народной словесности, обозначает план своего сочинения. “Задавшись целью изучить верования и воззрения сербов, мы – говорит автор, – главное свое внимание должны обратить на эпическую поэзию, которая наглядно, ... изображает события и потому не касается общенародных вопросов, а, потому представляет и более обильный материал для характеристики народа. Сделав замечания о сербских песнях вообще, для полноты очерка вкратце мы упомянем о песнях юнацких, т.е. лирических. Затем будет сделано ... в сербской литературе. Затем мы перейдем к характеристике религиозных верований вообще и верований в святых в частности, включив сюда главу о богомилстве, имевшем широкое распространение на Балканском полуострове в XI–XII вв. Остановившись на Марко Кралевиче, как носителе национальных сербских идеалов, мы перейдем к косовской битве и гайдучеству, которые так ярко изображают сербский народ в годину неволи и рабства. Последняя глава будет посвящена рассмотрению отношений сербов к России и православию; для нас – русских интересно и важно знать, как смотрят сербы на своих соплеменников и в частности на нас, русских. Таким образом, в нашу характеристику войдут почти все стороны сербского народа” (стр. 9–10). Таков план автора. Как же господин Гальковский выполнил свой план?

Прежде всего должно отметить, что автор не разделил своего сочинения на части, отделы или главы, а предлагает ряд отдельных очерков (до 20 счетов), каждый со своим заглавием. Первый очерк (стр. 11–22) “Общие замечания о сербской народной песне. Песни юнацкие” предлагает краткую и общую характеристику сербских племен и в таком виде серьезного значения для главной цели автора иметь не может. Второй очерк (стр. 23–46) “Политическая история

¹ Отзыв хранится в Отделе рукописей РГБ [Ф. 172. К. 219. Д. 7], написан от руки мало разборчивым почерком. В публикации многоточие означает слово, которое не удалось разобрать.

сербов” после заключений об условиях зарождения и процветания эпической поэзии до падения и после падения сербского государства, представляет просто перечень главных исторических фактов. Третий очерк (стр. 47–74) “Влияние мифологии на религиозные воззрения сербов” дает характеристику сербских вил, по исследованиям Афанасьева, Веселовского и образчики песен о вилах. Сербские песни и далее нередко целиком приводятся в русском переводе самого автора. Все эти очерки составляют ... введение к главному предмету исследования. Следующие очерки (стр. 75–184) носят заглавия: “Среча и Усуд”, “Загробное воздаяние”, “Верования в святых”, “Верования в ангелов”, “Иоанн Креститель”, “Пророк Илья”, “Св. Георгий Победоносец”, “Св. Николай”, “Св. Савва”, “Алексей божий человек”, “Св. Апостол Петр”, “Почитание св. Пятницы и Недели”. Автор задается здесь целью отметить, как отразились в народном сознании то или другое верование, та или иная личность святого, и обыкновенно приводит на каждый случай соответствующие песни. В очерке “Св. Георгий Победоносец” (стр. 157–165) говорится между прочего о сербском обычае празднования “славы”. На стр. 199–237 в очерке “Богомильство” автор ... говорит о происхождении, характере и вероучении богомилов по исследованиям Веселовского, Кирпичникова и др. К сожалению автор почти совсем не коснулся вопроса о народном значении богомильского движения у южных славян. Богомильством автор заканчивает обзор религиозного миросозерцания сербского народа. К каким же результатам пришел автор? “Из более или менее подробного обозначения отдельных верований – говорит он, – видно, что сербскому народу присуще тоже двоеверие, за которое упрекали нас наши пастыри-писатели. Будучи принесено народу полудикому, христианство не могло сразу вытеснить язычества. Языческие воззрения долго жили совместно с христианскими в народном представлении. Язычество сказывается даже теперь в произведениях народной литературы и обрядах, наследиях старой старины. Но языческие предания в настоящее время совершенно утратили свой первоначальный смысл. Христианские воззрения настолько наложили свою печать на все воззрения серба (что должно сказать и о других славянах), что нет никакой возможности составить себе более или менее определенное представление о языческих воззрениях сербов. И если где могут быть бесконечные разногласия в науке, так это по вопросу о языческой религии славян” (стр. 234–235). Поэтому-то, может быть, анализ и систематическое изложение религиозных верований сербов автор заменяет большей частью пересказом или переводом относящихся к каждому отдельному очерку народных песен. Изложение религиозного миросозерцания, насколько, конечно, оно возможно по памятникам народного творчества, должно бы непосредственно связываться с системой нравственного миросозерцания. Но, не выработав себе надлежащего плана или же руководствуясь своим собственным, не вполне соответствующим теме планом, автор отделяет ту и другую сторону народного миросозерцания вставкой четырех очерков политико-исторического характера под заглавиями: “Марко Краевич”, “Косовская битва”, “Гайдучество”, “Взгляд сербов на Россию и русских” (стр. 239–486). Нельзя сказать, что эти очерки совершенно лишние, но – надлежащее место им во введении или в обзоре материала и литературы вопроса (а именно у автора-то и нет обзора ни источников, ни пособий по его вопросу!) Помещать же в исследовании о религиозном и нравственном миросозерцании очерки бытовой и политической жизни сербов не представляется уместным. Да автор и сам наказал себя, когда вынужден был, благодаря отсутствию единства плана, гово-

речь о политическом положении сербов в XIV в. чуть ли не в четырех местах своей диссертации. Последний очерк (стр. 487–508) “Нравственное мирозерцание сербского народа”. Но так как в предшествующем обзоре сербских песен нравственный элемент не отделялся от других элементов: религиозного, социального и политического, то этот очерк представляет мало нового материала, а состоит главным образом из общих выводов, сделанных на основании сказанного раньше (отмечается по народным песням усвоение народом христианских начал нравственности, уважение семейных добродетелей, распространенные в Сербии обычаи кумовства, побратимства, посестримства и т.д.).

Анализ сочинения господина Гальковского приводит к тому результату, что материала собрано автором достаточно для решения поставленного им вопроса, но материал этот не систематизирован надлежащим образом. Ближайшая задача автора требовала бы ... всего плана. Но автор видимо основательно знаком с произведениями сербской народной поэзии и истории, и свои ... в этой области пожелал предложить в диссертации, через что привнес довольно много лишнего материала, вредно отзывающегося на стройности и единстве плана. Само по себе ясно, знакомство и изучение сербского эпоса сказывается и в умелом переводе сербских песен на русский язык, должно быть поставлено в похвалу автору. Изложение отличается ясностью языка, но, к сожалению, переписчиками допущено немало орфографических ошибок. Для получения кандидатской степени сочинение господина Гальковского может быть признано удовлетворительным.

Балл 4.

1895 май.

ординарный профессор Г. Воскресенский

В. Л. КЕРОВ. Французская колонизация Мадагаскара и граф Бенёвский. М., 2003, 376 С.

Исследование, о котором идет речь, является своего рода обобщением знаний современной исторической науки об одном из эпизодов колониальной политики европейских государств XVIII в., который также связан с историей славянских народов. При этом данная проблема рассмотрена через призму личности, что придает книге особый интерес и оригинальность.

Героем исследования доктора исторических наук, профессора Российского университета дружбы народов, академика Международной академии наук Высшей школы В.Л. Керова является граф Морис-Август Бенёвский, примечательная и во многом знаковая для своей эпохи «авантюристов» личность. Как отмечает автор, этот человек стал связующей нитью между странами Восточной Европы, Россией, Японией, Китаем, Францией, Мадагаскаром и США (С. 79). Графа Бенёвского считали чуть ли не национальным героем в Польше, его личность вызывает интерес в Венгрии, Словакии, России, Франции. Деятельность этого человека была многогранна, и не случайно в историографии он не получил однозначной оценки [1].

Историографический очерк разделен на две части. Первая из них посвящена рассмотрению различных взглядов на происхождение малагасийского населения и первый период его существования. Во второй части работы дан подробный историографический очерк, относящийся непосредственно к самому графу Бе-

нёвскому. Особенно детально и практически исчерпывающе автор рассматривает отечественную историографию, посвященную главному герою исследования. Логичным и абсолютно верным представляется включение в этот раздел ряда работ, принадлежащих русскоязычным авторам, живущим за рубежом. При этом автор справедливо указывает, что, несмотря на достаточно большую историографию, до сих пор крупных исследований о графе Бенёвском и его спутниках на русском языке не появилось (С. 92.). В.Л. Керов широко использует мемуары, записки и донесения самого графа Бенёвского и его спутников – выходцев из России (С. 80).

В первой части монографии подробно рассматривается предьстория острова Мадагаскар, события, связанные с его заселением и первыми шагами европейской колонизации. Большое внимание при этом автор уделяет политике, которую проводило французское правительство по отношению к населению острова, а также средствам и методам, которые использовали первые колонизаторы.

Переходя к истории жизни самого графа Мориса-Августа Бенёвского, В.Л. Керов отмечает, что по происхождению этот человек принадлежал к крупной венгерской знати. Со стороны отца он имел польские корни, мать его была венгерской баронессой. При этом родился Бенёвский в Словацких землях, входивших в то время в состав Венгерского королевства. В результате этого, как уже

отмечалось, графа считают национальным героем сразу в Польше, Венгрии и Словакии (С. 94). Жизненный путь Бенёвского начался, как и было принято в дворянских семьях того времени, на военной службе. Он участвовал в войне за австрийское наследство, сражаясь в рядах австрийской армии. Как показывает В.Л. Керов, авантюризм графа проявлялся уже в эти годы. Так получив известие из Литвы о смерти своего дяди, он немедленно оставил службу и отправился в Речь Посполитую, что в дальнейшем послужило поводом для его родственников в Словакии объехать графа мятежником и лишиться родового владения после смерти отца. В итоге он был вынужден уехать в Польшу. Однако и здесь граф Бенёвский не успокоился. Это был типичный человек эпохи Просвещения, в котором одновременно уживались романтик, авантюрист, солдат и талантливый администратор. Бенёвский, несомненно, впитал в себя основные идеи своего времени, о чем говорит его дружба, в частности, с американским просветителем и политическим деятелем Б. Франклином.

Из Польши Бенёвский совершил поездку в Германию, Голландию, Англию, собиравшись путешествовать по Индии. Но по просьбе польских магнатов и сенаторов возвратился в Речь Посполитую и стал активным членом Барской конфедерации. Участие Бенёвского в войнах против русских войск – несомненно, еще один яркий факт в его биографии. Авантюризм графа, как отмечает В.Л. Керов, проявился и в попытке организовать заговор в Казани, куда его отправили после пленения, вовлечь в него представителей татарской знати и оппозиционно настроенных русских дворян (С. 102). Бенёвский организовал мятеж и на Камчатке, куда он был в итоге сослан. На этом, собственно, закончился период его жизни, связанный с Россией.

Дальнейшая деятельность графа Бенёвского была связана с Мадагаскаром. Как считает В.Л. Керов, интерес к этому острову возник у графа во время его краткосрочного пребывания во французской колонии, во время путешествия из Японии во Францию, где он получил должность командира пехотного полка и

был назначен главой экспедиции на Мадагаскар.

Третья часть монографии В.Л. Керова посвящена пребыванию и деятельности графа Бенёвского на острове Мадагаскар, в качестве главы колонии, а также отношениям с местным населением. Интересным моментом в этой части исследования является привлечение в качестве источника записок Николая Мейёра, ближайшего сподвижника графа Бенёвского. Этот человек вел очень подробный дневник, который позволяет проследить методы и способы проникновения европейцев на Мадагаскар, их отношения с местным населением, дипломатические переговоры с предводителями племен малагасийцев.

В.Л. Керов считает, что Бенёвский на Мадагаскаре пытался действовать преимущественно мирными методами, стараясь не вступать в военные конфликты с местными племенами. Прежде всего использовалась традиционная политика “разделяй и властвуй”. При этом главную роль в сохранении колонии сыграл сам Бенёвский, который проявил незаурядные дипломатические способности. Очень помог ему опыт службы в австрийской армии и борьбы против русских войск в Польше, поскольку графу пришлось не раз продемонстрировать и свое военное дарование. При этом можно добавить, что, несмотря на свое происхождение, Бенёвский проявил и определенные коммерческие навыки.

Не были лишены действия графа Бенёвского и авантюризма – составной части его натуры. Он попытался провозгласить себя наследником одного из правителей туземцев на Мадагаскаре и, как следствие, господином провинции Манангар и верховным вождем. Граф даже писал в своем дневнике о возможности создать благоприятные условия для образования государства, опирающегося на “национальную свободу”, в чем, несомненно, видно влияние философии Просвещения. Как справедливо отмечает В.Л. Керов, эта идея, касающаяся народа, находившегося на родоплеменной стадии, выглядела весьма экстравагантной, но была вполне в духе графа (С. 211).

Автор приходит к мнению, что графу Бенёвскому удалось добиться выдающихся успехов в колонизации Мадагаскара и превзойти в этом деле всех своих предшественников. Результаты могли бы быть еще более внушительными, но граф не получил достаточной помощи из Франции. Причин этому было несколько. Прежде всего, министры, от которых зависела поддержка, не могли поверить в быстрые победы колонистов там, где до этого всегда встречались лишь огромные трудности. Сама личность графа, энергичного и смелого авантюриста, не вязалась в их представлении с типичным образом колониального чиновника. Методы Бенёвского В.Л. Керов сравнивает с деятельностью французских и английских поселенцев в Канаде и на территории Соединенных Штатов Америки, где создавались переселенческие колонии (С. 186–187).

В.Л. Керову удалось создать очень подробную картину жизни и деятельности графа Бенёвского. Справедливо отмечая авантюрный характер многих действий графа, автор считает, что он был весьма талантливым человеком. Подтверждением этому служит успешная деятельность графа Мориса-Августа Бенёвского по организации колонии на острове Мадагаскар. В то же время иной раз в книге недостает ярких красок как в психологическом портрете Бенёвского, так и в характеристике эпохи. Во всяком случае,

некоторые размышления о характерном для XVIII в. типе авантюриста-аристократа, каковым был Бенёвский, были бы нелишними. Ведь если этих непосед и честолюбцев, которым было тесно в условиях абсолютизма и нарождавшегося буржуазного общества, было немало в Западной Европе, то для Центральной Восточной Европы этот тип был не столь характерен. Поэтому-то фигура Бенёвского и представляется чрезвычайно интересной и любопытной. Несколько спорна помещенная в качестве приложения концепция зарождения и развития французской колониальной империи: чувствуется влияние некоторых устаревших положений. В целом же работа В.Л. Керова представляет интерес и может быть полезной не только для специалистов по истории колониальной политики зарубежных стран, но и для специалистов по истории славянских народов.

© 2006 г. Ю.Е. Ивонин, М.Н. Артеменков

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Керов В.Л. Граф Бенёвский в России. М., 1997; Керов В.Л. Французская колонизация островов Индийского океана XVII–XVIII вв. М., 1990; Керов В.Л. Морис-Август Бенёвский: Россия, Франция, Мадагаскар // Россия и мировая цивилизация. М., 1996.

Славяноведение, № 4

В.М. ХЕВРОЛИНА. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М., 2004. 332 С.

Жили-были два дипломата. Один был князь Александр Горчаков. Другой – граф Николай Игнатъев. Обоих не обделил Бог умом, а русский царь наградами. Оба они по праву были выдающимися дипломатами, немало потрудившимися на славу Отечества и страх врагам. Правда, в русской истории один слывет государственным, другой панславистом. И

возможно поэтому в России есть улица имени князя и его барельеф. И возможно поэтому в далекой Болгарии есть бульвар имени графа и его памятник. Такой чести, насколько я знаю, удостоились еще два русских дипломата – А.А. Ростковский и Г.С. Щербина, именами которых были когда-то названы улицы Белграда.

Русские дипломаты живут и в книгах, статьях, очерках: во всем том, что выходит из-под пера писателя, публициста, страстного историка и бесстрастного аналитика.

В отличие от того же Горчакова, память и дела которого благоговейно чтут в МИД, устраивают конференции и пр., Игнатьева стараются обходить бочком. Слишком неудобная фигура. С него нельзя рисовать честного дипломата. С его именем в русской истории связан прежде всего неудобный сюжет с мечтой о возвращении Константинополя православному миру, России.

Но, как известно, на каждого героя, есть свой биограф. В случае с Игнатьевым – это Виктория Максимовна Хевролина. Книга, сразу скажу, замечательная. Игнатьеву повезло с биографом, высококлассным историком, человеком редкой дотошности, прекрасно ориентирующейся в туманной сфере международной политики, что очень важно при реконструкции времени, в котором граф жил и действовал, да и при создании самого портрета “лукавого византийца”.

Правда, и Виктория Максимовна не осталась в проигрыше: разрабатывать такого человека как Игнатьев, разгадывать ходы и смысл его действий, восхищаться ловкостью, хитростью, умением добывать нужную информацию, производить нужное впечатление – дорогого стоит.

Не надо забывать и то скучное обстоятельство, что история лучше всего познается через людей. И жизнь Николая Павловича, которого император назначал то в Великобританию, то в Китай, то в Стамбул, дает читателю эту возможность.

Более того, читая книгу, ловишь себя на мысли, что мир меняется гораздо медленнее, чем об этом пишут политики и историки. Меняются лишь декорации. В этом убеждает само исследование деятельности дипломата Игнатьева, позволяющее посмотреть на Россию, ее руководителей, верноподданных царя не в зеркале классового общества, а через сам феномен русского царства, какое бы название оно не носило.

Итак, в книге – дипломат Игнатьев, сочетающий, как подобает профессионалу дипломату, представительско-посредническую деятельность с разведкой, получением разнообразных сведений и вербовкой информаторов. Достаточно выпукло обязанности разведчика Игнатьева освещены в сюжете, посвященном лондонскому периоду его деятельности, когда он был военным агентом. Здесь интересна не только та сумма самой разнообразной информации, которую он собирал и поставлял в Санкт-Петербург, но и сами предложения Игнатьева по укреплению позиций своего Отечества в Средней Азии.

Игнатьев был не только поставщик сведений “Двора Его Императорского Величества” с берегов Темзы, но и аналитик и разработчик контрпроектов по нейтрализации англичан в зоне русских геополитических интересов. Освещаемые В.М. Хевролиной меры, предлагавшиеся Игнатьевым, сводились к политике сближения Персии и Афганистана и, соответственно, укреплению присутствия России в них. “Запад есть Запад, Восток есть Восток – и им не сойтись вовек” – эти слова романтика-поэта британского колониализма Р. Киплинга подтверждались самим бытием. Восток соперничал с Западом: могли быть мир и дипломатия и брачные союзы, договоры и пр., но каждая из высоких сторон защищала свои интересы. И Николай Павлович был талантливым защитником своей страны, при этом одним из тех, кто считал силу эффективным средством для достижения цели, когда меры дипломатического характера расцениваются противником как слабость. Он был, по современной терминологии, “ястреб”, будучи сторонником применения метода силового воздействия для противодействия Лондону. Но решали другие, как “голубь” Горчаков.

Все это конечно грубо и возможно для других спорно, но вся соль не в том, что Игнатьев был “ловчей птичкой”, а в присущем ему имперском сознании, просматривающемся в каждом из его дел, например в его миссии в 1858 г. в экзотические Хиву и Бухару для установления дипломатических связей и упрочения торговых отношений. 26-летнему пол-

ковнику Игнатьеву в новом поручении царя предоставлялась возможность сделать все возможное для противодействия Англии в этом регионе. Этот сюжет, в котором достаточно подробно обрисована черновая работа дипломатии, ценен не только тем, что в нем на основе объемных и свежих материалов нарисована картина действий Игнатьева, не забывавшего принцип “*divide et impera*”, не терявшего хладнокровия в трудных ситуациях, но и, если можно так сказать, этнографическими зарисовками “варварского” времени Хивы и Бухары. Удача далеко не во всем сопутствовала царскому посланцу, но он “не уронил достоинства дорогого и великого отечества”, как писал Игнатьев отцу. И не только – были достигнуты определенные успехи в деле закрепления русского влияния в Бухаре, проведено исследование 600-верстного участка Амударьи, добыта разнообразная информация о Хиве и Бухаре. В конечном итоге “*gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo*”.

В литературе можно иногда встретить фразу, что твердокаменность не украшает дипломата, но в дипломатии Игнатьева эта “твердокаменность” была обусловлена, пишет В.М. Хевролина, сознанием величия России, ее могущества. В случае с непокорной Хивой служитель империи Игнатьев, произведенный за Хиву и Бухару в генерал-майоры, все же предпочитал действовать силой, начиная отсюда путь по дальнейшему освоению, вернее колонизации, далеких территорий. Но тогда еще не наступило время для реализации таких проектов, они начнут реализовываться позже – во второй половине 1860-х – первой половине 1870-х годов.

Вернувшийся живым из опасной среднеазиатской экспедиции, получившей положительную оценку у императора, Игнатьев мог уже считаться знатоком Востока. И поэтому не кажется удивительным получение им нового назначения в Китай на должность дипломатического агента с задачей добиваться закрепления России в Приамурье и стараться противодействовать английскому упрочению. В своем исследовании В.М. Хевролина на основе личных записок-вос-

поминаний Игнатьева рисует весьма сложную картину международных политических хитросплетений вокруг цинского Китая, терявшего свои силы во внутренних неурядицах. Игнатьев в этой сложной ситуации сумел блистательно выполнить свою задачу, выступив многосторонним посредником в сфере урегулирования отношений англичан и французов с китайскими властями, сумев войти в доверие даже к английскому дипломату. Многоходовые комбинации “ястреба” принесли успех. По заключенному им в 1860 г. Пекинскому договору Россия получила доступ в Тихий океан, приобрела Уссурийский край и многое другое. При этом сами отношения с Китаем не только не были испорчены, но даже окрепли. Как подчеркивает В.М. Хевролина, посредническая деятельность Игнатьева, сумевшего склонить англичан и французов к уступкам, была высоко оценена и китайской элитой. Потом героя ждали награды и назначение в конце 1861 г. на пост директора Азиатского департамента МИД.

Именно Восток был своего рода опытным полем, где поверялись сила, могущество, влияние великих держав, трудившихся по его “приобретению”, зоной их геостратегических интересов, театром военных действий. И за короткое время (до 1864 г.) своего руководства Игнатьев делал многое для укрепления своего отечества, его безопасности. В книге содержится информация о его планах наступательной, “контранглийской” политики в Азии, о роли Игнатьева в развитии русско-китайских отношений, в переселении в 1862 г. некоторого количества славян и казаков-некрасовцев в Россию и пр.

Работа с Горчаковым поначалу проходила без особых трений. На усложнение отношений в дальнейшем во многом повлияла разница взглядов на политику России на Балканах. Сам Игнатьев, воспоминания которого обильно цитирует В.М. Хевролина, писал: “Историческая миссия России – собирать и сохранять для себя славян, не уступая добровольно никому пяди славянской земли. В видах ограждения будущности России я считал необходимым, чтобы славянское знамя

было исключительно принадлежностью царя русского и чтобы отнюдь не допускать усиления влияния никакой другой державы, в особенности же Австро-Венгрии, на Балканском полуострове". И здесь подчиненный расхотел со своим начальником, полагавшим, что политика Вены также ведет к высвобождению славян из-под турецкого господства и поэтому она должна иметь влияние на судьбы южных славян.

В свою очередь Игнатъев, как подчеркивает В.М. Хевролина, "не до конца учитывал сопротивление европейских держав, которые противодействовали усилению России на Востоке, и не представлял себе отчетливо сложные противоречия внутри славянского мира на Балканах". По моему мнению, здесь все же дело не в степени осведомленности Игнатъева в балканских делах, а в твердом убеждении "славянского ястреба" в правоте своих слов, цитированных выше. Иными словами, вера для него была выше знания. При этом Игнатъев не был политическим филантропом, он был последовательным защитником имперских ценностей, собирателем славянства под сенью единственной в мире могущественной православной России, наследницы Византии. И назначение в Стамбул, в русском восприятии – Константинополь, такого патриота, как Игнатъев, вполне соответствовало самим интересам России в регионе, который давно активно и успешно разрабатывался дипломатами европейских держав, той же, к примеру, Великобритании. На страницах книги весьма успешно показана деятельность нового посланника посредством создания атмосферы приемов, вечеров, обедов и ужинов – той дипломатической, выражаясь современным языком, тусовки, во время которой решаются вопросы, завязываются связи, знакомства, добывается нужная информация. "Ястреб" показал себя здесь искусным мастером "политической кухни", не жалея своих денег для превращения русского посольства в своеобразный дипломатический клуб. Его труды с лихвой возмещались: русская дипломатия активно начала наращивать свое влияние в Османской империи, нейтрализуя действия врагов России.

Конечно, здесь играли свою роль не только дипломатические приемы, укрепление консульской сети, но и такие методы, как подкуп нужных людей, создание широкой агентурной сети. И конечно, В.М. Хевролина здесь не могла не процитировать высказывания дипломата Ю.С. Карцова о своем начальнике: "На всех событиях того времени отпечатлелась его яркая и могучая личность. Политической деятельности он предавался с увлечением еще в полном цвету молодости, безбрежных упований и неограниченного честолюбия. Его называли вице-султаном. Да он и был им на самом деле: турецкие министры его боялись и были у него в руках".

Конечно, он мог, по Карцову, считаться "вице-султаном" в Турции, но Европа не была пассивным зрителем; ее дипломаты доставляли немало забот Игнатъеву, писавшему родителям: "Беда та, что как только затронется интерес русский или православный, так все заодно против нас становятся. Мы воображали, что в Константинополе можно быть в союзе с тем или другим государством Европы. Одна мысль всеми руководит и всех соединяет – вредить России. Хотя один в поле не воин, но я стою крепко, буду стоять. В успехе волен один Бог". Именно широкое использование личной переписки Игнатъева с родителями кладет новые краски на широкое полотно русской политики, одним из активных проводников которой был "славянский ястреб" с его беспощадной борьбой с польскими эмигрантами-революционерами и упорством, с которым он защищал, например, болгар.

Внимательный читатель найдет на страницах книги немало свежего материала, позволяющего разнообразить представления о дипломатии Игнатъева, бравшегося за все, что только могло возвысить, по его мнению, имя России. Здесь, пишет В.М. Хевролина, и денежная помощь деятелям славянского освободительного движения, церквям, монастырям, на учебное дело, и содействие в получении свободы некоторым национальным лидерам, репрессированным турками, и устройство русского госпиталя в турецкой столице, и щедрая благо-

творительность мусульманскому населению, пострадавшему от пожара (май 1870), и пр.

Конечно, не все, что делал Игнатьев для единоверных славян на Балканах, встречало единодушную их поддержку. Речь идет об известной греко-болгарской церковной распри, которая была и является предметом многих исследований, преимущественно болгарских историков. Поэтому освещение отечественным историком этого вопроса, логически входящего в содержание книги, представляет большой интерес, особенно когда он рассматривается сквозь призму деятельности русского “вице-султана”. В.М. Хевролина абсолютно права, подчеркивая, что если деятель освобождения Болгарии С. Чомаков “пекся об интересах болгарского народа”, ставя целью не “церковное примирение, а болгарское национальное освобождение”, то Игнатьев заботился “об интересах России, стремившейся сохранить единство православной церкви на Востоке, а поэтому вынужденной искать компромиссные решения”. И в этой труднейшей ситуации “славянский ястреб” сделал многое.

В книге есть немало фактов, позволяющих высоко оценить труды Игнатьева, достаточно вспомнить идею о создании экзархата. Но русский миротворец был “бит” представителями обеих конфликтующих сторон за недостаточную помощь каждой из них. В одном из украшающих книгу писем Игнатьева к родителям были такие строки: “Неблагоприятный исход греко-болгарского вопроса наводит на меня тоску и отвращение к людям. Положение русского представителя, принужденного постоянно разводить масло в воде и ограждать православную церковь от недостойных держав и от невежественных, но разъяренных личностей, играющих самыми цескотливыми церковными и народными вопросами, как дети в бирюльки, самое тягостное. Ни днем, ни ночью покоя нет, и все воду толчешь”. Но первый шаг к освобождению Болгарии был сделан по пути создания самостоятельной болгарской церкви, в чем была немалая заслуга Игнатьева.

Труд В.М. Хевролиной интересен еще и тем, что, благодаря Игнатьеву, в нем

затронуты малоизвестные страницы жизни православного Востока, например, Палестины, деятельности Русской Духовной Миссии. Как подчеркивает автор, многие дела при помощи Игнатьева получали благоприятное для православия разрешение. Не забывал он в своей деятельности по защите интересов России и русских монахов на Афоне в их, бывало, сложных отношениях с греческими собратьями. Ему принадлежала и идея основания Новоафонского Св. Пантелеймона монастыря, который должен был стать очагом распространения православия в Абхазии. Он был главным действующим лицом в приобретении древнего списка Библии, датированного IV в. н.э., получившего название Синайский кодекс по месту обнаружения в Синайском монастыре Св. Екатерины (в 1933 г. кодекс был продан в Англию).

Одна из глав в биографии Игнатьева посвящена его деятельности в период национально-освободительной борьбы на Балканах во второй половине 1860-х годов. Это время исхоженное, если не сказать, затоптанное историками. Но здесь Виктории Максимовне помог ее герой. Все получается, если мутный, а местами залакированный, кристалл истории вдруг сверкнет гранью жизни. Именно vitae Игнатьева, его мысли, планы, действия, – все это оживило скучный набор дат, фактов, событий, имен. Добавлю, что разногласия между подчиненным и начальником по вопросу выработки планов и действий России в Восточном вопросе (т.е. Игнатьевым и Горчаковым) придают остроту сюжетной линии. А теперь позволю себе задать риторический вопрос: когда историки делают открытия? Ответ: когда находят в архивах новые документы. Именно свежие материалы из сокровищниц АВПРИ и ГАРФ позволяют поближе познакомиться, например, с “кухней” Критского вопроса, с разницей взглядов “ястреба” и “голубя”. Показательно, что именно некоторые романтические проекты Игнатьева, выдержанные в духе панславизма – я не вижу в этом слове ничего дурного, неудачи планов “славянского героя” по защите интересов единоверцев дают может быть даже больше знания о нем, нежели его по-

беды. Безусловный интерес заслуживает освещение времени начала Восточного кризиса, проблем его урегулирования и превращения “славянского ястреба” в “туркофила”. Благо России, по Игнатъеву, требовало в этой ситуации (восстание в Боснии и Герцеговине) сохранения целостности Османской империи, которую не следовало делать “добычей Запада”, прежде всего Австро-Венгрии, давно нацеленной на Боснию и Герцеговину. Этот сюжет любопытен тем, что в нем проявляются разнонаправленные политические линии дипломатии, равно как и содержащейся в нем обрисовкой Игнатъева, для которого христианский Запад как союзник был более опасен в славянских делах, нежели иноверная Турция. Конечно, в книге есть и сюжеты, связанные с сербо-турецкой войной и Константинопольской конференцией, Лондонским протоколом и, разумеется, с новыми планами Игнатъева, в которых была и война с Турцией, и новое государственно-административное устройство Балкан. Правда, я не думаю, что Игнатъев, узнав о русско-австрийских переговорах в Будапеште, мог, как пишет В.М. Хевролина, “поднять общественное мнение и сорвать подписание конвенции, обеспечивающей нейтралитет Вены в русско-турецкой войне”.

Безусловно, для “славянского ястреба” вершиной стал Сан-Стефанский предварительный мирный договор, до сих пор живущий в русской истории и сознании болгар. В.М. Хевролина пишет о дипломатическом искусстве своего героя, его настойчивости, о последовательном и твердом курсе на достижение благоприятного для России договора относительно создания Великой Болгарии, о роли и тактике Игнатъева в переговорах с сербами, румынами, на встречах с Францем-Иосифом и Андраши в Вене, о беседах с царем. Продолжает присутствовать в книге тема европейской войны – *ultima gasio regnum*, разводившая не раз Игнатъева и Горчакова.

Конечно, некоторые сюжеты можно было бы раскрыть подробнее, например о затягивании Сербией своего выступления против турок. Больше уделить внимания А.И. Нелидову, принимавшему

участие в выработке условий мира с Турцией. Может быть в книге следовало бы больше дать строк Горчакову, как уже отмечалось, “недолюбивавшего”, мягко говоря, своего подчиненного.

После ухода с дипломатической службы энергия Игнатъева проявилась на гражданском поприще, на посту министра внутренних дел (1881–1882) в тяжелое время после восшествия на престол Александра III. Его имя, пишет В.М. Хевролина, связывается с “борьбой с революционным движением, облегчением положения крестьян, борьбой с бюрократизмом и казнокрадством”. При перечислении результатов его деятельности можно упомянуть снижение выкупных платежей, ликвидацию “Народной воли”, с другой стороны, введение ограничительных правил против евреев. Ему же принадлежал отвергнутый впоследствии как несвоевременный и даже революционный проект созыва Земского собора, который “должен был выяснить настроение народа, обсудить реформу местного самоуправления” и другие вопросы.

Но и здесь, на новом посту, Игнатъев не смог удержаться. Для консерваторов были неприемлемы его либеральные меры, для прогрессивной публики – репрессивные. С этим выводом автора трудно не согласиться. “Будешь сладким – расклюют, будешь горьким – расплюют” – гласит русская пословица.

Рисуя дальнейший жизненный путь 50-летнего отставника, автор останавливается на записках Игнатъева царю и в правительстве о внешнеполитических делах, например, о задачах русской политики, главной из которых названо решение Восточного вопроса на путях обеспечения русского преобладания на Балканах и в проливах (1887), о действиях России на Дальнем Востоке (1900). И тем не менее “славянского ястреба” замалчивали в России. Верными его почитателями оставались славяне, прежде всего болгары, защитите интересов которых он отдал столько сил. И не случайно, пишет автор, на надгробной плите после дат жизни есть два слова – “Пекин” и “Сан-Стефано”.

Завершая свой экскурс в книгу, можно сказать, что она полезна и интересна. В ее герое нет молчалинского таланта “умеренности и аккуратности”: ему всегда было свойственно движение в поступках, в мыслях. Конечно, он не лишен был тщеславия, стремления играть роль, он ошибался, его можно упрекнуть в горяч-

ности, а с низины нынешнего дня в “империализме” и прочих “измах”. Однако “измы” приходят и уходят, а дела остаются. Пожалуй, для любого из нас – это главное.

© 2006 г. В.И. Косик

Славяноведение, № 4

И.С. ЯЖБОРОВСКАЯ, В.С. ПАРСАДАНОВА. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005. 408 С.

В аннотации издательства указывается, что эта книга «двух известных российских ученых по-новому представляет важную сквозную тему истории российско-польских отношений XX в. В центре книги – жесткая конфронтация политических и военно-стратегических планов России, Польши, Украины и Белоруссии в 1919 г.; вооруженное противостояние 1920 г., “чудо над Вислой” и неудача планов распространения на Европу мировой революции; а также долговременные последствия этих событий – хронический синдром войны, подпитывавший антагонизмы и мифологемы войны... Часть книги посвящена выработке нового, научного видения проблемы в годы “оттепели” и “гласности”, закрытия “белого пятна 1919–1920 гг.” в истории двусторонних отношений, освобождению современников от устаревших стереотипов прошлого».

Рассматривая польский вопрос в России во время Первой мировой войны, авторы отмечают, что в советской историографии уделялось мало внимания воззванию главнокомандующего российской армии от 1(14) августа 1914 г., определявшему “восстановление единства Польши как одну из главных задач войны для России”, и другим мерам царских властей по этому вопросу, которые считались спекулятивно “пропагандистской” политикой (С. 38).

В отличие от утверждения советской историографии о решающей роли Октябрьского переворота для восстановления независимости Польши в книге говорится, что для перспективы возрождения Польши и возможности ее добрососедских отношений с Россией “первостепенное, воистину эпохальное значение имела прежде всего Февральская революция” (С. 76).

По Брестскому договору советская Россия отказалась от почти миллиона км² территории бывшей Российской империи, а в августе 1918 г. была вынуждена признать недействительными договоры о разделах Речи Посполитой, хотя для Германии и Австро-Венгрии они оставались в силе (С. 112).

С окончанием войны восстанавливалась польская государственность. Внутренняя обстановка в Польше определяла ее общественно-политический строй, а Версальская система – границы страны. Вместе с тем, отмечают авторы, возникла жесткая конфронтация между Польшей и советской Россией. Россия пыталась распространить советскую власть на территории бывшей империи, теперь остающиеся германскими войсками. Правящие круги Польши, напротив, стремились подчинить себе эти территории (посредством федерации) или включить непосредственно в состав Польши. В ре-

зультате начались военные действия между Россией и Польшей.

Советская историография считала, что эта «война возникла в соответствии с замыслами польских империалистов и империалистов Антанты в результате интервенции... против Советского государства в апреле–октябре 1920 г. как главная составная часть третьего похода Антанты (организаторами и вдохновителями нападения польских милитаристов были империалисты Антанты и США)»; польские правящие круги уже при образовании Польского государства в 1918 г. начали вооруженную борьбу против советской России, «стремясь расширить границы за счет ее территории», развернув «лживую агитацию за возвращение Польше ее исторических прав» (С. 149–150). По мнению авторов, «эта идеологема в самом деле далека от правды» (С. 150).

В книге обращается внимание, в частности, на такие факты: в конце 1919 г. польские войска далеко продвинулись на восток, и тогда польское командование приостановило дальнейшее наступление, что облегчало советской России разгром Деникина; находясь же в трудном положении в начале 1920 г., Россия соглашалась оставить Польше захваченные ею территории. Верховный совет Антанты признавал права польского государства только на польские этнические земли.

В середине июля 1920 г. в обстановке успешного наступления красных войск на Западном фронте советское руководство, имея в виду мнение части коммунистов-поляков о возможности революционного переворота в Польше при содействии красных войск, приняло решение советизировать Польшу, что проложило бы путь для социалистической революции в Европе. В связи с этим изменился характер войны между обеими странами.

Поражение красных войск под Варшавой и продвижение польской армии на восток заставило советское руководство отказаться от своих планов. По мнению Ленина, это было тяжелое поражение, которое обуславливалось недостатком наступательной силы и неготовностью Польши к революционным преобразованиям.

Касаясь мифологем и синдрома 1920 г., авторы констатируют: «Порожденные лихолетьем войны мифы, наложившиеся на традиционно отрицательное восприятие исторического противостояния двух сторон в прежние столетия, клишировались по обе стороны границы, вновь обрстая и подпитываясь негативными идеологемами... Особенно стойкой оказалась польская мифологема 1920 г., которая представляла события крупным планом как несение миссии защиты европейской цивилизации и христианских ценностей против революционного варварства» (С. 277). Другим синдромом было «проникнутое страхом восприятие революционной «новой России»», «констатация идентичности царского и большевистского режимов» (С. 284). В советской России и СССР среди многих мифов первенствовал «миф мировой революции и грядущего победоносного завершения революционной войны за западными границами» (С. 280–281). Вместе с тем «буржуазно-помещичья», «империалистическая» Польша считалась ближайшим вероятным противником страны Советов (С. 300–301). В связи с этим проводились чистки «неблагонадежных» польских элементов, роспуск КПП, «освободительный поход» 1939 г., расстрел военнопленных, депортация населения и т.д.

В книге сообщается о деятельности Совместной комиссии ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами (так называемой Комиссии по «белым пятнам»). К таким пятнам относилась и проблема войны 1920 г.

Завершается книга обзором историографии войны 1920 г. Авторы полагают: «Перед исторической наукой продолжает стоять ответственная задача помочь государственной внешней политике и обществу России и Польши освободиться от застарелых стереотипов, избавиться от негативов прошлого, в том числе от синдрома войны 1920 г.» (С. 394).

Рецензируемая книга, на мой взгляд, способствует решению этой задачи.

Ц. КЪОСЕВА. Руската емиграция в България. София, 2002. 591 С.
Ц. КЪОСЕВА. Русская эмиграция в Болгарии

Эту книгу я “выпросил” у автора во время нашей встречи в здании Библиотеки – Фонда “Русское Зарубежье” осенью 2005 г. и обещал написать рецензию.

Начну с плохого, т.е. с риторического вопроса. Если так долго идет информация о новых изданиях, то почему бы не создать новый жанр – исторической рецензии, когда критика на книгу публикуется спустя несколько лет после ее выхода. Однако это всего лишь грустная шутка, вызванная отвратительным состоянием научных связей между историками Болгарии и России. Особенно плохо, на фоне повторяющихся время от времени юбилейных заверений в дружбе двух стран, обстоит дело в исследовании российскими историками темы русской эмиграции в Болгарии. Хотя она может стать, еще не поздно, одной из важнейших в деле обогащения нашей истории. Спасают положение болгарские исследователи, работающие давно, активно и плодотворно. Благодаря их трудам, в болгарском обществе прежде всего, русская эмиграция перестает быть terra incognita, приоткрывая читающему люду страницы своей жизни.

Одним из новейших трудов в этой сфере и является фундаментальное исследование Ц. Къосевой, долгое время занимающейся разысканиями “русского за рубежом”. Для ее книги характерно изобилие неизвестной и разноспектральной информации по “русским делам”, разноцветное освещение оригинальных политических процессов, происходивших в болгарском обществе, с его глубоко различным отношением к “гостям” из страны победившей революции, бережное отношение к воссоздаваемым картинам из ранее одиозного Русского Зарубежья.

При всем уважении к регионам русского рассеяния, скажу, что, пожалуй, Балканы были самым интересным, уже по своей политической жизни, в гущу ко-

торой попала эмиграция. С одной стороны, это глухая провинция Европы, с другой – там шел разноразмерный поиск своего “я”, своего пути либо через революцию, либо через эволюцию... И балканско-византийская Болгария здесь чрезвычайно интересна через приятие бывших подданных “Третьего Рима”, не оставивших своих надежд на новое переустройство Родины, славянско-азиатского мира.

Когда читаешь сюжеты, посвященные приему и обустройству русских “в мундирах и без оных” в Болгарии, понимаешь, что история человеческого поведения, человеческого общежития закреплена в определенных стереотипах. Пускай они будут расплывчатыми, туманными, ускользающими, но их суть не изменяется. В качестве примера можно назвать те же, во многом сходные, сюжеты по приему русских в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, в других славянских странах. Есть внешняя стандартизованность причинно-следственных связей, берущих начало в принадлежности к православному миру, славянской ойкумене, а потом и к соцлагерю. Есть определенное сходство в конкретике предпринимаемых властями славянских стран мер в отношении к беженцам из “страны старшего брата”. Но здесь интересна не столько схожесть процессов по вбиранию русского люда, сколько их разность, обуславливающая красоту и оригинальность самой истории.

С неподдельным интересом читаются строки о бурной политической жизни Болгарии, о контактах ее властей с воевавшими на юге России белогвардейцами (я не вкладываю в это слово какого-либо негативного содержания), о русских военнопленных, их “большевизации” и, соответственно, провала планов Деникина по их отправке в Россию для борьбы с большевиками. Много нового можно

узнать о деятельной помощи русским эмигрантам со стороны будущего епископа Стефана, о разноречивой политике правительства во главе с Александром Стамболийским. Все это рисуется на фоне отлично поданной Ц. Кьосевой картины деятельности различных комитетов по организации помощи русским эмигрантам, для которых Болгария не всегда оправдывала ожидания. И в эмигрантской среде тогда упоминались слова Данте: “Тяжелы ступени чужих лестниц, и горек хлеб чужбины”. Хотя, правды ради, болгарские власти и народ делали многое для оставшихся без Родины русских. Возможно, ситуация с приемом “братушек” была бы лучше, если бы многие из них не носили военной формы. Именно присутствие многотысячной (18–20 тыс.) врангелевской армии, превосходившей болгарскую (12 тыс.), значительно осложняло политическую ситуацию в стране, где росли левые силы, в государстве, испытывавшем влияние революции в России. Поэтому с особым интересом читаются страницы, на которых исследуются “нелакированные” сюжеты о политике болгарских властей, их отношении к русским в мундирах и без оных.

Конечно, многим историкам известен далеко не простой сюжет о расформировании болгарскими властями врангелевской армии в 1922 г., но, вероятно, не все достаточно объемно знают начавшуюся волну гонений на русских, их организации. Новое знание только помогает перевертывать страницы не только русской эмиграции в Болгарии, а в целом и всего русского беженства.

Сама болгарская история, в которой органически сочетается русофильство с русофобством, государственная целесобразность с романтизмом, возвращенным на памяти крови, на веру, на славянстве, дает свое оригинальное “прочтение” болгарской политики и разношерстной русской эмиграции. В качестве примера может послужить сюжет с возвращением русских на Родину. Новые материалы в сочетании с результатами исследований других авторов позволили Ц. Кьосевой подробно остановиться на репатриации (свыше 11 тыс. человек), в которой были задействованы самые различные полити-

ческие, государственные, международные лица и организации, от Фригьофа Нансена до Красного Креста Болгарии, от Советского Красного Креста до чехословаческих.

Свою специфику, как показывает исследование Ц. Кьосевой, имело и русское общественное самоуправление. Например, существовала такая организация, как Совнарод, занимавшаяся вопросами репатриации и, как следствие, переполненная агентами ЧК. Разумеется, в книге присутствуют и традиционные для всей русской эмиграции сюжеты, связанные с культурно-просветительной деятельностью, с работой других эмигрантских формирований, например, казачьих.

Хронологически-проблемный принцип исследования русской эмиграции внутри болгарской государственности, политической жизни страны позволил Ц. Кьосевой на должном уровне реконструировать такую традиционную тему как адаптация русской эмиграции, имевшая и свои отличительные черты. Прежде всего это связанные с приходом к власти правительства Александра Цанкова наступление на просоветские организации эмигрантов Совнарод, Советский Красный Крест и торможение процесса репатриации, избавление страны от “балласта” – шулеров, проституток, нищих, членов нелегальных антигосударственных организаций. Достаточно подробно освещены и сюжеты, связанные с юридическим статутом, с положением в сфере труда, в области медицинского обслуживания. Так, автор отмечает, что болгарские власти не признавали справедливым желание украинцев оформиться в отдельную категорию эмигрантов и тем самым обособиться от русских беженцев. Не забыта и деятельность международных организаций по вопросам русских беженцев.

Относительно картины трудоустройства можно сказать, что она написана “без художественных излишеств”. Подчеркнуто, что на государственную службу принимались только специалисты, в которых нуждалась страна, и не было болгарских кандидатов. Хотя, как пишет автор, русские врачи, несмотря на протесты болгарских медиков, уравнивались с

последними в правах. Не забыт и мировой экономический кризис: тогда в Болгарии, стремившейся защитить свои национальные трудовые кадры, от него страдали иностранцы, в том числе русские беженцы, терявшие свои рабочие места в первую очередь. При освещении такой “скучной материи”, как пенсионное обеспечение, Ц. Кьосева не затушевывает тяжелого положения русских в этой сфере, напоминая, что эта проблема была решена только для участников войны 1877–1878 гг., когда они получали право на пожизненное месячное содержание, но не в форме пенсии.

Стремление показать жизнь эмиграции без прикрас характерно для всего исследования Ц. Кьосевой, сделавшей главной темой не сладкозвучную культуру, а сам достаточно тернистый путь русской эмиграции в Болгарии, где надо было многое пройти, чтобы выживание превратилось в жизнь. И здесь свой вклад делали болгарские власти, оказывая разнообразную финансовую помощь, например, в сфере образования, отпуская некоторые суммы на инвалидов, бедняков, стариков и старух. Здесь надо вспомнить, подчеркивает автор, и начатую болгарскими властями в начале 1930-х годов “русскую акцию”, осложненную вопросом о русском церковном имуществе в Болгарии.

Не обойдена в книге и деятельность на болгарской земле старых и новых военно-политических и гражданских организаций. Кратко очерчены известные РОВС, младороссы, мимоходом задета Русская фашистская партия. Гораздо больше посвящено места Союзу русских инвалидов и Русскому общетрудовому союзу, стремившимся облегчить жизнь русских беженцев, защитить их права. При этом автор замечает, что среди иностранцев русские до начала Второй мировой войны находились в привилегированном отношении. Приводятся сухие цифры и факты помощи болгарских властей на высшем уровне, равно как и интересный анализ издаваемых ими документов, посвященных “Русской акции”, явлению достаточно сложному уже потому, что она была связана с громоздким бюрократическим аппаратом, чиновниками, решения которых вызывало протесты

русских эмигрантов, в частности в сфере просвещения, где наблюдался ряд злоупотреблений.

С неослабевающим вниманием читаются страницы, в которых освещается деятельность советского диппредставительства после установления дипломатических отношений с СССР (1934), не прерывавшаяся и в годы Второй мировой войны. Здесь и сюжет с советской инициативой по возвращению на родину, блокированной заявлениями братьев Ивана и Бориса Солоневичей о действительном положении в СССР, и интересные данные по информаторам из эмигрантов, работавшим на СССР.

В книге Ц. Кьосевой можно найти и много так называемой отчетной информации: по количеству эмигрантов в те или иные годы, распределению беженцев по районам, по трудовой деятельности, образованию и другие данные, что позволяет воссоздавать многоэлементную картину русской жизни в Болгарии.

Исследование Ц. Кьосевой позволяет увидеть не только жизнь русской эмиграции, но и сложную политику болгарских властей по отношению к русским беженцам. Здесь не только “Русская акция”, различная помощь, но и установление контроля через финансы над гуманитарными и благотворительными организациями.

Период Второй мировой войны в жизни русской эмиграции в Болгарии представлен традиционными сюжетами о политическом размежевании эмиграции, например, о Русском охранном корпусе с новой информацией и о “просоветских настроениях”, когда после Сталинградской битвы “большевистские войска” приобретают название “русской армии”.

В авторских размышлениях, относящихся либо к мирному, либо к военному периодам жизни эмиграции, всегда присутствует тема репатриации/натурализации. И освещающая жизнь русских в послевоенной Болгарии, Ц. Кьосева и здесь верна себе. Правда, добавляется новый элемент – репрессии против “враждебных” новой власти лиц, зачастую не имевших ничего общего с фашизмом. Достаточно четко освещена история создания трудовых воспитательных обще-

житий (ТВО), куда направлялись все “вредные элементы”, куда включались даже обыкновенные работники, трудившиеся на германских фабриках. К началу 1947 г. в ТВО находились 401 русский эмигрант, к 1949 – 45 “белогвардейцев”, к 1952 г. – 12 человек. Преследования физических лиц сочетались с закрытием большинства эмигрантских организаций, что было естественным шагом для новой власти. Под ее строгим контролем, подчеркивает Ц. Кьосева, после 1945 г. известный период могли продолжать работу Общество русских художников, Союз ветеранов русско-турецкой Освободительной войны, Русский клуб в Софии и Русский Красный Крест. Эта свобода, хотя и “урезанная”, позволяет говорить о том, что в Болгарии эмигрантские дела шли несколько иначе, чем в соседней Югославии. Несомненный интерес представляет и сюжет, связанный со слежкой за общественной деятельностью русских, агентурной работе среди них, помощи в этом деле со стороны соответствующей службы в СССР, например в разработке дела “Предатели”. Была здесь и своя политико-географическая специфика, связанная с выявлением с 1949 г. “агентов Тито”.

“Охота на ведьм”, если можно так назвать слежку и гонения на “белогвардейцев”, среди которых было немало людей, не интересовавшихся политикой, постепенно снижалась, особенно после смерти

Сталина. Начался новый этап в сфере репатриации. К концу 1958 г. в СССР вернулись около пяти тысяч человек, примерно 90% от всех имевших советское гражданство. Но в Болгарии оставались и тысячи тех русских, которые приняли болгарское гражданство или имели нансеновские паспорта. Именно эти сюжеты заключают собою книгу Ц. Кьосевой. Вероятно для сухих прагматиков автор сообщает, что общая сумма, израсходованная всеми болгарскими властями на разнообразную помощь русским эмигрантам, превышает в четыре раза болгарский оккупационный долг к России.

Завершая свой экскурс, скажу, что исследование автора, построенное на солидной архивной базе, прежде всего ценно тем, что в нем органически показана жизнь и взаимосвязь русской эмиграции с политикой Болгарии на протяжении довольно длительного периода. Здесь нет особого места театру, артистам, писателям, т.е. миру искусства, что вполне логично, учитывая задачи Ц. Кьосевой, посвященные прежде всего болгарскому государству и его отношению к русской эмиграции как особому феномену в жизни Болгарии. Именно в этом особая ценность книги, дающей новое знание ищущему.

© 2006 г. В.И. Косик

Славяноведение, № 4

Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова / Отв. ред. С.Н. Борунова и В.А. Плотникова-Робинсон. М., 2004. 404 С.

Владимир Николаевич Сидоров (1903–1968) – доктор филологических наук, яркий представитель Московской лингвистической школы, был одним из основателей Московской фонологической школы и самым последовательным проводником ее идей. Его труды и идеи

оказали глубокое воздействие на развитие лингвистической мысли России и продолжают воздействовать и в наши дни.

Грамматист, фонолог, историк языка, диалектолог, Сидоров, человек разностороннего таланта, острого ума и железной логики, принципиальный в жизни и нау-

ке, блестящий лектор и полемист, принадлежал к тому типу ученых, которые в беседах с другими щедро делятся своими научными мыслями, но далеко не всегда излагают их письменно. Многие мысли ученого, новые для его поколения, были подхвачены другими, стали в наше время основополагающими как нечто само собой разумеющееся. В качестве примера можно назвать историю с гиперфонемой, одним из понятий Московской фонологической школы: идея и разработка ее принадлежат Сидорову, а написали о ней П.С. Кузнецов и А.А. Реформатский (С. 24, 396, 397–398).

Сборник состоит из пяти разделов: первый раздел – собственно мемориальный. В него вошли статьи ближайших друзей и сподвижников В.Н. Сидорова, таких ученых, как Р.И. Аванесов, А.А. Реформатский, И.С. Ильинская, в общении с которыми шлифовались его научные идеи, его сестры О.Н. Комовой, непосредственных учеников – М.В. Панова, Н.А. Янко-Триницкой, В.А. Плотниковой-Робинсон, А.Б. Пеньковского, а также учеников “второго поколения” и последователей – К.Ф. Захаровой, С.Н. Боруновой, Р.В. Бахтуриной, Г.А. Бариновой, В.Г. Демьянова.

Они рассказывают о семье В.Н. Сидорова, ее быте, культурной и моральной среде, о его научном окружении в студенческие годы и позже, о работе в разных учебных заведениях и институтах, об этапах его нелегкого жизненного пути, о научных трудах и заслугах.

Некоторых авторов уже нет в живых (большая часть статей была написана вскоре после смерти Владимира Николаевича в 1968 г. для сборника его памяти, так и не вышедшего в свет из-за не преодолимой в то время академической “табели о рангах”: В.Н. Сидоров не был ни академиком, ни членом-корреспондентом.

Характеризуя научный метод В.Н. Сидорова как отличный от методов М.Н. Петерсона и Н.Н. Дурново в подходе к факту языка, М.В. Панов (“Воспоминания о В.Н. Сидорове”) подчеркивал, что он рассматривал всю совокупность фактов (что сближало его с А.М. Селищевым, но не повторяло его методики), не сторонился парадоксальности, диалек-

тической противоречивости в толковании этих фактов. Такой подход позволил Сидорову и его сторонникам создать “парадоксальную” по своей сути фонологическую теорию (одна и та же фонема по-разному реализуется в вариантах и разные фонемы в одном), позволил ему самому *впервые* в синхронной грамматике современного русского языка описать всю систему морфологических единиц в понятиях маркированности–немаркированности и прийти к таким определениям: “формы единственного числа существительных – те, которые не указывают на единичность предметов; формы настоящего времени у глаголов – те, которые не обозначают, что действие протекает в настоящее время” и т. д.

“Парадоксальны и верны языку, – продолжает М.В. Панов, – выводы В.Н. Сидорова и И.С. Ильинской в их статье о выражении субъекта в синтаксисе русского языка” (С. 81).

Н.А. Янко-Триницкая писала о понимании им категории рода существительных как лексико-грамматической категории, впервые сформулированном и последовательно проведенном в “Очерке грамматики русского языка” [1].

Неопубликованные высказывания В.Н. Сидорова по вопросам, имеющим общетеоретическое или методологическое значение, сохранились в отзывах на диссертации. Некоторые из них – о языковой природе однородности и неоднородности членов предложения, о понятии синонимии, о принципах построения историко-лингвистического исследования приведены в публикации С.В. Бромлей и Л.Н. Булатовой.

Рассказывая о В.Н. Сидорове – своем вузовском преподавателе, научном руководителе, наставнике, А.Б. Пеньковский, “восстанавливая справедливость”, излагает, по студенческим записям 1940-х годов, новые для того времени и не потерявшие актуальности и поныне, мысли ученого об истории развития морфологического строя русского языка (именного склонения и повелительного наклонения).

Подход к диалекту как к любому языку, при котором необходимо изучать его звуковой и грамматический строй и определять его место в диалектном членении

языка, впервые сформулированный в конце 1920-х годов (В.Н. Сидоров, 1927; Р.И. Аванесов и В.Н. Сидоров, 1931), синхронное описание и группировка говоров не только как самоцель, а средство и материал для воссоздания истории национального языка на всей территории его распространения (Сидоров, 1949), – стали альфой и омегой современной диалектологии. Методика же, при которой анализируются общее и частное в говоре, продемонстрированная на примере изучения умеренного яканья в среднерусских говорах (с выводом об образовании его на основе севернорусских говоров) и других явлений, прочно вошла в практику синхронной и исторической диалектологии наших дней (см. К.А. Захарова “В.Н. Сидоров – диалектолог”).

В ряде статей авторы вспоминают о беседах с Владимиром Николаевичем и приводят его по-новому звучавшие ответы на различные лингвистические вопросы: о времени возникновения акающего произношения в Москве, о московском говоре как основе литературной нормы, о тенденции в современном русском языке к закрытости слога, о “трех штилях Ломоносова” (см. С.Н. Борунова, с. 39–40); о частях речи и о принципах русской орфографии (см. М.В. Панов, с. 81), об условных предложениях – он предостерегал от подмены описания языковых фактов особенностями их письменной передачи (см. В.А. Плотникова-Робинсон, с. 100–101), об издании скорописных текстов XVII в. с неразличением конечных букв *ъ* и *ь*, о вреде кардинального “упорядочения” современной русской орфографии (см. Р.В. Бахтурина, с. 126–128).

Для интересующихся историей Московской фонологической школы: о рождении, становлении и составе ее членов в разное время, о ее отличиях от Пражской и Ленинградской школ, о Ленинградской дискуссии 1949 г., – особый интерес представляют статьи Р.И. Аванесова, С.Н. Боруновой, Г.А. Бариновой, но прежде всего запись лекции, прочитанной самим В.Н. Сидоровым молодым сотрудникам Института русского языка АН СССР.

После окончания войны активизировалась работа по созданию различного

рода словарей. И.С. Ильинская и В.А. Плотникова рассказывают о мало кому сейчас известном участии В.Н. Сидорова в 1940–1950-е годы как автора и редактора в издании нового для того времени типа словаря – словаря языка отдельного автора. Задача словарной статьи в такого рода словарях заключается не столько в том, чтобы раскрыть семантику слова, сколько в том, чтобы показать его использование автором как художественного средства.

Разделы II и III – собственно исследовательские – содержат статьи, где почетатели В.Н. Сидорова делятся своими разысканиями в областях, близких интересам ученого: истории языка, исследования современного русского языка и языка художественной литературы.

А.А. Зализняк в статье “Древнерусская графика со смешением *ъ* – *о*, *ь* – *е*” делает вывод, что “смещение *ъ* – *о*, *ь* – *е* (*ь* – *е* – *ъ*) не просто ошибки плохо владеющих навыками письма писцов, а непонятно различительная система бытового письма с омофонией букв *ъ* и *о*, *ь* и *е*, возникшая на почве обучения книжному чтению, где вместо [ъ] и [ь] произносились [о] и [е]”.

В статье В.А. Дыбо “Правило Селищева – Вайана” это правило получает новую интерпретацию с точки зрения системы акцентных парадигм.

С.В. Дегтев в статье “К лексикографическому описанию переводных памятников славянской и древнерусской письменности” на примере анализа слов *поверзь*, *поворозъ*, *повразъ*, *слово*, *наперсника*, *примъсникъ*, *примъсокъ* показал необходимость при определении семантики слов из греческих переводов библейских книг обращаться не только к Септуагинте, но и к древнееврейскому тексту.

В статье С.К. Пожарицкой “Особенности семантики и синтаксиса беспредложного творительного падежа в севернорусских говорах” проблема соотношения диалектного и литературного языков рассматривается на примере семантики и синтаксиса выявленных автором типов беспредложного творительного падежа в архангельских говорах. Результатом анализа стал вывод: “Синтаксические типы значений беспредложного творительно-

го падежа в диалектах явно не получили такого развития, как в литературном языке” (С. 222).

А.В. Тер-Аванесова в статье “Отражении флексии *nom.-acc. dualis* в счетной форме существительных *a*-склонения в русских говорах (на материале Диалектологического атласа русского языка)” считает, что флексию *-e* счетной формы твердой разновидности *a*-склонения (*две жены*), встречающуюся в западнорусских говорах (на территории южных районов Новгородской, Псковской и Тверской областей), нельзя возводить к формам *dualis*: она восходит в одних системах *a*-склонения к синкретической флексии *gen.-dat.-log. sg.* и *nom.-acc. du.* древненовгородского диалекта, в других совпадает с формой *rod. p.* Только в немногих говорах соответствующая ей флексия после твердых согласных восходит к форме *dualis*. Счетная форма как особый падеж, характеризующийся ему одному свойственными окончаниями в рамках парадигмы *a*-склонения, имеется всего лишь в нескольких западнорусских говорах (*rod., dat., местн. p. ед. ч. жены, счетн. жене*).

В.З. Санников в статье “О значении союза *пускай / пусть*” существенно расширяет известные словарные представления о семантике этого союза, при этом убедительно и изящно возражает А. Вежицкой, поставившей на примере данного союза знак равенства между русским национальным и языковым сознанием.

Три статьи посвящены вопросам русской орфографии и показывают направление, в котором движется работа по ее усовершенствованию, упрощению.

В.В. Лопатин анализирует непоследовательное употребление разделительной буквы *ъ* и дефиса (“Буква *ъ* в современной русской орфографии”) в известных орфографических сводах 1954 и 1964 гг.; предлагает упростить эти правила, распространив постановку *ъ* на все случаи написания сложносокращенных слов с твердым конечным согласным первого компонента без соединительного гласного перед *e* (*je*), *я* (*ja*), *ю* (*ju*) второго компонента, а также заменить дефисные написания заимствованных имен напи-

саниями с *ъ* (*Кизильюрт, Ювясьярви, Шернъельм* и т.п.)

В статье С.М. Кузьминой рассматриваются “сложные взаимоотношения” между орфографической практикой и взаимоисключающими рекомендациями дефисного или слитного написания сложного прилагательного в орфографическом своде 1963–1964 гг., в словаре-справочнике “Слитно или раздельно?” Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой и подготовленном в Институте русского языка РАН Проекте 2000 г. Рекомендации первого опирались на семантико-синтаксический подход, при котором исходят из наличия/отсутствия сочинительного или подчинительного характера связи компонентов сложного прилагательного (*агитационно-пропагандистский, железнодорожный*). Букчина и Калакуцкая выдвинули формально-грамматический принцип – наличие или отсутствие у первого компонента суффикса. Расширение действия этого принципа в Проекте 2000 г. вызвало критику. Остановившись на преимуществах и недостатках каждого из указанных принципов, автор делает вывод: “...хотя тенденция к дефисному написанию прилагательных, имеющих в первой части суффикс, в самом деле, постепенно расшатывает семантико-синтаксический принцип, однако говорить о смене принципов, о том, что прежний принцип больше не работает, что слитное или дефисное написание сложных прилагательных определяется новым, формально-грамматическим принципом (см. [2]), по моему мнению, явно преждевременно, точнее говорить об их продолжающемся взаимодействии (см. [3]).

Л.Н. Булатова в статье “Существительные с предлогом или наречие?” в сложных случаях определения статуса словоформы, которая может быть и существительным с предлогом (*в даль*) и адвербиализованным словосочетанием (*вдаль*) при отсутствии прилагательного, уточняющего этот статус (*в туманную даль*), полагает возможным допустить двойное написание: *смотреть в даль* и *смотреть вдаль; в праве сделать и вправо сделать*. Но в бесспорных случаях, когда “исходное” существительное или его словоформа вышли из употребления,

предлагает закрепить слитное написание: *разбить вдребезги, сперепугу*.

Н.А. Еськова в заметке “О вариантах предлога *о, об, обо*” задается вопросом, не являются ли формальные признаки употребления вариантов *о, об* основанием для признания *двух* предлогов, и предлагает давать в словарях *две* статьи. Достаточных оснований для отказа от современной лексикографической практики, относящей предлог *о* (с вариантами *об, обо*) к числу сочетающихся с двумя падежами, полагаем, все-таки нет. Приписываемое грамматическое правило употреблять *о* с предлогным падежом перед согласным, а перед гласным – *об*, нарушается узусом не только современной устной речи (о чем не трудно убедиться на собственной практике, например, “Я не говорю *о* экзамене, *об* ней” и др.), но и письменной. Примеры, приводимые в статье из современной прессы (“речь ведь идет *о* исполнении госзаказа”, “Речь идет не *о* отдельной газете”), а также из произведений А. Наймана (“Рассказы *о* Анне Ахматовой”, “*о* имени”) интересны для нас не столько как “свидетельство наличия некоторых подспудных процессов, расшатывающих современные нормы”, а как *сохранение* того, что достаточно широко было представлено в языке XIX в., допускавшего свободное варьирование предлога с предлогным падежом и перед гласным, и перед согласным.

М.А. Гаспаров в статье “Краткие прилагательные на ритмико-синтаксическом посту” исследует историю ритмико-синтаксической формулы с двумя краткими прилагательными в сказуемом в первой строке 13 стихотворений XIX – первой половины XX в., написанных 4-стопным ямбом. В XIX в. круг входящих в нее кратких прилагательных невелик, в начале XX в. в поэзии В. Брюсова и его последователей вводятся дееспричастия, императивы, сравнительная степень прилагательных, меняются рифмы: появляются рифмы, где прилагательное рифмуется с другими частями речи. “Все эти находки тиражируются младшими поэтами – конечно, с некоторым ослаблением эффекта... В 4-стопном хорее такой зачин не развился”.

В исследовательских разделах помещены и две статьи: Н.А. Кожевниковой “Заглавие и текст” и Е.И. Голановой “Противоречие или закономерность? (о форме *колыбелечка*)”.

Самостоятельное значение имеет раздел IV, где собраны материалы из истории науки. Он открывается материалами, относящимися к талантливому историку языка петербуржцу Леониду Лазаревичу Васильеву (1877–1920), подготовленными Р.В. Бахтуриной. Здесь опубликованы ранее не известная, частично сохранившаяся работа Л.Л. Васильева “К какому времени восходит смягчение согласных перед гласными переднего ряда в современном русском языке?” (с подтверждением своей мысли о различии в древнерусском языке мягких и смягченных согласных) и 29 писем ученого А.А. Шахматову, А.И. Соболевскому, А.И. Лященко, Л.В. Ляпунову, Н.Н. Никольскому, Е.Ф. Карскому, подготовленный Н.Н. Дурново “Список научных трудов Л.Л. Васильева”. Публикации предваряет написанная по архивным материалам Санкт-Петербурга статья Р.В. Бахтуриной “Леонид Васильев” – очерк жизни и научной деятельности ученого, к Московской лингвистической школе не принадлежавшего, но которого очень ценил В.Н. Сидоров.

В этом же разделе находится и написанная известным акцентологом В.А. Дыбо статья “Загадка Л.Л. Васильев”. Автор показывает то, что и А.А. Шахматов, и А.И. Соболевский недооценивали научной значимости работ ученого и раскрывает ошибочность всех критических замечаний, высказанных Шахматовым в его рецензии на работу Л.Л. Васильева “О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII веков”.

Чрезвычайно интересен подбор материалов, подготовленных к печати и прокомментированных О.В. Никитиным – “Из истории Московской лингвистической школы”. Основную часть публикации составляют найденные в архиве РАН и ранее не публиковавшиеся документы. Содержание публикации сам Никитин характеризует так: «Это “соображения” по поводу разных лингвистических проблем представителей Московской линг-

вистической школы (М.Н. Петерсон, А.А. Реформатский, А.М. Сухотин), тезисы прочитанных ими докладов (А.М. Селищев, А.А. Реформатский), автобиографии или собственноручно заполненные анкеты (А.М. Сухотин, П.С. Кузнецов), планы различных курсов лекций (Д.Н. Ушаков, В.Н. Сидоров, Г.О. Винокур), рецензии на работы коллег (Д.Н. Ушаков об учебниках Р.И. Аванесова и И.Р. Палея, Д.Н. Ушаков о "Хрестоматии по истории русского языка" С.Г. Бархударова и С.Н. Обнорского; Р.И. Аванесов и В.Н. Сидоров о "Диалектологическом сборнике" под редакцией А.С. Ягодинского; И. Вологда, 1941; И. Вологда, 1942), многочисленные характеристики коллег и учеников, написанные Д.Н. Ушаковым (о А.М. Селищеве, И.Г. Голанове, Г.О. Винокуре, В.Н. Сидорове, С.С. Высотском), отчеты о научной и экспедиционной работе и материалы их обсуждения (Р.И. Аванесов, В.Г. Орлова, С.С. Высотский), планы и отчеты по диссертациям (С.С. Высотский).

Фрагменты переписки не только расширяют представление о научной деятельности ученых, но и раскрывают их личные качества, а также проливают свет на события их жизни, подчас драматические (А.А. Шахматов – Д.Н. Ушакову, Н.Н. Дурново – Н.Н. Соколову, Н.Н. Дурново – Д.Н. Ушакову, А.М. Селищев – Д.Н. Ушакову, А.М. Селищев – М.Н. Петерсону, И.Г. Голанов – Д.Н. Ушакову, Р.И. Аванесов – Д.Н. Ушакову). Публикуется и письмо-хатайство Д.Н. Ушакова И.В. Сталину о В.Н. Сидорове» (С. 308).

Раздел V – Приложения – открывает подбор фотографий в основном деятелей Московской лингвистической школы, – В.Н. Сидорова (и членов его семьи), Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, Д.Н. Ушакова, А.М. Селищева, М.Н. Петерсона, Н.Н. Дурново, Н.С. Трубецкого, И.Г. Голанова, Н.Ф. Яковлева, Г.О. Винокура, Р.И. Аванесова, П.С. Кузнецова,

А.А. Реформатского, А.М. Сухотина, С.С. Высотского, В.Г. Орловой, а также Л.Л. Васильева (и его родственников). Здесь же из архива В.Н. Плотниковой-Робинсон приведены страницы Бюллетеня, посвященного памяти В.Н. Сидорова (с прощальными словами А.А. Реформатского, В.Д. Левина, М.В. Панова); из архива А.А. Реформатского представлены его письма В.Н. Сидорову и И.С. Ильинской, статья "К 60-летию В.Н. Сидорова". Здесь же помещена автобиография В.Н. Сидорова, список его трудов, а также указатель работ о нем.

Вышедший сборник "Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова" несомненно представляет интерес. На его страницах предстает не только неординарная личность, обаятельный интеллигентный человек с глубокой и четкой научной мыслью, но и отражен целый пласт истории науки о русском языке, ее состоянии в 1920–1960-е годы XX в.

Вместе с тем нельзя не отметить отсутствие по непонятной причине титульного листа в сборнике, а также невыправленные опечатки на странице 402, где дважды в заголовках параграфов в книге В.Н. Сидорова напечатана буква ь вместо А.

© 2006 г. Т.А. Сумникова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского языка. Ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945.
2. Букчина В.А., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно? (Опыт словаря справочника). Изд. 7-е. М., 1989; Касаткин Л.Л. Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1995.
3. Кузьмина С.М. К проблеме кодификации слитно-дефисных написаний сложных прилагательных // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской. М., 1998.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ-ГУМАНИТАРИИ В МЕЖВОЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ”

21–22 июня 2005 г. в Институте славяноведения РАН состоялась конференция “Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии”, проведенная в рамках реализации проекта двустороннего научного сотрудничества с пражским Славянским институтом АН ЧР.

Конференцию открыл директор Института славяноведения РАН, д.и.н. *К.В. Никифоров*. Он подчеркнул важность и приоритетность изучения проблем российской эмиграции в межвоенной Чехословакии как для научных исследований Института, так и в плане развития научного сотрудничества с родственным по тематике Институтом в Праге. Директор последнего, д.и.н. *В. Вавржинек*, со своей стороны, поддержал российского коллегу и добавил, что чехи свято помнят о том, что русская эмиграция внесла неоценимый вклад в развитие культуры межвоенной Чехословакии и потому, когда после “бархатных” революций 1989 г. эмигрантская проблематика перестала быть запретной, чешские ученые с энтузиазмом взялись за ее разработку и добились в этом деле заметных успехов. И.о. заведующего отделом восточного славянства, к.и.н. *М.А. Робинсон* отметил, что столь представительная конференция по эмиграции проводится в Институте впервые, и подчеркнул серьезный вклад российских ученых в разработку данной проблематики на основе неиз-

вестных документов из архивов России, Чехии и Словакии.

Научную программу конференции открыл доклад д.и.н. *М.Г. Вандалковской* (ИРИ РАН) “Российские историки-эмигранты в межвоенной Чехословакии”. Автор раскрыла причины превращения Праги в интеллектуальный и научный центр эмиграции, показала общность взглядов на историческое развитие России и Чехословакии президента Т. Масарика и русских либералов, охарактеризовала “русскую акцию” помощи эмигрантам. В докладе показано, что русские историки *Е.Ф. Шмурло*, *А.А. Кизеветтер*, *Н.П. Кондаков*, *В.А. Францев*, *Г.В. Вернадский*, *П.Н. Савицкий*, *С.Г. Пушкирев*, *П.А. Остроухов*, *И.И. Лапко*, *А.Н. Фатеев*, *А.В. Флоровский*, *Е.Ф. Максимович* и другие составили костяк эмигрантской науки в Чехословакии и внесли вклад в изучение русской и мировой истории. Отмечена также роль правоведов и философов в развитии эмигрантской исторической науки. Указывая на широкий спектр развития наук в ЧСР – славистики, русистики, археологии, искусствоведения, литературы – *М.Г. Вандалковская* сосредоточила внимание на рассмотрении русской истории, традиционном и евразийском направлениях в историографии, показала их отличительные особенности, раскрыла вклад ученых в разработку отдельных проблем русской истории. Особое внимание докладчик уделила созда-

нию совместных чешско-русских исторических трудов, в частности, по истории местного самоуправления, актуального для ЧСР.

Л. Белошевская (СИ АН ЧР) в докладе “Русские литературоведы-эмигранты в межвоенной Чехословакии” показала, что российские филологи оказались востребованными на кафедрах славистики и русистики чехословацких университетов – В.А. Францев и Е.А. Ляцкий в Пражском (Карловом), В.А. Погорелов в Братиславском, С.Г. Вилинский и Р.О. Якобсон в Брненском. Докладчик охарактеризовала вклад российских литературоведов в развитие культуры ЧСР, многообразные курсы русских славистов по истории русской литературы и фольклора от средневековья до современности, показала их особый вклад в изучение творчества А.С. Пушкина, Ф.И. Достоевского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и др. Особое внимание автор уделила Семинарию А.Л. Бема в Русском народном университете (РНУ) по изучению Достоевского, объединившему русских ученых разных специальностей.

В докладе *В.Т. Буданова* (МГУ) “Т.Г. Масарик и русская акция” проанализирована политика чехословацкого правительства по проведению этого беспрецедентного мероприятия, роль Т.Г. Масарика, К. Крамаржа, В. Гирсы в его организации. Автор указал, что по идейным соображениям чехословацкий президент надеялся на недолговечность Советской власти и провозгласил одной из главных целей “русской акции” подготовку кадров, в том числе, научных для постбольшевистской России. На эту акцию было истрачено более полумиллиарда крон. Она была направлена не столько на ассимиляцию русских, сколько на сохранение собственно русской культуры, чему способствовало создание и поддержка многочисленных вузов, обществ, кружков, союзов, газет, журналов и пр. Автор классифицировал причины свертывания “русской акции” и пришел к выводу, что положение русской эмиграции в Чехословакии во многом благодаря политике Т.Г. Масарика было значительно лучше, чем в других странах.

Д.и.н. *В. Вавржинек* (СИ АН ЧР) в докладе «Участие русских византинистов в сборнике “Byzantinoslavica” в период между Первой и Второй мировой войнами» подчеркнул, что, несмотря на давние традиции чешской византистики, приезд крупных русских ученых (Н.П. Кондаков, Н.Л. Окунев и др.) в Прагу послужил новым мощным стимулом для развития византиноведения в Чехословакии. После смерти Кондакова был основан *Seminarium Kondakovianum*, преобразованный позднее в Археологический институт им. Н.П. Кондакова. В Славянском институте была создана Византиноведческая комиссия, куда вошли из эмигрантов А.П. Калигинский, Н.М. Беляев, Н.Л. Окунев и др. Автор подробно охарактеризовал содержание журнала “Byzantinoslavica”, в котором участвовали как чешские ученые и эмигранты, так и специалисты, оставшиеся в СССР. В. Вавржинек подчеркнул большую роль в европейской науке этого издания, достойно продолжившего богатые традиции дореволюционной российской византистики.

В докладе к.и.н. *Л. Гарбулевой* (Прешовский университет, Словакия) “Жизнь и творчество русских эмигрантов-гуманитариев в Словакии” отмечено, что первый этап плодотворной деятельности русских ученых в этом крае связан с именами историка Е.Ю. Перфецкого, филолога-слависта В.А. Погорелова, этнографа и фольклориста П.Г. Богатырева, правоведа Г.Н. Гарина-Михайловского, исследователя русских былин А.Д. Григорьева. В 1940-е годы свою деятельность в Братиславе начали филолог-русист И.В. Исаченко и философ Н.О. Лосский. Автор отметила, что русские ученые выступили здесь зачинателями изучения словацкой философии и этнографии, продолжали исследования по истории восточных славян, внеся весомый вклад в становление высшего гуманитарного образования в Словакии в целом.

Доклад д.и.н. *Е.И. Пивовара* и *Е.В. Вьюницкой* (МГУ) был посвящен теме “Питомцы и выпускники Московского университета в изгнании”. Авторы проанализировали анкеты пражского комитета по ознаменованию 175-летия

Московского университета – уникальный массовый источник, позволяющий воссоздать портрет эмигранта – выпускника университета. Было установлено, что 61% респондентов составляли выпускники юридического факультета, 14% – медицинского, 13% – исторического, 12% – физико-математического. Авторы пришли к выводу, что в ЧСР востребовались как крупные ученые – выпускники 1890-х годов, так и более молодые специалисты. Работу по специальности нашли в ЧСР врачи, юристы, историки и филологи. Многие преподавали в вузах и продолжали научную работу.

К.и.н. *М.Ю. Досталь* (ИСл РАН) выступила с докладом “Русские эмигранты и советские слависты: проблемы взаимоотношений”. Автор отметила, что в 20-е – начале 30-х годов XX в. существовало несколько каналов осуществления этих контактов. 1. Акция помощи голодающим в России по инициативе ученых Чехословакии. 2. Заграничные командировки российских славистов в ЧСР. 3. Участие советских ученых в заграничных научных конференциях. 4. Переписка и книгообмен между коллегами. В докладе указано, что в длительных командировках в ЧСР находились Р.О. Якобсон, П.Г. Богатырев, А.Л. Петров, Н.Н. Дурново. В кратковременные приезжали академики Е.Ф. Карский и Н.С. Державин. Первый был благожелательно принят в кругах эмиграции, второй – тщательно избегал контактов с ней. То же проявилось и при участии Карского в Первом съезде славянских географов и этнографов (1924), а Державина – в Первом съезде славянских филологов (1929). Автор пришла к выводу, что переписку и книгообмен с единомышленниками в эмиграции поддерживали ученые “старой школы” (Б.М. Ляпунов, П.А. Лавров, М.Н. Сперанский, Г.А. Ильинский, А.И. Соболевский, В.И. Срезневский и др.), в то время как ученые “новой формации” – Н.С. Державин и Б.Д. Греков уклонялись от контактов с эмигрантами.

Кандидат богословия *В.В. Бурега* (Московская дух. академия) охарактеризовал пражский период жизни протоиерея Сергея Булгакова (1923–1925), который преподавал здесь богословие на

Русском юридическом факультете, осуществлял религиозное руководство русскими студентами в Праге, предпринял издание журнала “Духовный мир студентов”, содействовал возрождению Братства Св. Софии, и, хотя не был назначен настоятелем Успенского храма в Праге, но много сделал для организации нормальной приходской жизни среди русских беженцев.

В докладе д.и.н. *В.И. Косика* (ИСл РАН) “Архиепископ Пражский Сергей (Королев) и П.Н. Савицкий: два портрета” говорилось о пастырской деятельности архиепископа Сергея в Праге, стремящегося реализовать идею “благодати общения” на практике. Большое внимание автор уделил личности и пути к “оборончеству” евразийца Савицкого, духовное начало которого по-новому раскрылось в переписке 1950-х годов с епископом Афанасием (Сахаровым), с которым он подружился в ГУЛАГе.

К.и.н. *Е.П. Серапионова* (ИСл РАН) подробно осветила в своем докладе деятельность Русского исторического общества (РИО) в Праге. Автор отметила, что целью Общества, основанного в 1925 г., провозглашалось: устройство заседаний с докладами, обработка библиографических материалов по историческим вопросам, создание коллективных работ. Общество последовательно возглавляли видные русские историки-эмигранты: Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтер, А.Н. Фатеев, А.В. Флоровский, Е.А. Ляцкий, П.А. Остроухов. В РИО входило до 60 членов. Общество издало четыре тома записок. В докладе указывалось, что главное внимание уделялось обсуждению проблем истории России, Чехии и Словакии, русско-чешских и русско-словацких связей. Историки-эмигранты специально не касались проблем современности, но свое отношение к революции и современной России выражали в обсуждении переломных моментов мировой истории. Автор пришла к выводу, что РИО содействовало научному общению русских и чехословацких историков, публикации исторических трудов, поискам “россики” в зарубежных архивах. Оно продолжило лучшие традиции отечественной историографии.

Н.Ю. Степанов (ИВИ РАН) прочитал доклад “В.В. Зеньковский и Русский педагогический институт им. Я.А. Коменского в Праге (1923–1926)”. Он отметил, что протопресвитер В.В. Зеньковский (1886–1963) являлся выдающимся ученым, богословом, философом, историком, педагогом и психологом. В Прагу он переехал из Белграда и оказался в центре борьбы за создание Института, став его первым председателем. Он читал здесь курс общей и педагогической психологии, принимал участие в составлении учебных планов и финансовых отчетов. Дальнейшая судьба ученого связана с Русским богословским Свято-Сергиевским институтом в Париже, где он создал свои основные философские труды.

Д.и.н. *Ю.Н. Емельянов* (ИРИ РАН) в докладе “К истории русско-чешского научного сотрудничества: издания Русского народного (свободного) университета (РН(С)У) в Праге” рассмотрел проблему вклада русских эмигрантов в изучение истории, культуры, литературы межвоенной Чехословакии, проанализировав содержание “Научных трудов” РНУ – РСУ и “Записок” РИО при университете. Автор констатировал интерес к исследованию различных аспектов чешской науки, культуры и общественной практики, истории русско-чешских научных и культурных связей. Автор согласился с мнением покойного чешского историка З. Сладека о том, что “эмиграция из России отблагодарила Чехословакию заслуживающим вниманием вкладом” в ее культуру.

М. Шнайдер (Регенсбургский университет, ФРГ) указал в своем докладе “Формы эмиграции из Чехословакии в СССР (1921–1939)”, что для 1920-х годов была характерна так называемая “сельско-хозяйственная колонизация” – в СССР поощрялось создание чешских товариществ-коммун. В начале 1930-х годов в связи с индустриализацией началась промышленная миграция: сюда привлекались чехословацкие инженеры и техники для работы в строительстве, горной и металлургической промышленности. Советские власти поощряли также переселение в СССР чешских и словацких коммунистов-политэмигрантов по линии ВКП(б) и МОПРа, которые после окон-

чания партшкол работали в партийных органах политпропаганды или Коминтерна.

Заседание конференции 22 июня началось с доклада профессора МГУ *Л.П. Лантевой* “Русский славист Н.В. Ястребов и его деятельность в эмиграции”. Автор подробно охарактеризовала российский период деятельности этого выдающегося историка-слависта, своим исследованием творчества Петра Хельчицкого внесшего весомый вклад в европейскую историческую науку. Она указала, что в период Первой мировой войны Ястребов разделял общественно-политические взгляды Т.Г. Масарика, выдвигал его в почетные доктора С.-Петербургского университета, поддерживал его дипломатические акции и тем самым внес неоценимый вклад в движение чехов за независимость. Недовольство большевистским режимом в России подвигло Ястребова на эмиграцию в Чехословакию. Несмотря на противодействие Я. Бидло, он был назначен в 1920 г. ординарным профессором славянской истории в Карловом университете, стал членом Исторического семинара наряду с Й. Пекаржем, Я. Бидло, Й. Шустою и В. Новотным. Ввиду болезни Ястребов успел прочесть в 1921 г. только курс по болгарской истории, а в 1922/1923 г. – лекции по истории современной Чехии для студентов-эмигрантов, отличавшийся энциклопедическим знанием предмета и объективностью изложения. Ястребов считал Чехословакию идеалом свободного государства, но указывал трудности и недочеты во внутренней политике. Скончавшись в мае 1923 г., он не успел реализовать в Чехии весь свой потенциал ученого, но оставил яркий след в дореволюционной русской историографии.

Ю. Янчаркова (СИ АН ЧР) в докладе “Н.Л. Окунев. Архив и Галерея славянского искусства” рассказала о плодотворной деятельности этого выдающегося исследователя византийского, древнерусского и средневекового сербского искусства в Праге, приехавшего туда в 1923 г. В 1925 г. он стал профессором Карлова университета и прямым продолжателем дела академика Н.П. Кондакова. В 1929 г. Окунев возглавил в университете Семинарий ви-

зантийского и восточно-славянского искусства. Став действительным членом Славянского института, он деятельно участвовал в журнале "Byzantinoslavica". Окунев приложил много сил для создания (1932) Архива, а потом Галереи славянского искусства, богатую коллекцию которой украшали картины А. Бенуа, Н. Гончаровой, О. Браза, З. Серебряковой, А. Яковлева и др. Ему удалось устроить в Праге в 1935 г. грандиозную "Большую историческую выставку русского искусства XVIII–XX вв." За 17 лет Окунев в одиночку бережно собрал 12 тыс. документов, относящихся к биографиям маститых и молодых художников, богатую фототеку и библиографические материалы, большинство которых, к сожалению, погибло.

В докладе *М. Магидовой* (Славянская библиотека, Прага) "Печать эмиграции и труды А.Л. Бема о Достоевском" (зачитанном Л. Белошеской) отмечено, что первые публикации в эмиграции выдающегося литературоведа о Л.Н. Толстом и Ф.М. Достоевском появились в варшавской политической и литературной, антибольшевистской газете "Свобода". В дальнейшем он печатался в пражском сборнике "Православие и культура" (1923), в парижской газете "Россия и славянство", в журнале "Голос минувшего в чужой стороне" и др. Не сложилось сотрудничество только с парижскими "Современными записками". Оригинальные литературоведческие работы А.Л. Бема и особенно первый сборник "О Достоевском" (Прага, 1929), составленный из трудов участников его Семинария об этом писателе, закрепил за ученым репутацию приверженца сугубо научной линии исследований, чуждых политической конъюнктуры.

К.и.н. *А.Н. Горяинов* (ИСЛ РАН) прочитал доклад "Пражская научная эмиграция и тернистый путь Т.А. Крюковой", в котором сообщил о своих изысканиях относительно научной судьбы этого интересного этнографа (1904–1978), состоявшей в переписке с А.Л. Бемом. Докладчик выяснил, что она, получив славистическую подготовку, по окончании ЛГУ попала в 1925 г. на стажировку в Прагу по протекции этнографа А.Л. Петрова. Для "совершенствования в славяноведении и

славянском языкознании" посещала лекции в Карловом университете в качестве вольнослушательницы. Она активно общалась с чешскими и русскими профессорами и студентами-эмигрантами, посещала Семинарий А.Л. Бема по Достоевскому, слушала лекции Г.В. Флоровского, И.И. Лаппо и Н.О. Лосского. Вскоре по возвращении в Ленинград в 1927 г. ее арестовали по делу посещаемого ею ранее религиозно-философского кружка И.М. Андреевского. Она была на три года выслана в родной Козьмодемьянск, и далее, уже в Ленинграде, отойдя от славистики, занималась исключительно проблемами марийской этнографии.

Доклад к.и.н. *Е.М. Мироновой* (ИВИ РАН) был посвящен деятельности дипломата и ученого Владимира Трифельевича Рафальского в межвоенной Чехословакии. Автор указала, что в годы Первой мировой войны он был сотрудником русского посольства в Риме. Не признав установления Советской власти и отказавшись от сотрудничества с нею, он был отчислен с дипломатической службы. Но деятельность российского посольства продолжалась. Рафальский был назначен омским правительством А.В. Колчака секретарем русской миссии в Праге, которая негласно и по окончании Гражданской войны вела работу по оказанию первоначальной помощи беженцам из России по устройству в Чехословакии. Он создал также в Праге клуб для молодежи "Русская беседа".

Д.и.н. *С.А. Беляев* (ИВИ РАН) подробно осветил "тернистый путь" в Прагу академика Н.П. Кондакова на основе неизвестных документов официального содержания, найденных автором в архиве Карлова университета.

А.Г. Гачева (ИМЛИ РАН) прочитала доклад "Философия общего дела Н.Ф. Федорова в духовных исканиях пражской эмиграции 1920–1930-х годов (К истории архивного собрания *Fedoroviana Pragensia*)", который является частью большого исследования о воздействии идей русского философа Н.Ф. Федорова (1829–1903) на религиозно-философскую и культурную жизнь первой волны эмиграции. Основное внимание автор уделила в этом плане деятельности общественного дея-

теля и философа-евразийца К.А. Чхеидзе (1897–1974), глубоко интересовавшегося идеями Федорова и проводившего их в пражскую эмигрантскую среду. Автор подняла вопрос о влиянии “Философии общего дела” Н.Ф. Федорова на русское евразийство. Она осветила также историю архивного собрания *Fedoroviana Pragensia*, основанного Чхеидзе в 1933 г. при Литературном архиве Чешского национального музея. Здесь были сосредоточены материалы по истории восприятия идей Федорова философами и писателями русского зарубежья.

Т.А. Джалилов (МГУ) представил в своем докладе усилия выдающегося пражского ученого Л. Нидерле по организации Славянского института в Праге, его деятельность на посту директора этого института и его тесные отношения с русскими учеными-эмигрантами.

М. Соучкова (Карлов университет, Чехия) осветила научную деятельность фольклориста А.Д. Григорьева (1874–1945) в Чехословакии и обстоятельства его переезда из Прешова в Прагу после отрицательного отзыва на работу об Архангельских былинах, данную братиславским профессором В.А. Погореловым. В Праге он читал лекции в РСУ, РИО, Археологическом институте им. Н.П. Кондакова, продолжал свои исследования в области этнографии, фольклора, славянских древностей, диалектологии, внося свой вклад в развитие этих областей знания.

И.В. Лемешкин (Карлов университет, Чехия) в своем докладе “Профессура Императорского Варшавского университета и Прага” охарактеризовал научно-педаго-

гическую деятельность варшавских профессоров, отвергнув историографический штамп о реакционности университета, и проследил судьбы некоторых из этих профессоров, перебравшихся в Прагу (В.А. Францев, Е.А. Ляцкий, А.Д. Григорьев) и органично вписавшихся в пражскую академическую среду.

Яркую картину деятельности Варшавского университета и его вклада в мировую славистику нарисовала в дополнении к докладу профессор *Л.П. Лантмева*.

В прениях по докладам выступила М.Г. Вандалковская, поставив вопрос о необходимости серьезной оценки научного качества трудов российских историков-эмигрантов. Ее поддержали в дискуссии Ю.Н. Емельянов, Л. Белошеская, Е.П. Серапионова, Е.М. Миронова и др.

Подводя итоги конференции *М.Ю. Досталь* отметила, что в ней приняли участие 23 докладчика (из 28 заявленных). Конференция носила комплексный характер, объединив усилия историков, философов, литературоведов и искусствоведов из России, Чехии и Словакии. В результате проблемы эмиграции получили разностороннее многопрофильное освещение. Предполагается публикация докладов, представленных на конференции.

Участники заседания выразили сердечную благодарность Оргкомитету (М.Ю. Досталь, Л. Белошеская, Е.П. Серапионова) за образцовую организацию международной конференции.

© 2006 г. *М.Ю. Досталь*

Славяноведение, № 4

В ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТАХ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

В диссертационном совете, принимающем к защите докторские и кандидатские диссертации по историческим наукам, в 2005 г. состоялись две защиты.

14 июня состоялась защита подготовленной в Институте славяноведения РАН в Отделе истории славянских народов Центральной Европы в Новое время

(научный руководитель д-р ист. наук Б.В. Носов) диссертации Кочегарова К.А. “Речь Посполитая и польско-российский договор о Вечном мире 1686 г.” на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Диссертация основывается на широкой источниковой базе как документальных публикаций, так и архивных материалов польского и российского происхождения. Значительная часть источников впервые введена в научный оборот. Диссертантом применен классический метод систематизации, научной критики и интерпретации исторических источников, основанный на их формальном, содержательном и сопоставительном анализе, что позволило, на основе максимального привлечения конкретного фактического материала, не только дополнить и обогатить картину дипломатической подготовки “Вечного мира” 1686 г.; внутреннего положения и внешней политики как Речи Посполитой, так и России в 1682–1685 гг.; роли ряда деятелей (Голицына, Украинцева, Чаадаева, Бутурлина) в формировании российского внешнеполитического курса; позиции знати Велико княжества Литовского. В диссертации убедительно представлен процесс вытеснения Польши Россией с позиции политического гегемона Восточной Европы.

Диссертационный совет присудил Кочегарову К.А. ученой степени кандидата исторических наук.

4 октября 2005 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Балакиревой А.В. “Чешская политическая элита и российский фактор. 1993–2003 гг.”. Диссертация выполнена в Отделе современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН (научный руководитель д-р ист. наук Э.Г. Задорожнюк). Рассмотрен стержневой аспект проблемы формирования новых межгосударственных отношений в контексте глобальных изменений всей системы международных отношений и трансформационных процессов, охвативших европейский регион на рубеже XX и XXI вв. В формировании структуры и приоритетов политических

элит в странах бывшего “восточного блока”, составляющих с конца 1980-х годов XX в. регион Центральной Европы, советский, а затем российский фактор всегда играл значительную, а в отдельные периоды их истории – решающую роль. В то же время коренные социальные изменения в этих странах оказывали существенное воздействие на советскую, а затем российскую политическую элиту и их предпочтения. В диссертации этот феномен исследуется на материале современной чехословацкой, а затем чешской истории.

Проведенный анализ позволил не только более четко уяснить специфические черты первого десятилетия развития Чешской Республики, существа и динамики отношения ее политической элиты к России, но и объяснить глубинные причины европейского (евроатлантического) выбора ЧР, проследить историю поиска новых концепций и моделей сотрудничества России со странами Центральной Европы, в первую очередь с Чехией.

Диссертационный совет присудил Балакиревой А.В. ученой степени кандидата исторических наук.

В диссертационном совете, принимающем к защите докторские и кандидатские диссертации по филологическим наукам, в 2005 г. состоялась защита пяти диссертаций (четыре – докторские и одна – кандидатская)

18 января 2005 г. состоялась защита диссертации (в форме монографии) “Этнолингвистическая география Южной Славии” (М., 2004) Плотниковой А.А. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Диссертация выполнялась в Институте славяноведения РАН в Отделе этнолингвистики и фольклора.

Работа, созданная в традициях московской этнолингвистической школы Н.И. Толстого с ее интересом к географии народной культуры и подчеркиванием первичности роли этнографической карты, вносит весомый теоретический и практический вклад в развитие славянской этнолингвистики и ареалогии; в диссертации впервые осуществлено картографирование значительного корпуса диалектного, этнографического и фольклорного материала, почерпнутого из диа-

лектных словарей, этнографических описаний, архивных данных и полевых записей, собранных диссертантом в селах Сербии, Болгарии, Македонии; по масштабности, уровню решения научных проблем и полученным результатам новаторская диссертация А.А. Плотниковой, практически представляющая собой Атлас духовной культуры (т.е. наиболее архаической диалектной лексики) Южной Славии, – уникальный, многоаспектный источник для дальнейшего изучения проблем славянской лексики, этногенеза славян и создания полного этнолингвистического атласа Балканского полуострова.

Решением Президиума ВАК России от 16 декабря 2005 г. Плотниковой А.А. присуждена ученая степень доктора филологических наук.

1 февраля 2005 г. состоялась защита диссертации гражданина Литвы Разаускаса Д.Р. «Лексико-семантический анализ мифологических концептов: символика “рыбы” в балто-славянской традиции (с привлечением индо-иранских данных)» на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Диссертация выполнена в Отделе типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН. Научный руководитель акад. РАН В.Н. Топоров.

Исследование посвящено теории концептов, которая находит отражение как в исследованиях современной картины мира, так и в реконструкциях на основе лингвистического материала. Специальных научных трудов, посвященных концепту “рыба”, до сих пор не было. Диссертационное исследование Д.Р. Разаускаса первое на эту тему и уже только по этому новаторское со многих точек зрения. Вслед за Мирче Элиаде автор, ставя перед собой задачу реконструировать архетипы “коллективного бессознательного”, исследует представления, связанные с рыбами в нескольких родственных языковых традициях (балтийской, славянской и в меньшей степени индо-иранской).

Диссертационный совет присудил Разаускасу Д.Р. ученую степень кандидата филологических наук.

15 марта 2005 г. состоялась защита диссертации Успенского Ф.Б. “Династи-

ческое имя в средневековой Скандинавии и на Руси” на соискание ученой степени доктора филологических наук. Диссертация выполнена в Отделе типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН.

Объект диссертационного, междисциплинарного по своей сути исследования Ф.Б. Успенского – “историческая семантика имени”. Цель исследования – поиск языка описания имени собственного как историко-культурного феномена. Вопросы, связанные с имйнарением, рассматриваются Ф.Б. Успенским на примере династических именословов одного хронологического среза двух типологически сходных раннегосударственных структур (средневековых Скандинавии и Руси) в разных аспектах: лингвистическом (этимология и историческое словообразование), источниковедческом (письменные и археологические источники), историко-культурном, что определяет новизну разработанной автором методологии исследования и полученных им результатов. Особое значение имеет теоретическая значимость для истории языка и истории культуры, для современной лингвистики (и шире – филологии) осуществленной Ф.Б. Успенским реконструкции процесса складывания межэтнического именослова правящих династий как своеобразного наддиалектного “языка” культуры “контактной зоны” на оси международного пути “из варяг в греки”.

Решением Президиума ВАК России от 16 декабря 2005 г. Успенскому Ф.Б. присуждена ученая степень доктора филологических наук.

31 мая 2005 г. состоялась защита диссертации Адельгейм И.Е. “Поэтика молодой польской прозы 90-х годов XX века” на соискание ученой степени доктора филологических наук. Диссертация выполнена в Институте славяноведения РАН в Отделе истории славянских литератур.

Диссертация является новаторским исследованием характерных для современной беллетристики Польши идейных и художественных тенденций, созвучных процессам, проходящим в российской, европейской и мировой культуре, и представляет собой редкое исключение из об-

щего ряда академических трудов историко-филологической тематики, поскольку осмысляет творческую практику польских писателей наших дней и совсем недавнего прошлого, опровергая тем самым распространенную теорию “необходимой временной дистанции”. Ценнейшей частью диссертационного исследования уже признан составленный И.Е. Адельгейм и скромно названный ею “Сведения об авторах” биобиблиографический словарь польских писателей “новой волны”. Диссертация носит “провокативный” характер, побуждающий участвовать в обсуждении поставленных в нем вопросов. Несмотря на “пестроту мозаики” (126 анализируемых произведений, 67 теоретических работ, 184 литературно-критические работы, 10 интервью и бесед с молодыми писателями), И.Е. Адельгейм, скрупулезно отбирая факты, корректно их анализируя и истолковывая, создала целостную картину, широкую панораму польской художественной прозы последнего десятилетия XX в.

И.Е. Адельгейм решением Президиума ВАК России от 25 ноября 2005 г. присуждена ученая степень доктора филологических наук.

21 июня 2005 г. в диссертационном совете прошла защита выполненной в Отделе истории славянских литератур Института славяноведения РАН диссертации Тихомировой В.Я. “Польская проза о Второй мировой войне в социокультур-

ном пространстве конца XX – начала XXI в.” на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Профессионально проведенное исследование В.Я. Тихомировой посвящено стержневой теме новейшей польской литературы, корректирующей национальную идентичность поляков, и содержит аргументированное истолкование, полемичное по отношению к представлениям, ранее сложившимся в польском культурном ареале по проблемам польской литературы о Второй мировой войне. Главное внимание уделено “фронтовой” литературе, произведениям, посвященным польской военной эмиграции и еврейской мартирологии, “немецкому” течению и метаморфозам “стереотипа немца” в новейшей польской словесности. Значительное место отведено литературе “лагерной” (как о нацистских, так и о советских лагерях), которая оказывается “первоклассным и уникальным источником” для анализа укорененных в национальном сознании этнических стереотипов. Весьма убедительно представлен контекст реанимирования “антирусского синдрома”, ставшего на рубеже XX и XXI вв. доминантой польских средств массовой информации.

Решением Президиума ВАК России от 27 января 2006 г. Тихомировой В.Я. присуждена ученая степень доктора филологических наук.

К ЮБИЛЕЮ ЛЮДМИЛЫ ЭДУАРДОВНЫ КАЛНЫНЬ

Людмила Эдуардовна Калнынь является признанным специалистом в области славянского языкознания. Основное направление ее деятельности сосредоточено в области исследования славянских диалектов в синхронном, диахроническом, а также социолингвистическом аспектах.

Ученица Р.И. Аванесова, который является одним из создателей концепции Московской филологической школы и автором основополагающих принципов теории диалектологии как специального раздела языкознания, Людмила Эдуардовна во многом продолжает традиции школы своего учителя. В то же время в своих работах (которых насчитывается около 200, из них – девять монографий) она по-новому формулирует задачи изучения диалектов как вариантов национального языка и на этом пути предлагает новые решения.

Для творческой манеры Людмилы Эдуардовны характерно органическое соединение постановки важных теоретических проблем с детальным анализом большого фактического материала. Особенно крупным ее достижением следует считать разработку теоретических основ и методики описания диалектов как синхронных систем и их сопоставительного исследования. Так, в ряде ее работ последовательно проводится идея, согласно которой первой исследовательской задачей диалектологии является синхронное описание диалекта как языка, используемого территориально ограниченным коллективом. Только такое описание может дать действительно полное представление об устройстве диалекта на всех уровнях (фонология, словообразование, морфология) и исключить традиционно применяемый дифференциальный подход к его обследованию. Синхронное описание диалекта должно базироваться на основе специально составленных программ, обеспечивающих получение материала, достаточного для моделирования выбранного фрагмента системы диалекта. Людмила Эдуардовна является первым и единственным диалектологом, выдвинувшим идею необходимости создания таких программ. Именно она составила их и применила при обследовании фонетики и устройства слога в русских, украинских, белорусских диалектах (аналогичные программы для польских диалектов были составлены и применены соавтором Людмилы Эдуардовны – Л.И. Масленниковой), а также для обследования фонетики болгарского диалекта. Синхронная модель диалекта (или ЧДС) является исходным компонентом диалектного членения, а собрание ЧДС может быть основой для моделирования системы более высокого уровня, сочетающей постоянные и варьирующиеся звенья. Максимальная модель, отражающая устройство диалектного компонента национального языка в полном его составе – это, по терминологии Р.И. Аванесова, *диалектный язык*. Такая модель, как предельная задача описательной диалектологии, практически неосуществима, и поэтому Л.Э. Калнынь обосновывает целесообразность *фрагментарного* моделирования диалектного языка на основе серии синхронных описаний отдельных говоров. Реализации этой теоретической концепции посвящены многие ее работы: см., например, монографии “Опыт моделирования системы украинского диалектного языка” (1973), “Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов” (1981), “Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации” (1993), а также статьи “О предмете и задачах описательной диалектологии” (1970), «Диалектологический аспект проблемы “язык и диалект”» (1976) и многие другие.

В научной деятельности Людмилы Эдуардовны приоритетное место занимают работы по фонетике и фонологии диалектов. Именно на фонетическом материале она продемонстрировала *принципиально новый* образец синхронного описания отдельных славянских диалектов (русских, юго-западных украинских, белорусско-полесского, восточноболгарского). Такой тип описания

характером и объемом даваемой информации по своей сути отличается от так называемых монографических описаний одного говора, поскольку обеспечивает получение сведений об инвентаре используемых в диалекте звуков языка, о правилах их сочетаний и чередования. Считаю, что изучение фонетического строя любого идиома должно начинаться с уровня звуковой синтагматики, Людмила Эдуардовна на практике придерживается не раз высказываемого в науке мнения, что правила звуковой синтагматики шире их лексической реализации. В соответствии с этим в фонетику диалекта включаются синтагматически допустимые, но незафиксированные сочетания, для выявления которых разработана специальная методика. Тем самым обеспечивается надежность последующих фонологических построений, исключая при этом любую умозрительность (что нередко присутствует в фонологических описаниях диалектов). Тип синхронного описания фонетики диалектного идиома, предложенный и реализованный Л.Э. Калнынь, может считаться образцом, который открывает принципиально новые перспективы в изучении диалектов вообще. Специально определению синтагматических характеристик одного фрагмента славянской диалектной фонетики посвящена монография “Синтагматика сонантов в славянских диалектах” (2005). Работа впервые предлагает весь имеющийся к настоящему времени объем информации о названных согласных и дает типологическую характеристику их синтагматического поведения.

Л.Э. Калнынь является славистом широкого профиля. Свои работы она основывает на материале разных славянских языков. Это и названное выше монографическое исследование украинских диалектов, и типологическая интерпретация фонетики лужицких диалектов в книге “Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке” (1967). Но чаще данные разных славянских диалектов используются в сопоставительном плане.

Великолепное практическое знание современного состояния славянских диалектов и особенностей их функционирования, во многом основанное на полевой практике, привело Людмилу Эдуардовну к созданию таких новаторских трудов, как “Опыт изучения слога в славянских диалектах” (1985) и “Изучение вариативности в славянских диалектах” (1995) (оба в соавторстве с Л.И. Масленниковой). Значение этих исследований для славянской диалектологии и, в целом, для лингвистики трудно переоценить. Помимо того, что данные монографии в полном объеме содержат всю существующую историю вопроса о слоге и вариативности, в них на этом фоне *впервые* на большом, практически исчерпывающем конкретном материале, собранном в каждом говоре по одной и той же программе, сопоставляются реальные факты (из четырех говоров – в работе о слоге и из семи – в работе о вариативности) и, в итоге, делаются чрезвычайно убедительные и подчас неожиданные выводы. В первой монографии именно таким является вывод об *уровневой пограничности* слога как о его онтологическом свойстве в языках (диалектах) с неунифицированным типом слогоделения. Слог, как продукт речевого уровня, функционально незначим, но выделение слогов (т.е. слогоделение, производимое самими говорящими в соответствии с их представлением о произносительном удобстве) имеет последствия на функционально значимом уровне, поскольку нарушает фонематические характеристики, актуальные в связно произнесенном слове, а это уже уровень языка. Во второй монографии, обратившись к популярной в современной лингвистике проблеме вариативности в языке, Людмила Эдуардовна сочла необходимым уточнить это понятие как таковое. Было введено понятие *ситуативной совместности вариантов*, что предполагает сопоставление вариантов в выбранном идиома лишь на одном уровне (эмическом или этическом) и в рамках одного стилистического варианта. Подобное ограничение понятия вариативности дает основания для достижения адекватного представления о динамике того или иного фрагмента языка/диалекта. Очень важно, что вариативность рассматривается в неразрывной связи со стабильностью некоторых, не поддающихся варьированию, фрагментов идиома. В принципе, причины не только вариативности, но и стабильности требуют своего объяснения. Монография, посвященная вариативности, несомненно, представляет собою значительный этап в изучении этой проблемы.

Людмила Эдуардовна является автором работ, в которых отдельные фрагменты фонетических систем славянских языков (диалектов) получают диахроническую интерпретацию. Интерес к проблемам исторической диалектологии проявился у Л.Э. Калнынь уже в самом начале ее научной деятельности: кандидатская диссертация – “Коломенские говоры в их истории и современном состоянии” (1952). В конце 1950-х годов она начала работать над проблемой становления в славянских языках корреляция палатализованности. Как известно, именно данная корреляция занимает в фонологических системах многих славянских языков одно из центральных мест, выступая в качестве компонента их типологической характеристики и тесно взаимодействуя с явлениями смежных уровней. Одно за другим вышли монографические описания корреляции твердых и мягких фонем в русском (1956), белорусском (1959) и украинском (1962) языках. А в 1961 г. был опубликован обобщающий труд “Развитие корреляции твердости–мягкости согласных фонем в сла-

вянских языках”, сразу ставший настольной книгой многих славистов фонологов и историков языка и не потерявший до сих пор своей научной значимости.

Значительным достижением в области исторического изучения славянской фонетики стала монография “Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах” (2001). В ней автор обосновывает фундаментальное положение, согласно которому фонетические изменения (как в синхронном, так и диахроническом аспектах) регулируются характером связи между звуками в линейной последовательности. Контактные и дистактные связи между звуками задаются в фонетической программе слова. Анализ материала через призму такой программы привел к новой интерпретации ряда известных в славянской фонетике явлений (например нижнелужицкая рефлексация *o, правила формирования консонантной корреляции по участию голоса, оглушение сонантов и др.). Бесспорно, в этой работе намечено новое направление в исследовании фонетических изменений.

Людмиле Эдуардовне присущ интерес к изучению диалектов на всех этапах этого процесса, начиная с полевого цикла. Она не только обследовала диалекты для своих исследований, но и участвовала в сборе материала для атласов (ДАРЯ, КДА, ОЛА, Sorbischer Sprachatlas). Отсюда логично вытекают и ее занятия лингвогеографией. Здесь прежде всего следует отметить ее в высшей степени плодотворную работу в “Общеславянском лингвистическом атласе” (ОЛА). Являясь членом Международной комиссии ОЛА при МК славистов, Людмила Эдуардовна проводит большую организационную и авторскую работу. Она автор многих карт на отдельные словоформы и обобщающих/сводных карт в фонетико-грамматических выпусках ОЛА – “Рефлексы *e” (Белград, 1988), “Рефлексы *e” (М., 1990), “Рефлексы *Q” (Warszawa, 1990), “Рефлексы *vl, *bl, *br, *br” (Warszawa, 1994); значительный вклад внесла Людмила Эдуардовна в создание подготовленного к печати выпуска “Рефлексы *o”. Кроме того, она постоянно публикует статьи в серийном издании “ОЛА. Материалы и исследования”.

Необходимо отметить и активное участие Людмилы Эдуардовны в другом лингвогеографическом проекте – “Восточнославянские изоглоссы”. В вышедших выпусках ВСИ (1995, 1998, 2000) ею выполнены комментарии и карты, которые сочетают методы как лингвогеографии, так и описательной и сравнительно-исторической диалектологии. Эти работы вызывают, как правило, самую высокую оценку рецензентов и являются настоящим украшением данного коллективного труда.

Людмила Эдуардовна является одним из основателей публикуемого Институтом славяноведения РАН серийного издания “Исследования по славянской диалектологии”. С самого начала в этом издании предполагалась публикация работ, отражающих разные аспекты устройства и функционирования славянских диалектов с особым акцентом на аргументирование полученных результатов реальным фактическим диалектным материалом. Издание получило признание научной общественности и, начав выходить в 1992 г., к настоящему времени уже насчитывает 11 выпусков.

Научная и организационная деятельность Людмилы Эдуардовны настолько многогранна, что охватить все ее достижения в рамках ограниченного объема статьи невозможно. Но и из сказанного можно заключить, что в настоящее время она занимает одну из ведущих позиций в славянском языкознании, являясь генератором ряда идей и направлений, которые могут послужить дальнейшему развитию науки.

© 2006 г. Т.В. Попова

Славяноведение, № 4

К ЮБИЛЕЮ ЛИДИИ ЕГОРОВНЫ СЕМЕНОВОЙ

27 января 2006 г. свой юбилей отметила доктор исторических наук Лидия Егоровна Семенова. В течение многих лет именно благодаря ее усилиям отечественный читатель получал в свои руки изложение средневековой истории Румынии на современном научном уровне в изданиях самого разного типа – от вузовских учебников до академических изданий, таких, как “История Европы” и “Краткая история Румынии” (1987), в которых Л.Е. Семеновой принадлежат соответствующие разделы с древнейших времен до 1830 г.

Довольно рано определилась область непосредственных научных интересов юбиляра – история внешней политики Дунайских княжеств – Молдавии и Валахии, их отношений с соседями и прежде всего с Россией. Л.Е. Семенова сыграла огромную роль в подготовке фундаментальной комментированной трехтомной публикации источников “Исторические связи народов СССР и Румынии” (1965–1970). Третий том этого издания составили документы, выявленные ею в отечественных архивах и впервые введенные в научный оборот. Издание закладывало солидные основы для изучения самых разнообразных связей России и Румынии в период средневековья. Оно также наглядно показывало, какие богатые возможности для изучения этой темы открывают отечественные архивы.

Эти возможности самым широким образом использовала Л.Е. Семенова в своей научной деятельности. Вышедшая в 1969 г. монография “Русско-валахские отношения в конце XVII – начале XVIII вв.” положила начало серии исследований, посвященных изучению истории отношений России с Дунайскими княжествами в период средневековья и раннего Нового времени.

Начатые в Институте истории, а затем Институте всеобщей истории, эти работы нашли затем свое продолжение в стенах Института славяноведения и балканистики, сотрудником которого Л.Е. Семенова стала в 1968 г. В этих исследованиях автор, вводя в научный оборот богатейший архивный материал, воссоздала яркую картину исторического развития двусторонних связей со времени первого установления политических контактов России с Дунайскими княжествами во второй половине XV в. до событий первых десятилетий XIX в., связанных с выступлением Александра Ипсиланти и восстанием Тудора Владимиреску. В исследованиях Л.Е. Семеновой показано, как крепили и развивались эти связи по мере усиления международных позиций России и роста народно-освободительного движения в княжествах, как пробуждались надежды молдавского и валахского обществ на поддержку России в борьбе с османским игом, какую роль сыграла Россия в их начавшемся освобождении от власти османов.

Ряд работ юбиляра посвящен одной из центральных проблем истории средневековой Румынии – характеру отношений Дунайских княжеств с их сюзереном – Османской империей в XV–XVIII вв. Работы, в которых был показан реальный характер этих отношений, послужили для Л.Е. Семеновой опорой в решении одной из сложнейших проблем исторического прошлого Румынии – вопроса о происхождении так называемых “капитуляций” – текстов соглашений между Дунайскими княжествами и Османской империей, сохранившихся в списках конца XVIII – начала XIX в. В специальной монографии, представляющей собой подлинный шедевр источниковедческого исследования («Отношения Дунайских княжеств с Османской империей в конце XIV – первой трети XVI в. (к проблеме “капитуляций”»). М., 1989), Л.Е. Семенова показала, что “капитуляции” – это документы зарождающегося освободительного движения, отражающие попытки его участников добиться для княжеств более сносных условий существования под властью Османской империи.

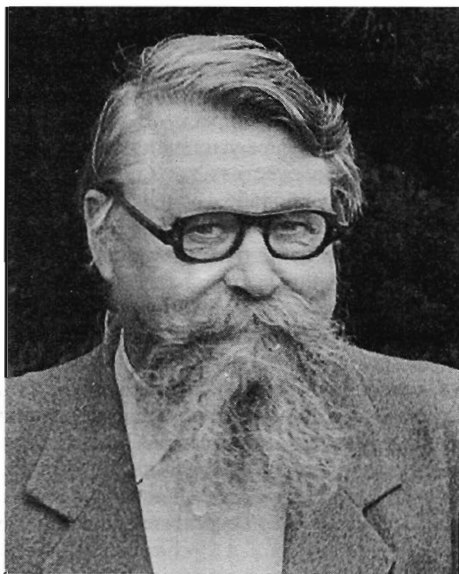
С именем Л.Е. Семеновой тесно связан ряд крупных научных начинаний, осуществленных в стенах Института. В значительной степени благодаря ей был подготовлен и увидел свет трехтомный труд “Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (1984–2001 гг.)”, охватывающий период со второй половины XV до конца XVII в., труд, не имеющий аналогов в исторической науке. В нем Л.Е. Семеновой дана синтетическая характеристика отношений Дунайских княжеств с Османской империей и другими соседями.

Другое важное научное начинание – это подготовка фундаментальной публикации источников из отечественных и зарубежных архивов, посвященной важным событиям, происходившим в восточной части Европы в 50-х годах XVII в.

В последнее десятилетие Л.Е. Семенова подводит итоги своих многолетних исследований внешнеполитической истории Дунайских княжеств. В 1994 г. увидела свет ее книга “Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV – первая треть XVI в.)”. В настоящее время Л.Е. Семеновой подготовлен к печати обобщающий труд, освещающий роль Дунайских княжеств в системе международных отношений XVI–XVII вв.

Многие годы Л.Е. Семенова вела большую научно-организационную работу как секретарь (затем – заместитель председателя) советской, а в настоящее время российской части Комиссий советско-румынских и российско-румынских историков. В том, что контакты историков двух стран заметно активизировались со второй половины 1990-х годов, ее немалая заслуга. Л.Е. Семенова встретила свой юбилей полная энергии и планов, готовая нести на своих плечах груз большой и разнообразной работы.

Дирекция, коллектив Института, редколлегия и редакция журнала “Славяноведение”, в котором Л.Е. Семенова неоднократно публиковала свои исследования, поздравляют дорогую Лидию Егоровну с юбилеем, желают ей здоровья и новых творческих успехов.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО СЛАВИСТА: ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ТОПОРОВ (1928–2005)

Научное наследие Владимира Николаевича Топорова огромно в количественном отношении и весьма многообразно по содержанию. Среди разных аспектов гуманитарного и точного знания, его интересовавших и им обогащенных, в данном сообщении выбраны только самые показательные из собственно славистических работ и те, которые, как касающиеся балто-славянской проблематики, непосредственно с ними смыкаются. Все остальные могут быть упомянуты лишь попутно и лишь в той мере, в какой они так или иначе связаны со славяноведением.

Славистикой в самом широком смысле, включающем исследование языков, литератур, фольклора, мифологии и религии, других областей культуры, ранней социальной организации и этнической истории каждого из славянских народов и их общего наследия, Владимир Николаевич Топоров заинтересовался еще до своего поступления в университет в 1946 г. Весь круг работ Топорова о славянском язычестве своими корнями уходит в семейное и родовое наследие, которое было частично воскрешено и расширено опытом военных лет, проведенных в эвакуации в Коврове. Русские заговоры, индоевропейские истоки которых он выявит в особой монографической статье “Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы)” (М., 1993), были ему из-

вестны из ранних домашних впечатлений: умением заговаривать еще владел по наследству его отец. Топоров с дворового детства познакомился и с такими присказками, считалками и текстами, проговариваемыми во время игр, в которых позднее он нашел обломки поверий глубокой древности. Непреходящая значимость Топорова для русской культуры связана и с уникальным соединением в нем высокой европейской образованности с наследием русских деревенских знахарей, колдунов и чернокнижников. Вместе с тем он тяготел к дворовому фольклору и неприкрашенной устной речи Москвы и среднерусской провинции второй четверти двадцатого века.

В массе прочитанного, усвоенного и обдуманного им еще в последние школьные годы стоит выделить некоторые основные темы, к которым он станет возвращаться позднее, в том числе и в самые последние годы жизни. Чтения и размышления той ранней предвуниверситетской поры, как у многих способных юношей, особенно касались философии и религии. Он был природным мыслителем и рано понял это. Первым занятием при вступлении в жизнь, в старших классах школы, было знакомство с мировой философией. Его уже тогда стали занимать проблемы христианской религиозной мысли. Более того, религиозные размышления подвели совсем еще юного искателя жизненного пути к вопросу: а не лучше ли всего постричься в монахи? Тогда, в середине сороковых годов (когда Русская Православная Церковь только начинала еще новый период жизни, выйдя из полуподпольного существования и осуществляя компромисс с Властью), он не последовал этому импульсу. От собственного пострига он отказывается, но в нем все больше крепнет тяга к высоким образцам монастырского служения, которым посвящена двухтомная монография о русских святых, принадлежащая к последним его фундаментальным сочинениям. Поскольку в ней подводился итог многому обдуманному и сделанному в предшествующие годы, эта книга остается важной частью завещанного нам Топоровым, и краткий ее обзор кажется необходимым введением в характеристику более специальных его работ. Первый том посвящен началу христианства у славян и первому его веку на Руси: "Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. Первый век христианства на Руси" (М., 1994). Книга напечатана в начале новейшего периода русской истории; она обращена одновременно к носителям религиозного сознания и к тем, кому (даже и при отрицании узкоконфессионального подхода) доступна его "ноосферическая ткань" (С. 10). В этой книге глубокие познания в истории русского православия раскрыты современным человеком, уверенным в важности этого опыта для живущих в наше время, к которым он обращается с поучением, основанным на материале прошлого. Это и часть русской богословской литературы, и исповедальный литературный памятник, выразивший существенные черты создавшей его выдающейся личности, сформированной всем ходом русской духовной истории. Для всех нас, я думаю, сейчас важнее всего вопрос, который я обозначил бы как "Топоров и Россия". Когда пятый акт трагедии его жизни завершился, нужно думать о продолжении, о том, в какой мере масштаб его личности будет оценен, его голос будет услышан, его пророчества поняты, насколько последуют его четко высказанным советам. О России и ее неслыханных возможностях в сопоставлении с другими странами Европы Владимир Николаевич задумался еще школьником. Топоров в конце школы (в самом начале послевоенных лет) увлечен этой проблемой. Он всегда видел судьбу России в историческом разрезе – в том большом времени, в котором он жил вместе со всей культурой русского прошлого и в котором им сделанное остается как великое выражение вечных ценностей русского Духа. В предисловии к книге о святости автор рассказывает о том, как он к рубежу 1970-х и 1980-х годов подошел к осознанию долга написания книги, по условиям времени части которой появлялись за границей (в Нидерландах): в переработанном и расширенном виде они и составили первый том, открывающийся исследованием одного из наиболее оригинальных сочинений в кирилло-мефодиевском наследии – "Прогласа" Константина Философа (этому тексту Топоров до того посвятил несколько детальных статей). В качестве приложений к этой части даны этюды о терминах, связанных с именем Софии, и анализ Жития Константина-Кирилла, а также разбор сербо-хорватского заговора, на примере которого вводится понятие возвратности. Дальше в первом томе рассматривается "Слово о законе и благодати", вопрос об еврейском элементе в Киевской Руси (Топоров одним из первых отозвался на публикацию важнейшего для этой проблемы текста кембриджского письма из архива каирской генизы) и о древнерусско-еврейских литературных связях в XI–XVI вв. К отчасти сходным темам, касающимся истории православия, Топоров обратится и в статье в сборнике памяти священника Александра Меня, с которым его связывали дружеские отношения. Центральный для книги вопрос о понимании святости рассмотрен с характерной для всего научного творчества Топорова этимологической точки зрения: читая его, невольно вспомнишь идею Ницше о лингвистическом подходе к истории нравственных понятий. Топоров в этом был сыном своего века, для которого историки философии чуть ли ни главную черту видят в "языковой ориентированности". Топоров в книге подробно разбирает этимологию балто-славянского и иранского названия "святого", добавляя интересные гипотезы, касаю-

щиеся возможно родственных слов в восточно-иранском (хотано-сакском) и быть может тохарском (С. 353–462), а также германском (откуда следует северо-западно-индоевропейское приурочение изоглоссы). Характерная для первого тома (да и для всей работы в целом и шире – для творчества Топорова) открытость автора по отношению к признанию вклада других этносов сказалась и в экскурсии об иранском мифологическом элементе в русской культуре; к этой проблеме Топоров обращался и во многих других своих сочинениях, из которых едва ли не самыми ценными представляются те, которые связаны с иранскими параллелями былине о Святогоре и с серией выражений, включающих слав. **mirъ*: кажется возможным сопоставление этих языковых и мифологических фактов с археологическими данными о распространении митраизма на Востоке Европы. Из отдельных ценных наблюдений стоит отметить обнаруженный Топоровым параллелизм эпитета бога Хорса в “Слове о полку Игореве” и аналогичной авестийской формулы (С. 523); замеченный иранистами возможный хорезмийский отпечаток иранизмов в “Слове” согласуется с выводами Топорова о вероятной роли Хорезма и хорезмийской гвардии Хазарского каганата для этих раннеславянско-иранских контактов. В первом томе книги о святости переход от языческого понимания сакрального к христианскому демонстрируется на примере Бориса и Глеба. Творческое собиране души и труженичество во Христе показаны в главе о Феодосии Печерском, в конце которого Топоров кратко формулирует животрепещущие вопросы соотношения собственности, свободы и справедливости.

Во втором томе “Святость и святые в русской духовной культуре. Т. II. Три века христианства на Руси” (М., 1998) Топоров обращается к векам, предшествующим появлению Сергия Радонежского, а затем и к личности и достижениям Сергия. Мне кажется, что возврат к роли этого ярчайшего действующего лица нашей духовной истории был знаменем времени. Андрей Тарковский рассказывал мне, как в период подготовки фильма о Рублеве он был погружен в эпоху Сергия Радонежского. Второй том книги о святости Топоров начинает с важнейшей для мировоззрения автора проблемы ранних русско-западных встреч, соотношения Я и Ты в таких встречах (С. 16). В этом первом разделе изучается новгородский святой Антоний Римлянин. Индивидуально-личные черты святого рассмотрены в следующей главе, посвященной Авраамии Смоленскому. Здесь затронут и вопрос о юродстве, которому больше внимания предполагалось уделить в продолжении книги, на дописывание которого уже не осталось времени. В этой же главе Топоров касается волнующей его темы “Глубинных” книг. Удивительны обнаруженные им ранее сходства древнеиндийского мифа о первочеловеке Пуруше, из частей тела которого образовались части окружающей природы, и похожего мотива в древнерусской Голубиной Книге. В недавних публикациях он вернулся к древнему наследию гностицизма в Голубиных (в самой ранней терминологии “Глубинных”) книгах и их сравнению с иранским “Бундахишном”. В разделе о “Погибели Рускыя земли” дается оценка евразийства и взглядов сторонников этого течения (из которых Топорову был особенно созвучен князь Н.С. Трубецкой, чьи взгляды были им оценены в специальной работе) на проблему татаро-монгольского завоевания. В главе о Серапионе продолжены размышления о времени–пространстве русской истории. Большая часть второго тома книги о святых, посвященная жизненному делу Сергия Радонежского, открывается раскрытием панорамы русской истории XIV в. Здесь дана содержательная критика понятия “феодализма” по отношению к русскому средневековью. Топоров показывает, что характер политической раздробленности, отсутствие вассалитета и вотчинный уклад делают русскую ситуацию коренным образом отличной от западноевропейской. Оригинальным в исторической концепции Топорова было и понимание роли Литвы в соотношении с Московской Русью (этому вопросу и некоторым другим вопросам ранней истории Литвы и Вильнюса Топоров посвятил ряд работ, вышедших отдельной книгой в Литве в переводе на литовский язык). Предложенное Топоровым понимание Сергия и его жизненного дела глубоко прочувствованно и окрашено в личные, чтобы не сказать автобиографические тона. Мне всегда казалось, что если православие как личная вера было дано Владимиру Николаевичу самим его рождением, то буддизм заинтересовал его прежде всего сторонним, непосредственно созвучными его внутреннему складу. Совсем не все русские православные мыслители так близко подошли к принятию буддийских воззрений. В книге Топорова в связи с Сергием упомянуты черты, которые для него сближали буддизм и христианство, в особенности, старую русскую православную традицию и ее византийские истоки. Это прежде всего понимание возможно малого значения (собственного) Я и связанного с этим желательного преобладания в поведении безмолвия или молчания – об этом, ссылаясь на Нагарджуну, он говорит и в своей биографии Сергия. К основам буддийского понимания личности Топоров обратится, говоря о молчании Сергия и о его “грамматическом” аскетизме, сказавшемся в редком употреблении форм первого лица. Рассуждая об опасности, скрытой в Я, Топоров в своей книге о святости замечает: “Эта ситуация хорошо известна и в христианском богословии и – специально – в аскетике. Но и за пределами христианства,

в частности, в буддизме проблеме Я уделялось очень большое внимание. И в разных направлениях буддизма, между прочим, и в “личном” учении Будды, реальность Я часто ставилась под подозрение, а в наиболее радикальных учениях вообще отрицалась. Но и Будда, не отрицавший феноменальное Я, данное в опыте, в сфере “приблизительного” и “неконечного”, признавал недопустимыми метафизические спекуляции на тему Я, и сам предпочитал этим спекуляциям молчание”. В рассуждениях Топорова о метафизике молчания мне всегда кажется, что присутствует момент лично автобиографический. В конце того отрывка, начало которого только что процитировано, Топоров говорит о радикальном отрицании Я как иллюзии у Нагарджуны и завершает словами: “Все это, конечно, далеко от Сергия, но кто знает, где останавливался он в своих мыслях о себе и о Я”. Молчание-безмолвствование и богословие Троицы – главные проявления мистического начала в Сергии (С. 565). Из этой части книги мы много можем понять и в ее авторе, выступающем здесь и как художник.

Русская литература, в особенности поэзия, с юношеских лет была одной из самых притягательных областей культуры для начинающего ее исследователя. Топоров уже в свои школьные годы превосходно знал русскую литературу от ранних памятников (он продолжал и потом интересоваться историей текста “Слова о полку Игореве”, в специальной статье, написанной в соавторстве, допуская наличие поздних вставок в древний оригинал, при переписке измененный) до новейших: в прозе он выделял “Тихий Дон” и довоенные романы Федина, в поэзии он разделял вкусы своих школьных и университетских друзей: из современников больше всех это сообщество ценило раннего Пастернака, “Сестру мою жизнь” Топоров знал наизусть.

Направление интересов делало естественным решение поступить на русское отделение филологического факультета МГУ. Предполагаемым основным предметом занятий была русская литература разных периодов (уже на первом курсе он много и серьезно занимался поэтами XVIII в.). Его университетский учитель И.Н. Розанов был настолько впечатлен познаниями в этой области студента второго курса, что уже тогда предрек ему избрание в академики, состоявшееся с большим опозданием (как перед этим присуждение докторской степени) через почти полвека. Топоров слушает лекции Н.К. Гудзия по древнерусской литературе, читает ранее ему неизвестные тексты и исследования о них. Но, несмотря на проявленный молодым студентом интерес к отдельным открывающимся темам (помню, как он был увлечен реконструкцией текстов русских летописей в духе Шахматова и Приселкова), становится все яснее, что препятствий для выражения своего мнения при занятиях историей литературы окажется слишком много. Принимается решение сделать главными занятия лингвистикой. Этому способствовал Самуил Борисович Бернштейн, который был наделен несомненным талантом находить самых способных студентов и брать их под свое покровительство. Благодаря разговорам с Бернштейном, который нацеливает Топорова на темы сравнительно-славянского характера, крепнет желание Владимира Николаевича самостоятельно пройти курсы, соответствующие программе не только русского, но и славянского отделения. Это намерение быстро осуществляется. Кроме древнерусского и старославянского, которыми полагалось овладеть на русском отделении, и многих других языков, которыми занимался Топоров в университетские годы, он выучивает последовательно все славянские языки. Когда мы были вместе в Польше в 1966 г., он легко говорил по-польски. Он читал на всех славянских языках художественные (в том числе фольклорные диалектные) и научные тексты любой степени трудности. Балто-славянское направление исследований, которое тоже поддерживал С.И. Бернштейн, оказалось доступным Топорову прежде всего потому, что начиная со второго курса, учась у М.Н. Петерсона, он, как и другие члены нашей группы студентов разных отделений, занимавшиеся у того санскритом, прошел все составные части факультативной подготовки по сравнительно-историческому индоевропейскому языкознанию; в них входил и литовский язык. Его Топоров, нередко ездивший в Литву и разговаривавший с друзьями-литовцами на их родном языке, позднее изучил в совершенстве. Хочу заметить, что для наших учителей преподавание компаративистских предметов, не входивших в число официально рекомендуемых (а до лингвистической дискуссии 1950 г. и вовсе считавшихся чуть ли не запретными), отнюдь не было безопасным занятием. Но если бы не их смелость, вхождение каждого из нас в науку не произошло бы с такой естественной плавностью.

По согласованию с Бернштейном, ставшим научным руководителем Владимира Николаевича, в качестве темы дипломной работы при окончании университета в 1951 г. выбирается связанная с историей славянского склонения. Для этой работы Топоров обследует множество памятников, преимущественно древних, и знакомится с большой научной литературой по сравнительно-исторической морфологии и по типологии склонения (на него тогда произвели впечатление мысли о редкости этого явления, высказанные князем Н.С. Трубецким, к всегда оригинальным идеям которого по разным поводам он обращается в разные периоды жизни еще до того, как он напи-

шет большую статью о научном пути великого создателя целых областей современного языкознания и смежных с ним гуманитарных наук). Продолжением дипломной работы являлась диссертация о локативе в славянских языках, над которой Топоров работает в аспирантуре, куда поступает сразу по окончании университета осенью 1951 г. Диссертация описывает локатив и его историю в каждом из славянских языков и содержит подробное сопоставление с другими индоевропейскими, включая и те, которые, как хеттский, только начинали входить в круг интересов специалистов по сравнительно-историческому языкознанию. Некоторые проблемы, тогда только намеченные в сравнительной грамматике, как строение и функции архаического локатива с нулевым окончанием, были широко обсуждены в труде Топорова. Работа, защищенная в качестве кандидатской диссертации (которую оппоненты расценили как докторскую, что, однако, не получило формального завершения) и затем изданная отдельной книгой “Локатив в славянских языках” (М., 1961), являлась опытом продолжения вполне традиционных проверенных методов компаративистики, которыми Топоров овладевает в совершенстве. Их помножение на новые факты (прежде всего анатолийских и тохарских языков, открытых в XX в.) явилось характерной чертой тех диахронических исследований, которые у Топорова ведут к радикальному изменению принятых представлений о праславянском языке, его внутренней и внешней (особенно важной для археологов и историков), эволюции и поэтому лишь с большим опозданием начинают влиять на изложение соответствующих вопросов в обзорных книгах и в учебных пособиях (см. из относительно более поздних итоговых работ доклад к X Международному съезду славистов “К реконструкции древнейшего состояния праславянского”, 1988). С самых ранних лет своей лингвистической деятельности Топоров начинает большую этимологическую работу преимущественно над балтийским и славянским словарем. Сейчас, когда вышли первые два тома собрания его этимологических работ, становится более наглядным все значение им сделанного в этой области. Новую эпоху в изучении словаря не только балтийских, но и славянских языков ознаменовал словарь прусского языка в индоевропейской перспективе, который издавался в 1975–1990-х годах. Топоров в напечатанных томах успел обозреть примерно половину наличных слов, включая начинающиеся с L – (для последующих букв работа проведена по карточкам, которые Топоров пердал петербургским и вильнюсским коллегам, намеревавшимся закончить работу).

По ходу занятий в аспирантуре Топоров серьезно изучает отдельные вопросы (в частности, сравнительной акцентологии), существенные для понимания балто-славянских общих явлений. По окончании аспирантуры в 1954 г. Топоров поступает в Институт славяноведения АН СССР, где работает в секторе славянского языкознания, возглавляемым С.Б. Бернштейном. Ему поручается разработка подходов к проблеме балто-славянских отношений. В блещущем новыми идеями конспекте будущего исследования наряду с историографическими частями (которые вскоре им были расширены и позднее опубликованы) большое внимание было уделено вопросам метода. В.Н. Топоров в это время увлекается возможностями структурного исследования языков и других знаковых систем, внимательно изучает труды основоположников структурализма, в частности Пражского лингвистического кружка. Большое значение для него, как и для всей группы молодых лингвистов, одним из лидеров которой он становится, имеет приезд в Москву весной 1956 г. (на заседание Международного комитета славистов, посвященного подготовке намеченного на осень 1958 г. IV Международного съезда славистов в Москве) Романа Якобсона, чьи труды он высоко ценил, прежде всего отмечая их философскую направленность (позднее он специально участвует в написании обзора роли трудов Якобсона в таких областях, как славянский фольклор и мифология). Тесные научные и дружеские связи с Романом Осиповичем Якобсоном много значили для тех лингвистических и семиотических исследований, в которых Топоров со своими соавторами и учениками на славянском материале развивал некоторые из плодотворных идей, которые продолжали и реализовывали многое из намеченного Якобсоном и его школой.

Топоров внимательно изучает исследования классиков славистики и балтистики. В Риге он участвует в торжественном заседании, отмечавшем юбилей патриарха этой области сравнительного языкознания Я. Эндзелена. Для решения стоявшей перед молодым ученым проблемы характера ранних балто-славянских языковых отношений большое значение имела работа о ранней предистории балтийского и славянского глагола. В ней Топоров впервые обратил внимание на такие черты балто-славянской глагольной системы, в которых можно увидеть сходство не с теми индоевропейскими языками, с которыми (как с санскритом, которым Топоров всю жизнь много и увлеченно занимался) ее обычно сравнивали, а с хеттским и другими вновь открытыми древними языками. Эти идеи Топорова повлияли на соответствующие разделы написанного Калвертом Уоткинсом тома об индоевропейском глаголе в той новой сравнительно-исторической грамматике, которую начал издавать Курилович (один из видных структуралистов старшего поколения, применивших новые методы к сравнительному славянскому языкознанию в том направлении, кото-

рое в те годы разделялось Топоровым). Воздействие этих новаторских идей продолжает чувствоваться до сих пор не только в реконструкции древней формы основных окончаний каждой из восстанавливаемых серий славянских и балтийских глагольных форм, но и в самой постановке вопроса о том, в какой мере праславянский и прабалтийский отличаются от других индоевропейских диалектов (Мне представляется в этом плане весьма поучительным сопоставление ранней работы Топорова с недавним опытом новой реконструкции глагола в каждом из индоевропейских диалектов, включая прабалтийский и праславянский: *Douglas Q. Adams. "Give To Drink" in Tocharian B and the Reflexes of the PIE Causative.* 2003). Предложенный Топоровым взгляд на это сопоставление вел к совершенно новой постановке вопроса об отношении славянских языков к балтийским. Оказывалось возможным восстановить для праславянского такую модель древнейшей грамматической и фонологической структуры, которая выводима из аналогичной модели прабалтийского состояния, но обратное (выведение прабалтийского из праславянского) невозможно. Этому вопросу был посвящен наш совместный с Топоровым доклад на Международном съезде славистов в Москве осенью 1958 г. Он вызвал широкое и в общем сочувственное обсуждение на съезде и после него в выступлениях таких славистов, как Лер-Сплавинский. Топоров продолжал развивать некоторые из идей, родившихся в связи с занятиями балтийским глаголом. Его статья о парадигме литовского глагола применяла тот структурный подход, плодотворность которого на материале славянского глагола была продемонстрирована Романом Якобсоном и его последователями. Летом 1958 г. В.Н. Топоров по приглашению литовских диалектологов участвует в их экспедиции в литовских деревнях на территории Белоруссии. Сделанные тогда и позднее (Топоров повторял эти поездки) наблюдения легли в основу работы Владимира Николаевича и его учеников относительно характера взаимодействия славянских и балтийских диалектов в Новое время. Позднее Топоров становится душой нового издания "Балто-славянские исследования", много значащего для развития всей этой области знаний. Ряд его важнейших трудов в нем напечатан.

Для изучения ранней истории балтийских и славянских языков и их носителей исключительное значение имеет проведенное Топоровым исследование гидронимов и многих других местных названий Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. Первым этапом явилась монография, выполненная совместно с акад. О.Н. Трубачевым. В дальнейшем В.Н. Топоров продолжил эти исследования на материале множества названий рек, получивших в его работах этнолингвистические характеристики. Благодаря этим исследованиям были установлены гораздо более широкие, чем предполагалось ранее, границы ареала распространения балтов.

Это было время бурного развития в нашей стране новых областей лингвистики, связанных с математикой (которыми к тому времени Топоров овладевает основательно). Он участвует в целом ряде конференций структурного и семиотического направления, выступая с докладами, вызывающими всеобщий интерес. Когда в середине 1960 г. постановлением специального заседания Президиума АН СССР о развитии структурных и семиотических исследований в Институте славяноведения был создан особый новый Сектор структурной типологии славянских языков, Топоров становится его основателем и первым заведующим. Он продемонстрировал свое умение стать при необходимости крупным организатором науки. За два с небольшим года, в течение которых он находился во главе этого объединения, которому суждено было сыграть видную роль в развитии всего комплекса наук о знаковых системах в нашей стране и во всем мире, Топоров заложил фундамент тех занятий, которыми вскоре прославилась научная школа, после присоединения к ней Ю.М. Лотмана получившая название "Московско-тартуской". Топоров подобрал основной состав тех видных ученых (таких, как акад. А.А. Зализняк, член-корреспондент РАН Т.М. Николаева, помогавшая ему в качестве первого ученого секретаря Сектора, безвременно от нас ушедший И.И. Ревзин, ставший вторым по времени ученым секретарем Сектора) и тогдашней лингвистической молодежи (прежде всего аспирантов, воспитанных В.Н. Топоровым, как Т.В. Цивьян), который в будущем определил вместе с ним самим лицо Сектора. При приеме некоторых новых сотрудников (в частности, пишущего эти строки) Топорову приходилось преодолевать сопротивление дирекции Института, боявшейся политических осложнений. Ни один из сотрудников Сектора не был членом коммунистической партии, некоторые уже были известны достаточно откровенными выступлениями против господствовавшего режима. Быстро налаживается выход сборников Сектора, отличавшихся широкой подхода к самым разным семиотическим системам, преимущественно славянским. Топоров замыслил структурное описание славянских языков, начиная с русского. В то время его занимали вопросы, связанные с введением в языковедение вероятности и с комбинаторикой языковых элементов. В современном русском языке он сам обследовал комбинации графических элементов; эта большая работа, напечатанная позднее отдельно, мыслится как часть будущего очерка современного русского языка. Осенью 1962 г. состоялся организованный Сектором Симпозиум по изучению знаковых систем. В нем приняли участие сотрудники Сек-

тора, многие из которых выступали с несколькими докладами. Симпозиум вызвал интерес широких кругов интеллигенции, заседания были многолюдными. На организаторов и участников посыпались обвинения в их противостоянии официальной идеологии. Растущая в Москве атмосфера доносов и обвинений в неповиновении стандартам советского времени делала все более неизбежным перенос основных конференций и изданий в Тарту, куда с этой целью Топоров и его единомышленники зачастили, начиная с лета 1964 г. Ю.М. Лотман ценил в В.Н. Топорове не только одного из предводителей нового семиотического движения, но и коллегу по занятиям историей русской литературы.

Одним из основных нововведений московско-тартуского направления семиотики явилось рассмотрение текста в качестве главного предмета исследования наряду со знаком и системой знаков. В 1963 г. В.Н. Топоров участвует в подготовке доклада для очередного съезда славистов. Доклад посвящен возможности реконструкции праславянского текста. Проблема заключается не только в возможности восстановления текста на праславянском языке. Не менее важно и то, что ряд вопросов реконструкции текстов (таких, как заговорные и другие обрядовые, сказочные) может быть решен при доведении реконструкции до одного из предельных языковых уровней (скажем, фонемного или морфемного). Как в математике и связанных с ней дисциплинах залогом успеха может быть доведение решения до конкретного числа, так и в разных сферах семиотических исследований наиболее продвинутым результатом может считаться анализ или синтез целого текста. В первых из работ этого рода Топоров много внимания обращает на минимальные тексты, в пределе совпадающие со словом, как праславянские личные имена, представляющие собой словосложения, элементы которых легко комбинируются друг с другом (такими сложными именами, например, с компонентом **mirъ*, он продолжает заниматься вплоть до последних своих работ, см. доклад к XI Международному съезду славистов “Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент *mir*)”, 1993). Ко времени, когда начались наиболее интенсивные исследования Владимира Николаевича в сфере мифологии, оживились исследования текстов небольшого объема. Большинство из них занимается паремиологией, к тому времени привлекающая к себе внимание многих исследователей. Славянская паремиология многим обязана Топорову. Он работает над типами славянских загадок, продолжает изучение заговоров. Топорову удается описать классы определенных текстов, например, балтийских и славянских обрядовых с чередованием однотипных вопросов и ответов (см. его статью “Из области балто-славянских фольклорных связей”. Vilnius, 1963). В 1965–1974 гг. Топоров в качестве одного из двух соавторов участвует в монографиях, посвященных древним славянским ритуалам и мифологии: тому же в эти и последующие годы посвящается значительное число его статей (часть из них с теми же соавторами). Начав с написанного сразу по окончании аспирантуры этюда о древнерусской мифологии в духе троичных моделей Дюмезиля, Топоров в своих исследованиях и многочисленных энциклопедических статьях с соавторами и без них дал развернутую картину раннеславянского пантеона и его локальных вариантов, а также обрядов, в которых эти боги и демоны участвовали (последняя по времени “Боги” в этнолингвистическом словаре “Славянские древности”. М., 1995). Все его многочисленные публикации на эти и пересекающиеся с ними более общие историко-культурные темы суммированы и обобщены в книге “Предистория литературы у славян. Опыт реконструкции” (М., 1998) (в подробной библиографии в конце книги учтены почти все основные публикации автора по ранней славянской духовной культуре). Этот труд можно считать частью его завещания в данной области. Изложение начинается с постановки задачи, которая близка к идее известной нашему читателю большой работы Романа Якобсона “Основа славянского сравнительного литературоведения” (М., 1987). Но в отличие от в значительной степени панхронического подхода этого последнего, Топоров гораздо больше обращен к предыстории в собственном смысле, к общему фонду сюжетов, героев, образов и стилистических приемов, которые сформировались еще в праславянский период, к тем генетическим сходствам, которыми во многом определялись и последующие совпадения отдельных славянских литературных и фольклорных традиций друг с другом. Вместе с тем книга начинается с характеристики самого начала славянской письменности, того периода, который в соответствии с древним обозначением можно назвать временем “славянской книги” (в других терминах это период моравской и древнеболгарской литературы на старославянском языке). Балтийская и славянская мифология в этой книге и в ряде других, посвященных ей трудов Владимира Николаевича, излагается прежде всего в духе повествования о сюжетах, среди которых выделяется основной миф – о борьбе бога-змееборца с его мифологическим противником и разного рода трансформации этого мифа и его персонажей, а также животных и растений, вовлекаемых в пересказывание этого мифа. Описание богатырей проводится посредством дифференциации тех триад, в которые они входят. В следующем разделе книги Топоров, специально занимавшийся теорией ритуала и праздника, анализирует их славянские формы в связи с функци-

ями календарных и других обрядовых циклов и различиями жанров. В заключение приведены некоторые из полученных языковых реконструированных текстов и сообщаются современные данные о праславянской метрике.

Наряду с древними русскими поверьями и с ранними истоками всех славянских литератур Топоров занимался на протяжении всей сознательной жизни русской литературой. Ему принадлежат книги и большие исследования о Муравьеве, Карамзине, Жуковском, Пушкине, “странном” (фантастическом) Тургеневе, Достоевском, Блоке, Кондратьеве, Ахматовой. Мне кажутся едва ли не всего более значительными исследования, где Топоров выдвинул и развернул понятие “петербургского текста”. Петербург пользовался особой любовью Владимира Николаевича. Он никогда не упускал случая если не еще раз посетить облюбованный им город, то хотя бы в воображении побродить по нему, расстелив перед собой его подробный план (его день после завтрака нередко начинался с этого). Это пристрастие, пронесенное сквозь всю жизнь и нисколько не ослабевшее, сказалось в широком круге исследований, охвативших диапазон петербургских текстов от романов Достоевского до настенных граффити в общественных уборных последних лет. В анализе Достоевского Топоров продолжил и развил идеи обстоятельно им изученного Бахтина. В центре его исследования находится категория пространства (этот прием использован в его большой книге о русской литературе и применительно к таким ранее неизученным и лишь недавно открытым авторам XX в., как Крижановский).

Начиная со второй половины 1960-х годов Топоров и его соавторы печатают серию работ о поэтах-акмеистах и их поэтике. Совместное исследование, выполненное вместе с Т.В. Цивьян, выявило такие универсальные образы у акмеистов, как “черное солнце”, и наметило их интертекстуальные связи (с Нервалем). Особую статью он посвящает поэзии Шилейко, тогда совсем позабытой. Ахматова (главным образом поздняя) его заинтересовала преимущественно связью ее поэзии с историей и временем.

В последней книге Топорова, содержащей избранные работы о Петербургском тексте русской литературы, центральное место занимает монографическое исследование “Из истории петербургского аполлинизма: его золотые дни и его крушение”. Крушение показано на примере позднего Блока (его “Русского бреда”), Вагинова и других. Изложение доводится до нашего времени. Хронологически последним является недавнее стихотворение Кушнера, процитировав которое, Топоров замечает: «Неужели снова на рубеже прошлого века и начала настоящего в неизменное отмеченное время уже в четвертый раз является в русскую поэзию и – шире – в русскую культуру а п о л л о н о в с к о е начало? Трагическая история двадцатого века с ее “антиаполлинизмом” и “пифонизмом” вопиет о порядке, согласии, гармонии, свете. Но в силах ли аполлинизм решить свою задачу, осуществить свое назначение при всей той невероятной сложности проблем, которые стоят не только перед Россией, но и перед всем миром».

Хочется, как и Топоров в конце этой главы его книги, не расставаться с надеждой. И верить, что в той будущей России, которая после всех мытарств обретет согласие и гармонию, как раннего предвестника перемены вспомнят Владимира Николаевича Топорова и его произведения, во многом пророческие.

Вяч. Вс. Иванов

CONTENTS

ARTICLES

<i>Moldovan A.M.</i> (Moscow). Slavic Studies in Russia (Results of the Program of the Department for History and Philology, RAS)	3
* * *	
<i>Serapionova E.P.</i> (Moscow). T. Ober's League and Its Russian Section on Balkans Activities.....	16
<i>Kosik V.I.</i> (Moscow). Without Fatherland: Russian's Life (Being) in Yugoslavian Province (from King Alexander to Marshal Tito).....	32
<i>Timofeev A.Yu.</i> (Belgrad). Russian Emigration in Yugoslavia in 1941	44
<i>Pokivajlova T.A.</i> (Moscow). Victor Bogomolets – an Agent of Romanian Secret Services.....	57
<i>Edemskij A.B.</i> (Moscow). Discussions Among Russian Emigrants about “the General Vlasov's Movement” in the First Period of Soviet-American Confrontation 1946–1950: Materials and Documents.....	66

FROM SLAVIC STUDIES HISTORY

<i>Alekseev N.A.</i> (Moscow). Nikolay Mikhajlovich Galkovsky	81
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Ivonin Yu.E., Artemenkov M.N.</i> В.Л. Керов. Французская колонизация Мадагаскара и граф Бенёвский	88
<i>Kosik V.I.</i> В.М. Хевролина. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев.....	90
<i>Kostushko I.I.</i> И.С. Яжборовская, В.С. Парсаданова. Россия и Польша. Синдром войны 1920 года	96
<i>Kosik V.I.</i> Ц. Кьосева. Руската емиграция в България	98
<i>Sumnikova T.A.</i> Fathers and Sons of the Moscow Linguistic School. In Memoriam of Vladimir Nikolaevich Sidorov.....	101

SCHOLARLY LIFE

<i>Dostal M.Yu.</i> International Scholarly Conference “Russian Scholars of Humanities in the Interwar Czechoslovakia.....	107
In the Dissertation Councils of the Institute for Slavic Studies, RAS	112

ANNIVERSARIES

Toward the Anniversary of Ludmila Eduardovna Kalnyn'	116
Toward the Anniversary of Lidia Egorovna Semenova	118

OBITUARIE

<i>Ivanov Vyach. Vs.</i> In Memoriam of the Great Scholar: Vladimir Nikolaevich Toporov (1928–2005)....	120
---	-----

Сдано в набор 04.04.2006 Подписано в печать 26.05.2006 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 5,7 тыс. Уч.издл. 12,0 Бум.л. 4,0
Тираж 532 экз. Зак. 1425

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ПОДПИСКА-2007
— ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ —

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

1 ТОМ Российские и зарубежные газеты и журналы

2 ТОМ Книги и учебники

1 ТОМ **ПРЕС**
РОС
И З
ГАЗ
И Ж

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе “АРСМИ”